

1 00

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРІЯ

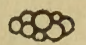
ВЪ

ПОЭТИЧЕСКИХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ

для младшихъ и среднихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и городскихъ училищъ.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія признано заслуживающимъ вниманія при пополненіи ученическихъ, младшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также допущенію въ библіотеки Городскихъ по Положенію 1872 г. училищъ.

СОСТАВИЛЪ
Ар. СОЛОВЬЕВЪ,
преподаватель Екатеринбургской
Императора АЛЕКСАНДРА II Освободителя Гимназіи.

ЕКАТЕРИНБУРГЪ
1912 г.

ОДЕССА,
Типографія книгоиздательства М. С. Козмана.
Госпитальный пер., 10, собствен. домъ.

ОТЪ СОСТАВИТЕЛЯ.

Настоящій сборникъ поэтическихъ произведеній представляетъ изъ себя попытку соединенія нѣкоторыхъ поэтическихъ произведеній, имѣющихся въ нашей литературѣ, въ одно цѣлое, чтобы они служили *иллюстраціею* къ эпизодическому курсу Отечественной Исторіи, который въ настоящее время проходится въ младшихъ классахъ гимназій и реальныхъ училищъ.

Преподаваніе исторіи въ младшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній должно оказывать особенно благотворное вліяніе на воспріимчивыя души дѣтей. Предметъ этотъ долженъ дѣйствовать не столько на умъ ребенка, сколько на его нравственное чувство, пробуждать въ немъ любовь къ своей родинѣ, къ родной старинѣ. Поэтому не достаточно излагать передъ дѣтьми только факты исторической жизни, но необходимо каждый фактъ представить вь картинной, образной формѣ. Это заинтересуетъ учениковъ и облегчитъ дѣло преподавателя. Прекраснымъ средствомъ для этого являются поэтическія произведенія, предложенныя въ нашемъ сборникѣ; одни изъ этихъ произведеній даютъ намъ живую, художественно—исполненую картину какого—нибудь одного историческаго факта, другія живо иллюстрируютъ цѣлыя эпохи прошедшей русской жизни.

Что касается самаго выбора поэтическихъ произведеній, то мы старались останавливаться на такихъ, которыя наиболѣе доступны пониманію дѣтей и которыя наиболѣе ярко и характерно представляютъ событія изъ нашей родной исторіи.

А. В. С.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Царь и Россія.

II. Принятіе христіанства и Св. Владиміръ.

III. Монгольское иго.

IV. Москва.

V. Великій Новгородъ.

VI. Первый царь всея Руси Іоаннъ IV Васильевичъ Грозный.

VII. Борисъ Годуновъ и Смутное Время на Руси.

I. Царь и Россія.

Умомъ Россіи не понять,
Аршиномъ общимъ не измѣрить,
У ней особенная стать:
Въ Россію можно только вѣрить.

Русскій гимнъ.

Боже, Царя храни!
Сильный, державный,
Царствуй на славу намъ,
Царствуй на страхъ врагамъ,
Царь православный!
Боже, Царя храни!

Многолѣтіе.

Многи лѣта, многи лѣта,
Православный русскій царь!
Дружно, громко пѣсня эта
Пѣлась прадѣдами встарь.

Дружно, громко пѣсню эту
И теперь вся Русь твердитъ;
Съ ней по цѣлому полсвѣту
Имя царское гремитъ.

Ей повсюду отвѣчая,
Мчится русское „ура“
Отъ Кавказа до Алтая,
Отъ Амура до Днѣпра.

Съ ней во дни Петровы шведу
Русскій путь загородилъ,
И за Нарвскую побѣду,
Днемъ Полтавы отплатилъ.

Съ ней во дни Екатерины
Славенъ сталъ нашъ русскій штыкъ,
И Кагульскія дружины
И Суворовскій Рымникъ.

Съ нею грозно запылала
Вѣнценосная Москва,
И небесной карой пала
На враговъ ея глава.

Въ наши дни перешагнула
Съ нею рать Балкановъ грань,
Потрясла врата Стамбула,
Повалила Эривань.

Прогреми жъ до граней свѣта,
И по всѣмъ сердцамъ ударь,
Наша пѣсня: „Многи лѣта,
Православный русскій царь!“

Слава.

Слава на небѣ солнцу высокому—
На землѣ государю великому!
Слава на небѣ утру прекрасному—
На землѣ государынѣ ласковой!
Слава на небѣ ясному мѣсяцу—
На землѣ государю наслѣднику!
Слава яркимъ свѣтиламъ полуночи—
Сыновьямъ, дочерямъ государевымъ,
И великому князю съ княгинею!
Слава громамъ, играющимъ на небѣ—
Слава храброму русскому воинству!
Слава небу всему лучезарному—
Слава русскому царству великому!
Веселися ты, солнце небесное—
Многи лѣта царю благовѣрному!

Славься, славься, нашъ русскій царь,
Господомъ данный царь-государь!
Да будетъ безсмертенъ твой царскій родъ!
Да имъ благоденствуетъ русскій народъ!

Ура Царю!—

Завѣтъ старины.

Снилось мнѣ: по всей Россіи
Свѣтлый праздникъ—древній храмъ—
Звонъ, служенье литургіи,—
Блескъ свѣчей и ѳиміамъ,—

На амвонѣ жъ, въ ѳиміамѣ,—
Точно въ облакѣ, стоитъ
Старцевъ сонмъ, и намъ, во храмѣ
Преклоненнымъ, говоритъ:

„Труденъ въ мірѣ, Русь родная,
Былъ твой путь; но дни пришли—
И, въ свой новый путь вступая,
Ты у Господа моли,

„Чтобъ въ сынахъ твоихъ свободныхъ
Коренилось и росло
То, что въ годы бѣдъ народныхъ,
Осѣнивъ тебя, спасло;

„Чтобы ты была готова,
Сердце чисто, духъ великъ,—
Стать на Судилище Христово
Всѣмъ народомъ каждый мигъ;

„Чтобъ въ вождяхъ своихъ сіяя
Силъ духовныхъ полнотой,
Богоносица святая,
Міръ вела ты за собой

Въ свѣтъ—къ свободѣ безконечной
Изъ-подъ рабства суеты,—
На исканье правды вѣчной
И душевной красоты.

Русь.

Подъ большимъ шатромъ
Голубыхъ небесъ,—
Вижу—даль степей
Зеленѣется.

И на граняхъ ихъ,
Выше темныхъ тучъ,
Цѣпи горъ стоятъ
Великанами.

По степямъ въ моря
Рѣки катятся,
И лежатъ пути
Во всѣ стороны.

Посмотрю на югъ—
Нивы зрѣлыя,
Что камышъ густой,
Тихо движутся;

Мурава луговъ
Ковромъ стелется,
Виноградъ въ садахъ
Наливается.

Гляну къ сѣверу—
Тамъ, въ глуши пустынь,
Снѣгъ, что бѣлый пухъ,
Быстро кружится;

Подымаетъ грудь
Море синее,
И горами ледъ
Ходитъ по морю;

И пожаръ небесъ
Яркимъ заревомъ
Освѣщаетъ мглу
Непроглядную...

Это ты, моя
Русь державная,

Моя родина
Православная!

Широко ты, Русь,
По лицу земли
Въ красѣ царственной
Развернулася!

У тебя ли нѣтъ
Поля чистаго,
Гдѣ-бъ разгулъ нашла
Воля смѣлая?

У тебя-ли нѣтъ
Про запасъ казны,
Для друзей стола,
Меча недругу?

У тебя-ли нѣтъ
Богатырскихъ силъ
Старины святой,
Громкихъ подвиговъ?

Передъ кѣмъ себя
Ты унизила?
Кому въ черный день
Низко кланялась?

На поляхъ своихъ
Подъ курганами
Положила ты
Татаръ полчища.

Ты на жизнь и смерть
Вела споръ съ Литвой
И дала урокъ
Ляху гордому.

И давно-ль было,
Когда съ запада
Облегла тебя
Туча темная?...

Подъ грозой ея
Лѣса падали,
Мать сыра-земля
Колебалася,

И зловѣщій дымъ
Отъ горѣвшихъ селъ
Высоко вставалъ
Черным облакомъ.

Но лишь кликнулъ Царь
Свой народъ на брань—
Вдругъ со всѣхъ концовъ
Поднялася Русь,—

Собрала дѣтей,
Стариковъ и женъ,
Приняла гостей
На кровавый пиръ.

И въ глухихъ степяхъ,
Подъ сугробами,
Улеглися спать
Гости на вѣки.

Хоронили ихъ
Вьюги снѣжныя,
Бури сѣвера
О нихъ плакали!...

И теперь среди
Городовъ твоихъ
Муравьемъ кипитъ
Православный людъ.

По сѣдымъ морямъ
Изъ далекихъ странъ
На поклонъ тебѣ
Корабли идутъ.

И поля цвѣтутъ,
И лѣса шумятъ,

И лежатъ въ землѣ
Груды золота;

И во всѣхъ концахъ
Свѣта бѣлаго
Про тебя идетъ
Слава громкая.

Ужъ и есть за что,
Русь могучая,
Полюбить тебя,
Назвать матерью,

Стать за честь твою
Противъ недруга,
За тебя въ нуждѣ
Сложить голову!—

Русь.

Русь! Русь! Вижу тебя изъ моего чуднаго, прекраснаго далека, тебя вижу. Бѣдна природа въ тебѣ, не развеселятъ, не испугаютъ взоровъ дерзкія ея дива, вѣнчанныя дерзкими дивами искусства,—города съ многооконными, высокими дворцами, вросшими въ утесы, картинныя дерева и плющи, вросшіе въ домы, въ шумѣ и въ вѣчной пыли водопадовъ; не опрокинется назадъ голова посмотрѣть на громоздящіяся безъ конца надъ нею и въ вышинѣ каменныя глыбы; не блеснутъ сквозь наброшенныя одна на другую темныя арки, опутанныя виноградными сучьями, плющами и несмѣтными милліонами дикихъ розъ, не блеснутъ сквозь нихъ вдали вѣчныя линіи сіяющихъ горъ, несущихся въ серебряныя, ясныя небеса. Открыто—пустынно и ровно все въ тебѣ; какъ точки, какъ значки, непримѣтно торчатъ среди равнинъ невысокіе твои города; ничто не обольститъ и не очаруетъ взора. Но какая же непостижимая тайная сила влечетъ къ тебѣ? Почему слышится и раздается немолчно въ ушахъ твоя тоскливая, несущаяся по всей длинѣ и ширинѣ твоей, отъ моря до моря, пѣсня? Что

въ ней, въ этой пѣснѣ? Что зоветъ и рыдаетъ, и хватаетъ за сердце? Какіе звуки болѣзненно лобзаютъ и стремятся въ душу, и вьются около моего сердца? Русь! Чего же ты хочешь отъ меня? Какая непостижимая связь таится между нами? Что глядишь ты такъ, и зачѣмъ все, что ни есть въ тебѣ, обратило на меня полныя ожиданія очи?.. И еще, полный недоумѣнія, неподвижно стою я, а уже главу осѣнило грозное облако, тяжелое грядущими дождями, и онѣмѣла мысль передъ твоимъ пространствомъ. Что пророчитъ сей необъятный просторъ? Здѣсь-ли, въ тебѣ ли не родиться безпредѣльной мысли, когда ты сама безъ конца? Здѣсь ли не быть богатырю, когда есть мѣсто, гдѣ развернуться и пройтись ему? И грозно объемлетъ меня могучее пространство, страшною силою отразясь во глубинѣ моей; неестественною властью освѣтились мои очи... У! Какая сверкающая, чудная, незнакомая землѣ даль! Русь!..

Не такъ ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка, несешься? Дымомъ дымится подъ тобою дорога, гремятъ мосты, все отстаетъ и остается позади. Остановился пораженный божьимъ чудомъ созерцатель. Не молнія ли это, сброшенная съ неба? что значитъ это наводящее ужасъ движеніе? и что за невѣдомая сила заключена въ сихъ невѣдомыхъ свѣтомъ коняхъ? Эхъ, кони, кони,—что за кони! Вихри ли сидятъ въ вашихъ гривахъ? Чуткое ли ухо говоритъ во всякой вашей жилкѣ? Заслышали съ вышины знакомую пѣсню—дружно и разомъ напрягли мѣдныя груди и, почти не тронувъ копытами земли, превратились въ однѣ вытянутыя линіи, летящія по воздуху, и мчится вся вдохновенная Богомъ!..

Русь, куда-жъ несешься ты? дай отвѣтъ. Не даетъ отвѣта. Чуднымъ звономъ заливается колокольчикъ; гремитъ и остановится вѣтромъ разорванный въ куски воздухъ; летитъ мимо все, что ни есть на землѣ, и косясь постаранивають и даютъ ей дорогу другіе народы и государства.

Пророчество Андрея Первозваннаго.

Видите ли горы сія? Яко на сихъ горахъ возсіяетъ благодать Божія, имать градъ великъ быть, и церкви многи имать Богъ воздвигнути.

(Слова ап. Андрея).

...Мысль летитъ въ вѣка былые,
Въ вѣка далекіе отъ насъ,
Къ минутѣ той, когда впервые
Здѣсь вѣсть святая пронеслась;

Какъ изъ земли обѣтованной,
Съ великимъ словомъ о Христѣ,
Пришелъ апостолъ Первозванный
Къ сей живописной красотѣ.

Какъ онъ оглянулъ зоркимъ окомъ,
И славу въ будущемъ сихъ мѣстъ
Изрекъ восторженнымъ пророкомъ
И водрузилъ здѣсь—первый крестъ.

Начало Руси.

(Рѣчь Гостомысла).

Славяне!.. Нашъ край и великъ и обиленъ... Но, видимъ мы сами, порядка въ немъ нѣтъ: и можетъ ли такъ онъ быть славенъ и силенъ?—Подумайте, братья, и дайте отвѣтъ. Доселѣ во всемъ у насъ общая воля, но долго-ль такъ будетъ, кто знаетъ, друзья!... Насъ можетъ постигнуть жестокая доля—погибнетъ великая наша семья. Единство, согласье межъ нами какое?.. Всѣ судятъ и рядятъ по мысли своей, собранія длятся, и все въ нихъ пустое отъ прихотей разныхъ, отъ разныхъ затѣй. Какой у насъ будетъ порядокъ, устройство... Какой между нами быть правдѣ, когда отъ нашихъ усобицъ—одно безпокойство, всегдашнія ссоры, раздоръ и вражда?.. Одинъ родъ другому ни въ чемъ не уступитъ, при каждомъ разладѣ борьба настаетъ... Кто насъ по-

миритъ, кто въ бѣдѣ насъ заступитъ, кто общую пользу во всемъ соблюдетъ? Чтобъ родину нашу отъ бѣдствій избавить, отъ гибели явной ее оградить, должны мы лицу одному предоставить верховную власть—управлять и судить. „Кто противъ боговъ — на Новгородъ Великій!?“... Доселѣ мы смѣло еще говоримъ; но если не будетъ надъ нами владыки, мы городъ нашъ, землю— въ конецъ разоримъ. Смотрите!.. Варяги—сосѣди воюютъ, имѣя охрану въ князьяхъ и законъ, богато живутъ, промышляютъ, торгуютъ и брали не разъ нашу землю въ полонъ. Народы сосѣдніе свѣдали силу, какою насъ щедро Перунъ одарилъ... Зачѣмъ же себѣ намъ самимъ рыть могилу—безъ пастыря тратить цвѣтъ жизненныхъ силъ? Помыслите! Что намъ дороже отчизны? Что можно для блага ея пожалѣть? Заранѣ, потомства страшась укоризны, должны мы далеко и зорко смотрѣть. Вождемъ и старѣйшиной вашимъ хотя вы согласіемъ общимъ избрали меня, но я не желаю, бѣгу этой славы... Погибели края страшусь, какъ огня. Такой же, какъ сами вы, родоначальникъ-какой я вамъ буду въ дѣлахъ судія, и въ мирѣ правитель, и въ войнахъ начальникъ, тогда какъ единая всѣ мы семья?.. Всѣ наши славянскіе знатные роды, привыкли мы видѣть, равны межъ собой; чтобъ намъ не итти противъ нашей природы—владыка надъ нами пусть будетъ чужой!.. Къ варяжскимъ князьямъ согласимся отправить пословъ именитыхъ изъ нашей среды, чтобъ родиной нашей пришли они править, пріяли надъ нами княженья бразды. Доселѣ къ намъ въ гости ѣзжали Варяги, они насъ полюбятъ; полюбимъ гостей; подъ властью ихъ будемъ въ родимой отвагѣ—спокойнѣе дома, сосѣдямъ страшнѣй. И славой геройской, и знатностью рода три брата извѣстны въ Варяжскомъ краю, — то Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ,—народа судьбу мы вручимъ симъ князьямъ и свою.

Перунъ надъ твоею витаетъ главою, ты мудрою рѣчью намъ въ душу проникъ; да будетъ по мысли намъ данной тобою—совѣтъ твой полезенъ, правдивъ и великъ! Въ немъ кроется зрѣлаго опыта смыслъ... Ты истинно всѣмъ намъ желаешь добра: да будетъ по мысли

твоей, Гостомыслъ! Приступимъ же къ дѣлу, настала пора!.. Такъ предки-славяне вождю отвѣчали, отправили за море съ просьбой пословъ, и Царство Россійское такъ основали—„Храни его, Боже, во вѣки вѣковъ!“

Принятіе христіанства и св. Владиміръ.

Выборъ вѣры.

(Преданіе о св. князѣ Владимирѣ).

Въ гриднѣ, убранной богато,
Въ стольномъ Кіевѣ своемъ,
Возсѣдаетъ князь Владимиръ
Съ озабоченнымъ челомъ.

Не блистаетъ взоръ орлиный,
Прежней удалью горя,
Омрачился тѣнью думы
Свѣтлый ликъ богатыря...

Не милы ему: ни ловля,
Ни веселый рокотъ струнъ,
Ни походы удалые,
Ни великій богъ—Перунъ!

Шепчетъ князь, нахмуря брови:
„Идолъ!.. дерева кусокъ!..
Отстоять себя не въ силахъ
Деревянный этотъ богъ!

Будь онъ богомъ—онъ на мѣстѣ
Поразилъ бы христіанъ,
А не слушалъ ихъ глумленій
Неподвижно, какъ болванъ...

Да, пора принять мнѣ съ Русью
Вѣру новую, пора!
Но какую? Какъ послушать—
Вѣра каждая мудра“.

И Владимиръ оживился,
Шлетъ немедленно гонцовъ,

Приказавъ ввести въ палату
Иноземныхъ мудрецовъ.

Чинно въ гридницу княжную
Старцы мудрые вошли.
Первый былъ въ чалмѣ зеленой
Аравійскія земли,

Съ рѣчью важной и цвѣтистой,
Съ длинной бѣлой бородой.
А другой—съ орлинымъ носомъ,
Юркій, смуглый и худой...

Третій былъ царьградскій инокъ
Съ блѣднымъ вдумчивымъ лицомъ
И съ очами, что сіяли
Подъ высокимъ клобукомъ...

И промолвилъ князь Владимиръ,
Отвѣчая на поклонъ:
„Пусть изъ васъ разскажетъ каждый,
Чѣмъ хорошъ его законъ?

Духъ мой жаждетъ силой вѣры
Разогнать безвѣрья тьму:
Чья полюбится мнѣ болѣ,—
Ту съ народомъ и приму“.

Первый началъ представитель
Правовѣрныхъ мусульманъ,
И Аллаха выхваляя,
Онъ цитировалъ коранъ;

Объяснялъ, что такъ отраденъ
Магометовъ чудный рай
Для бойцовъ, погибшихъ съ честью,
Что ложись да умирай!

„Тамъ въ садахъ, гдѣ слышенъ говоръ
Сладкозвучныхъ ручейковъ
И на солнцѣ ярко рдѣютъ
Кисти сочныя плодовъ,—

Вѣчно воины пируютъ
Съ сонмомъ гурій—райскихъ фавъ,
И ласкаетъ ихъ, и нѣжитъ
Чудной музыки напѣвъ...

Все прекрасно въ раѣ нашемъ,
Лишь одно запрещено:
Сокъ изъ гроздей винограда
Опьяняющій—вино!“

И промолвилъ князь, нахмурясь:
„Безъ вина не можетъ быть!
Или ты не слышалъ развѣ,
Что Руси веселье—пить?“

Тотчасъ выступилъ со словомъ
Смугловатый іудей,
И повѣдалъ о законѣ,
Что оставилъ Моисей,

О величьѣ Іеговы,
Спасшемъ избраный народъ
Посреди песковъ пустыни,
Посреди мятежныхъ водъ...

„Но страна то ваша гдѣ-же?“
Тутъ Владимиръ вопросилъ.
И отвѣтилъ тотъ со вздохомъ:
„Богъ во гнѣвѣ расточилъ

Свой народъ, когда то славный,
По лицу всея земли!“
— „Какъ?“ разгнѣвался Владимиръ:
„Какъ же вы дерзнуть могли

Насъ учить,—когда вы сами
По землѣ расточены?..
Нѣтъ, ступайте во свояси,
Здѣсь вы также не нужны!“

Тутъ приблизился и инокъ...
Оживился блѣдный ликъ,

Страстнымъ жаромъ вдохновенья
Озарившійся на мигъ.

Говорилъ онъ о прощеньѣ,
О Спаситѣлѣ Христѣ,
Искупившемъ грѣхъ вселенной
Смертной мукой на крестѣ.

Какъ апостолы святые
Шли къ нему изъ разныхъ странъ,
Какъ крестилъ Его водою
Іордана — Іоаннъ...

И—символомъ жизни новой,
Очищеніемъ грѣховъ—
Стало таинство крещенья
Для его учениковъ...

Какъ страдалъ Онъ—Распятый
Предъ кончиною своей
За враговъ своихъ молился,
За безумныхъ палачей!

Какъ воскреснувшій изъ мертвыхъ,
Онъ вознесся къ небесамъ!—
Смолкнулъ инокъ и—дивится...
Глядь—у князя по щекамъ

Заструились тихо слезы:
Онъ заплакалъ въ первый разъ,
Въ первый разъ слеза катилась
Изъ суровыхъ этихъ глазъ!

Поднялъ голову Владиміръ,
Засвѣтился взоръ очей;
И вскричалъ онъ: „эта вѣра
Будетъ вѣрою моей!

Пусть же свѣтъ ея разсѣетъ
Окружающую тьму
Въ день, когда со всею Русью
Я крещеніе приму!“

Исканіе вѣры.

Князь Владиміръ сидитъ средь дружины своей, средь дружины своей удалой; съ нею держитъ совѣтъ и старѣйшихъ людей созываетъ въ свой теремъ златой. „Васъ, бояръ, я призвалъ“, князь Владиміръ сказалъ, „чтобъ повѣдать Вамъ чудную вѣсть; вы же словомъ своимъ и совѣтомъ благимъ поддержать должны русскую честь. Къ намъ отъ разныхъ царей, изъ далекихъ земель приходили послы въ Кіевъ—градъ: и отъ Крымскихъ болгаръ, и отъ Волжскихъ хазаръ, изъ нѣметчины, изъ-за Карпатъ. Хвалятъ вѣры свои и законъ только свой, а всѣ прочія вѣры хулятъ; и меня, и моихъ, и народъ храбрый мой въ свою вѣру завлечь всѣ хотятъ. Я ихъ прочь отослалъ, я имъ прямо сказалъ, что тѣ вѣры для нихъ, не для насъ... А теперь къ намъ пришелъ изъ Царь—града посолъ и предстанетъ онъ здѣсь среди васъ“...—„Что же, князь, позови! Мы послушать не прочь: пусть намъ скажетъ, зачѣмъ онъ прибылъ. Мы готовы тебѣ въ этомъ дѣлѣ помочь“, изъ старѣйшихъ одинъ возразилъ.

Черной рясой покрытъ, съ обнаженной главой входитъ степенно старецъ сѣдой, и въ рукѣ у него крестъ блеститъ золотой, свертокъ держитъ онъ лѣвой рукой.

„Мы собрались, пришлецъ, чтобъ послушать тебя“, гостя ласково князь повстрѣчалъ; безопасенъ ты здѣсь, хоть какую бы вѣсть намъ, старикъ, ты теперь ни сказалъ“. Засверкали глаза изъ — подъ бѣлыхъ бровей; быстрымъ взоромъ окинулъ онъ всѣхъ, и изъ устъ его смѣло потоки рѣчей полились, къ удивленію всѣхъ. „Изъ града Константинова, изъ града православнаго я, княже, прибылъ къ вамъ, и вижу: поклоняетесь и жертвы здѣсь приносите идоламъ-богамъ! Тѣ боги вами сдѣланы изъ камня, да изъ золота; нѣмые и бездушные, стоятъ здѣсь на горахъ, и отъ удара молота повергнутся во прахъ. И вы, слѣпые, вѣрите, и молитесь, несчастные, творенью рукъ своихъ! Ничтожны ваши идолы, и помощи въ страданіяхъ не ждите вы отъ нихъ. Есть вѣра, вѣра правая, есть вѣра христіанская въ предвѣчнаго Творца, и небо сотворившаго, и землю на-

селившаго, и твари всей Отца. На землю, для спасенія людей отъ муки вѣчныя, Онъ Сына Своего послалъ учить смиренію и вѣрѣ въ искупленіе грѣховъ чрезъ смерть Его"... И долго звучало горячее слово, средь полной нѣмой тишины: все было такъ чудно, все было такъ ново язычникамъ русской страны. Но вотъ проповѣдникъ свой свитокъ раскрылъ—картину блаженствъ и страданья... И жадные взоры въ картину вперилъ всякъ, слушая старца сказанья... „Довольно, пришелецъ! Твой чуденъ разсказъ", прервалъ его князь потрясенный: „Доскажешь намъ послѣ, въ другой еще разъ, — мутится мой умъ напряженный! Любовью проникнута вѣра твоя, и нравится жизнь мнѣ за гробомъ: хоть есть и неясное въ ней для меня, но чуется правда во многомъ. Дивуется умъ мой твоимъ чудесамъ; въ душѣ моей встали тревоги: теперь уже вижу, старикъ, я и самъ, что боги тѣ наши—не боги! Съ сердечною радостью князя словамъ умолкнувшій инокъ внимаетъ. „Да снидетъ же милость Господня и къ вамъ", сказалъ и крестомъ осѣняетъ. Онъ вышелъ съ молитвой на кроткихъ устахъ за тѣхъ, кто во мракѣ коснѣетъ: „Да сѣется сѣмя и въ русскихъ сердцахъ и плодъ отъ него да созрѣетъ!".

Въ глубокомъ раздумьи, съ борьбою въ душѣ дружина бояръ пребывала: побѣда надъ тьмой совершилась уже—сомнѣнье ихъ души терзало. „Скажите же, други, вы мысли свои", промолвилъ Владиміръ къ собранью: „Со мной вы дѣлили походы мои, со мной вы ходили за данью; и вашею силой, копьемъ и мечемъ земля велика наша стала. Теперь мы не биться идемъ со врагомъ,—мнѣ дума иная запала. Вы слышали рѣчи о Богѣ живомъ, о Томъ, Кто творитъ и прощаетъ, Кто будетъ судить насъ послѣднимъ судомъ, Кто жизнь въ небесахъ возвращаетъ,—чья правая вѣра, рѣшите же вы? На свѣтѣ не даромъ вы жили. не даромъ сѣдинами ваши главы забота и время покрыли".—О, князь нашъ! Не думай, что меньше тебя прельстила насъ вѣра чужая: Кто Сына на муку, людей возлюбя, послалъ, ихъ грѣхи искупляя, Кто людямъ завѣтъ далъ другъ друга любить, любить и чужого, какъ брата, Того только Бо-

гомъ должны они чтить, и вѣра въ Того только свята. Но все же не разомъ мы можемъ рѣшить, и съ вѣрой шутить намъ не должно. Совѣтуемъ, князь, мы тебѣ не спѣшить, не зная, что правда, что ложно. Имѣешь ты старыхъ и мудрыхъ мужей; отправь ты ихъ въ страны чужія; увидятъ они и законъ лучше чей, и служба и храмы какія". И князь принимаетъ ихъ мудрый совѣтъ: онъ десять мужей избираетъ, украшенныхъ опытомъ старческихъ лѣтъ, и вѣры узнать посылаетъ.

Вѣтру подобная, быстрая, вольная всюду разносится вѣсть впереди: ѣдутъ изъ русскаго Кіева стольнаго храбраго, смѣлаго князя послы. Въ страны знакомыя и не далекія, къ волжскимъ болгарамъ имъ путь предстоитъ. Тамъ уже строились храмы высокіе, Бога Аллаха народъ призывалъ. Съ радостію русскіе были тамъ встрѣчены, въ храмы водили ихъ, службы творя. Всѣ ихъ обычаи были замѣчены; видѣли, слушали хана —царя... Къ нѣмцамъ—католикамъ ѣхать рѣшилися. Шли они долго славянской землей; тамъ по-латыни Христу ужъ молилися, гдѣ подвизался Меѳодій святой. Скучны казались имъ храмы варяжскіе, службы латинской понять не могли,—и, перешедши за горы Балканскія, къ вратамъ Царь—града они подошли. Диву дивуются русскіе люди; издали смотрятъ на чудный Царь-градъ; счастьемъ невѣдомымъ полнятся груди; всякій чему-то несказанно радъ. Грудою пестрою, яркой, чудесною городъ огромный предъ ними лежитъ! солнце съ высокаго свода небеснаго куполы храмовъ его золотитъ. Блещутъ кресты золотые собора, царскій дворецъ среди рощъ и садовъ, тихія синія воды Босфора, лодки, снующія вдоль береговъ... „Нѣтъ, не видали мы града такого", въ голосъ рѣшили пришельцы Руси: „Лучшаго мѣста для счастья земного людямъ, должно быть, нигдѣ не найти".

Встрѣча готовилась имъ небывалая. Русскихъ не разъ этотъ городъ видалъ: помнилъ онъ князя Олега удалаго, какъ онъ свой щитъ ко вратамъ прибивалъ. Не позабылъ онъ и Ольги премудрыя, какъ императоръ ее угощалъ; и Святославовы замыслы чудные съ трепетомъ долго еще вспоминалъ. Русскихъ при входѣ

вельможи встрѣчаютъ, въ царскій роскошный отводятъ дворецъ; все объясняютъ имъ, всѣмъ угощаютъ... въ главную церковь ведутъ, наконецъ.

Звонъ колокольный кругомъ раздается; шумно бѣжитъ и толпится народъ, къ Юстиніанову храму несется подъ необъятный Софіевскій сводъ. Въ чудномъ восторженномъ надоумѣніи входятъ бояре въ сіяющій храмъ— не приходилося и въ сновидѣніи видѣть подобное рускимъ посламъ. Въ великолѣпномъ златомъ облаченіи самъ патріархъ литургію служилъ. Сердце сжималось при сладостномъ пѣніи, при ѳиміамѣ церковныхъ кадилъ. Важно, торжественно служба свершалася, въ душу вливался священный восторгъ, вѣрой божественной мысль проникалася: „Да, здѣсь присутствуетъ истинный Богъ!“ Палъ и разсѣялся мракъ суевѣрія: въ русскую душу лучъ правды проникъ, бездну безумія и заблужденія онъ озарилъ и разрушилъ въ тотъ мигъ. Незачѣмъ по міру больше скитаться: вѣру искали мы— вѣру нашли, можемъ на родину мы возвратиться-князю повѣдать“, рѣшили послы. Низко кресту поклонились соборному, съ грустью покинули свѣтлый Царь-градъ, къ князю съ подарками, по морю Черному, въ Кіевъ посольство вернулось назадъ.

Крещеніе кіевлянъ.

Солнце... лѣто... полдень. Въ Кіевѣ волненье. Небывалой вѣстью городъ весь объятъ. Согнаны дружиной князя для крещенья, въ страхѣ горожане на него глядятъ. Ихъ Перунъ могучій дерзкими поверженъ! Греческаго Бога князь ихъ сталъ слугой и велитъ народу, чтобъ и онъ приверженъ къ вѣрѣ иноземной сдѣлался душой. Вонъ они, въ одеждѣ свѣтлой, драгоцѣнной, новаго посѣва новые жнецы! Стоя въ отдаленьи на горѣ священной, сумрачно глядѣли старые жрецы. Мощь ихъ миновала. Слуги новой вѣсти княземъ овладѣли силою креста, и не жертвъ кровавыхъ, не сугубой мести требуетъ ихъ вѣра; но полны уста гибельныхъ совѣтовъ: бабьяго смиренья—самъ изъ господина обратись въ слугу—и обиды тяжкой полнаго прощенья, и любви

объятья кровному врагу. Развѣ это можно? Развѣ это дѣло князя и дружины княжей боевой? Распятаго Бога чтить имъ не приспѣло, и не примирятся съ вѣрою такой. Надъ Днѣпромъ, высоко на коврахъ подмоста въ золотыхъ одеждахъ пѣлъ церковный клиръ—князя и княгини радостные гости, слуги благодати, обновившей міръ. Непонятной рѣчью гласъ ихъ раздавался; пѣли, устремляя взоры къ небесамъ; и кадильный ладонъ къ небу поднимался, и склонилъ колѣни князь Владиміръ самъ. А въ Днѣпрѣ широкомъ, въ подневольномъ сборѣ, полуобнаженный скученный народъ— и головъ склоненныхъ дышащее море высилось на лонѣ быстротечныхъ водъ. Тишина... не слышенъ ни единый возгласъ. Смутны были взоры, сомкнуты уста. То крестился Кіевъ, Руси первообразъ, то онъ облекался вѣрой во Христа.

Походъ Владимира въ Корсунь.

(Пѣсня).

I.

— Добро! сказалъ князь, когда выслушалъ онъ
Улики царьградскаго мниха,
Тобою, отецъ, я теперь убѣжденъ;
Виновенъ, что мужемъ былъ столькихъ я женъ,
Что жилъ и безпутно, и лихо,

II.

Что богомъ мнѣ былъ то Перунъ, то Велесъ,
Что силою взялъ я Рогнѣду;
Досель надо мною знать тѣшился бѣсъ,
Но мракъ ты разсѣялъ—и я въ Херсонесъ
Креститься, въ раскаяньи, ѣду.

III.

Царь-градскій философъ и мнихъ тому радъ,
Что хочетъ Владиміръ креститься:
— Смотри-жъ, говоритъ, для небесныхъ наградъ,
Чтобъ въ райскій по смерти войти вертоградъ,
Ты долженъ душою смириться.

IV.

— Смирюсь, говоритъ ему князь, я готовъ—
Но только смирюсь безъ урону!
Спустить въ Черторой десять сотенъ струговъ;
Коль выкупъ добуду съ корсунскихъ купцовъ,
Я города пальцемъ не трону!

V.

Готовы струги, паруса подняты,
Плывутъ къ Херсонесу варяги;
Поморье, гдѣ южные рдѣютъ цвѣты,
Червленые вскорѣ покрыли щиты
И съ русскими вранами стяги.

VI.

И князь повѣщаетъ корсунамъ:—Я здѣсь!
Сдаватейсь, прошу васъ смиренно,
Не то, не взыщите, собью вашу спѣсь,
И городъ по камнямъ размыкаю весь—
Креститься хочу непремѣнно!

VII.

Увидѣли греки въ заливѣ суда,
У стѣнъ ужъ дружина толпится,
Пошли толковать и туда и сюда:
— Настала, какъ есть, христіанамъ бѣда:
Пріѣхалъ Владимиръ креститься!

VIII.

И преній—то съ нами не станетъ держать,
Въ риторикѣ онъ ни бельмеса;
А просто обложитъ насъ русская рать
И будетъ, пожалуй, три года стоять
Да грабить края Херсонеса!

IX.

И въ мудрости тотчасъ рѣшаетъ сенатъ,
Чтобъ русскимъ отверзлись ворота;
Владимиръ пріему радушному радъ,

Вступаетъ съ дружиной въ испуганный градъ,
И молвитъ сенату:—Ну, то-то!

X.

И шлетъ въ Византію пословъ ко двору:
— „Цари Константинъ да Василій!
„Смиренно я сватаю вашу сестру,
„Не то васъ обоихъ дружиной припру,
„Такъ вступимъ въ родство безъ насилій!“

XI.

И вотъ, императоры держатъ совѣтъ,
Толкуютъ въ палатѣ престольной;
Имъ плохо пришлося, имъ выбора нѣтъ,
Владимиру шлютъ поскорѣе отвѣтъ:
—„Мы очень тобою довольны;

XII.

„Крестися, и къ намъ пріѣзжай въ добрый часъ,
Тебя повѣнчаемъ мы съ Анной!“
Но онъ къ императорамъ:—„Вотъ тебѣ разъ!
„Вы шутите, что ли? Такая отъ васъ
„Мнѣ отповѣдь кажется странной;

XIII.

„Къ вамъ ѣхать отсюда какая мнѣ стать?
„Чего не видалъ я въ Царьградѣ?
„Царевну намѣренъ я здѣсь ожидать,
„Не то приведу вамъ я цѣлую рать,
„Коль видѣть меня вы такъ рады!“

XIV.

Что дѣлать съ Владимиромъ? Вынь да положь!
Креститься хочу да жениться!
Не лѣзть же царямъ, въ самомъ дѣлѣ, на ножъ!
Пожали плечами и молвятъ:—Ну, что-жъ!
Приходится ѣхать, сестрица!

XV.

Корабль для нея снаряжаютъ скорѣй,

Узорныя ладятъ вѣтрила,
Со причтомъ на палубѣ ждетъ архирей,
Сверкаетъ на солнце парча стихарей,
Звенятъ и дымятся кадила.

XVI.

Въ печали великой по сходнѣ крутой
Царевна взошла молодая,
Прислужницы дѣву накрыли фатой,
И волны запѣнилъ корабль золотой,
Босфора лазурь разсѣкая.

XVII.

Увидѣлъ Владимиръ вдали паруса,
И хмурыя брови раздвинулъ;
Почуялась сердцу невѣсты краса,
Онъ гребнемъ своимъ расчесалъ волоса,
И корзно княжое накинулъ.

XVIII.

На пристань онъ сходитъ царевну встрѣчать,
И ликъ его свѣтелъ и веселъ.
За нимъ вся корсунская слѣдуетъ знать,
И руку спѣшитъ онъ царевнѣ подать,
И въ поясъ поклонъ ей отвѣсилъ.

XIX.

И шествуютъ рядомъ другъ съ другомъ они,
Въ одеждахъ блестящихъ и длинныхъ;
Каменья оплечья горятъ какъ огни,
Идутъ подъ навѣсомъ шелковымъ, въ тѣни,
Къ собору, вдоль улицъ старинныхъ.

XX.

И молвитъ тамъ, голову князь преклоня:
— Клянуся я въ вашемъ синклитѣ
Дружить Византіи отъ этого дня,
Крестите-жъ, отцы—іереи, меня,
Да, чуръ, по уставу крестите!

XXI.

Свершился въ соборѣ крещенья обрядъ,
Свершился обрядъ обвѣчанья,
Идетъ со княгиней Владимиръ назадъ,
Вдоль улицъ старинныхъ до свѣтлыхъ палатъ,
Кругомъ ихъ толпы ликованье.

XXII.

Сидятъ за честнымъ они рядомъ столомъ,
И вотъ, когда звонъ отзвонили,
Владимиръ взялъ чашу съ виномъ:
— Хочу, чтобъ меня поминали добромъ.
Шурья Константинъ да Василій!

XXIII.

— То правдаль-ль, я слышалъ, замкнули Босфоръ.
Дружины какого-то Ѳоки?
— Во истину правда!—отвѣтствуетъ дворъ.
— Но кто-жъ этотъ Ѳока?—Мятежникъ и воръ!
— Отдѣлать его на всѣ боки!

XXIV.

Отдѣлали русскіе Ѳоку какъ разъ;
Цари Константинъ да Василій
По цѣлой имперіи пишутъ приказъ:
„Владимиръ-де насъ отъ погибели спасъ,
„Его чтобъ всѣ люди честили!"

XXV.

И князь говоритъ:—Я построю вамъ храмъ
На память, что здѣсь я крестился,
А городъ Корсунь возвращаю я вамъ,
И выкупъ обратно всецѣло отдамъ,
Зане я душою смирился!

XXVI.

Застольный гремитъ, заливаяся, хоръ,
Шипучія пѣнятся вина,
Веселіемъ блещетъ Владимира взоръ,

И строить готовится новый соборъ
Крещеная съ княземъ дружина.

XXVII.

Привозится яшма водой и гужомъ,
И мраморъ привозится бѣлый,
И быстро Господень возносится домъ,
И ярко на полѣ горятъ золотомъ
Иконы муссійскаго дѣла.

XXVIII.

И взапуски князя синклитъ и сенатъ,
И сколько тамъ грековъ ни сталось,
Всю зиму пирами честятъ, да честятъ,
Но молвитъ Владимиръ:—Пора мнѣ назадъ,
По Кіевѣ мнѣ встосковалось!

XXIX.

— Вы, отроки-други, спускайте ладьи,
Трубите дружинѣ къ отбою,
Кленовыя весла берите свои;
Ужъ въ Кіевѣ, чаю, поютъ соловьи,
И въ рощахъ запахло весною!

XXX.

— Весна, мнѣ невѣдомыхъ полная силъ,
И въ сердцѣ моемъ зеленѣетъ;
Что нудою я и насильемъ добылъ,
Чѣмъ самъ овладѣть я оружіемъ мнилъ,
То мною всесильно владѣетъ!

XXXI.

— Спускайте-жъ ладьи, бо и ночью, и днемъ
Я гласу немолчному внемлю.
Велитъ онъ въ краю намъ не мѣшкать чужомъ,
Да свѣтъ, озаряющій насъ, мы внесемъ
Торжественно въ русскую землю!

Возвращеніе Владимира изъ Корсуня.

По лону Днѣпровскихъ сіяющихъ волнъ,
Гдѣ, празднуя жизни отраду,
Весной все гремитъ, и цвѣтетъ и поетъ,
Владимиръ съ дружиной обратно плыветъ
Ко стольному Кіеву-граду.

Все звонкое птаство летаетъ кругомъ,
Ликуючи въ тысячу глотокъ,
А князь многодумнымъ поникнулъ челомъ,
Свершился въ могучей душѣ переломъ,
И взоръ его миренъ и кротокъ.

Забыла княгиня и слезы, и страхъ;
Одеждой алмазной блистая,
Глядитъ она, съ юнымъ весельемъ въ очахъ,
Какъ много пестрѣетъ цвѣтовъ въ камышахъ,
Какъ плещется лебедей стая,

Какъ рощи несутся навстрѣчу ладьямъ,
Какъ берегъ проносится мимо,
И, ликъ наклоняя къ зеркальнымъ водамъ,
Глядитъ, какъ ея отражается тамъ
Изъ камней цвѣтныхъ діадема.

Великое слово корсунцамъ храня,
Князь не́ взялъ съ нихъ денегъ повинныхъ,
Но городъ поднесъ ему, въ честь того дня,
Изъ бронзы коринѳской четыре коня
И статуй не мало старинныхъ.

И кони, и бѣлыя статуи тутъ,
Надъ подъѣздомъ выся громаду,
Стоймя на ладьяхъ, неподвижны плывутъ,
И волны Днѣпра ихъ, дивуясь, несутъ
Ко стольному Кіеву-граду.

Плыветъ и священства и дьяконства хоръ
Съ ладьею Владимира рядомъ;
Для Кіева синій покинувъ Босфоръ,

Они оглашають Днѣпровскій просторъ
Уставнымъ деместровымъ ладомъ.

Когда-жъ умолкаетъ священный канонъ,
Запѣвъ начинаютъ дружины,
И съ разныхъ кругомъ раздаются сторонъ
Завѣтныя пѣсни минувшихъ временъ
И дней богатырскихъ былины.

Такъ вверхъ по Днѣпру, по широкой рѣкѣ,
Плывутъ ихъ ладей вереницы,
И вотъ передъ ними, по лѣвой рукѣ,
Все выше и выше растетъ вдалекѣ
Градъ Кіевъ съ горой Щековицей.

Владимиръ съ княжого сѣдалища всталъ,
Прервалось весельщиковъ пѣнье,
И мигъ тишины и молчанья насталъ,
И князю, въ сознаніи новыхъ началъ,
Открылося новое зрѣнье.

Какъ сонъ, вся минувшая жизнь пронеслась,
Почуялась правда Господня;
И брызнули слезы впервые изъ глазъ,
И мнится Владимиру: въ первый онъ разъ
Свой городъ увидѣлъ сегодня.

Народъ, издалека ихъ поѣздъ узнавъ,
Столпился на берегъ, и много,
Скитавшихся робко безъ крова и правъ,
Пришло христіанъ изъ пещеръ и дубравъ,
И славитъ Спасителя Бога.

И палъ на дружину Владимира взоръ:
— Вамъ, други, доселѣ со мной
Стяжали побѣды лишь мечъ да топоръ,
Но время настало,—и мы съ этихъ поръ
Сильны еще силою новой!

Что смутно въ душѣ мнѣ казалось моей,
То ясно вы нынѣ познайте:

Дни правды дороже воинственныхъ дней!
Гребите же, други, гребите сильнѣй,
На весла дружнѣй налегайте!

Всшипѣла подъ полозомъ, пѣнясь, вода,
Отхлынувъ, о берегъ забила,
Стянулася быстро ладей череда
Переднія въ пристань вбѣжали суда,
И съ шумомъ упали вѣтрила.

И на берегъ вышелъ, душой возрожденъ,
Владимиръ для новой державы,
И въ Русь милосердія внесъ онъ законъ.

Крешеніе Руси.

(Былина).

Отчего вокругъ
На святой Руси
Колокольный звонъ
Разливается,
И крещеный людъ
Изо всѣхъ сторонъ
Въ храмы Божіи
Собирается?!

Много съ той поры
Утекло воды,
Много дивныхъ дѣлъ
Совершилося,
Когда колоколъ
Въ первый разъ гудѣлъ
Когда въ первый разъ
Русь крестилася...

Гой, широкій Днѣпръ,
Уноси пѣвца
Въ стольный Кіевъ-градъ
По своимъ волнамъ!
Пойся, пѣснь моя,
Подъ гуслярный ладъ,

Ты греми по всѣмъ
Золотымъ струнамъ!..

У Владимира,
Князя въ Кіевѣ,
Былъ великій пиръ
Столованіе,
Среди княжескихъ
Парчевыхъ порфиръ
Люди разнаго
Были званія:

Тутъ сидѣлъ Илья,
И Микулушка,
Богатырь мужикъ
Селяниновичъ,
Хотенъ Блудовичъ,
Михаилъ Потыкъ,
Добрый молодецъ
Ставръ Годиновичъ.

Всѣ промежъ собой
Разговоръ вели.
Съ медомъ турій рогъ
Обходилъ кругомъ,
Изъ ковшей рѣзныхъ
Пилъ кто сколько могъ
Пива хмѣльнаго
Съ дорогимъ виномъ.

Только князь одинъ
Не мочилъ усовъ,
И вокругъ стола
Лишь похаживалъ,
И гусляръ давно
Про его дѣла
По былинному
Гусли слаживалъ,—

Заигралъ-запѣлъ,
Какъ разсыпался;
Подхватилъ народъ

Пѣсню славную,
И до сей поры
Онъ ее поетъ,
Оглашая Русь
Православную;

Есть ли гдѣ нибудь
Уголокъ такой,
Гдѣ бы—гдѣ она
Не сказалася,
Изъ какой души,
Какъ съ морского дна,
Скатнымъ жемчугомъ
Не поднялася?!

Пѣлъ гуслярь про то,
Какъ во Кіевѣ,
У Днѣпра, Перунъ
На скалѣ стоялъ,—
И самъ мыслію,
Чуть касаясь струнъ,
Краснымъ кречетомъ
Въ облака леталъ.

Тлѣлся жертвенникъ
Передъ идоломъ,
И шелъ дымъ вокругъ
Отъ кажденія
До тѣхъ поръ, пока
Вслѣдъ за княземъ вдругъ
Не принялъ народъ
Самъ крещенія.

Вотъ съ чего былъ пиръ
У Владимира,
А сегодня звонъ
Разливается,
И крещеный людъ
Изо всѣхъ сторонъ
Въ храмы Божіи
Собирается.

Памяти Великаго Князя Владимира.

Ты зову неба чуткимъ сердцемъ внялъ
И на челѣ рождавшейся Россіи
Несокрушимый крестъ святой Софіи
Ты, какъ Христовъ апостолъ, начерталъ.

Хвала тебѣ, купецъ благочестивый!
Ты бисера нетлѣннаго искалъ,-
И Богъ тебѣ безцѣнный бисеръ далъ:
Далъ свѣтъ Христовъ душѣ твоей пытливой!

Чуть брезжившей предутренней зарей,
Денницею предъ солнцемъ просвѣщенья
Преставалась въ небесныя селенья
Твоя святая бабка предъ тобой.

Но вслѣдъ за нею ты пришелъ разсвѣтомъ
И „краснымъ солнцемъ“ ясныхъ нашихъ дней;
Благослови-жъ съ небесъ своихъ дѣтей
И вновь взгляни на родину съ привѣтомъ.

Всему, что грѣетъ сердце намъ и грудь,
Что, подъ щитомъ благой твоей державы,
Влечетъ славянъ, сыновъ любви и славы,
На русскій путь, на всеславянскій путь!

Прикрой своей крещальной багряницей
Побѣдный стягъ родныхъ тебѣ полковъ
И нашихъ младшихъ братьевъ изъ оковъ
Освободи могучею десницей!

Святой нашъ князь, Христа за Русь моли
И сокруши враговъ славянства козни;
Пошли намъ миръ и змѣя нашей розни
Огнемъ любви Христовой попали!..

Пусть нашу мощь блюдетъ самодержавье,
Единства, блага русскаго оплотъ;
Пусть высоко надъ міромъ вознесетъ
Свой яркій крестъ родное православье!

На нихъ свѣтясь печать вѣковъ горитъ;

На нихъ взросла земли родимой сила;
На нихъ—закрѣпы русскаго кормила,
И твердо Русь Владимира стоитъ.

Монастырь.

Я живо вижу, какъ сюда
Пришелъ спасаться мужъ святой,
Въ тѣ времена еще, когда
Кругомъ шумѣлъ здѣсь боръ густой,
И, вѣковымъ объята сномъ,
Вся эта дикая страна
Казалась людямъ—волшебствомъ
И чародѣйствами полна...
И келью самъ въ горѣ изсѣкъ,
И жилъ пустыннымъ житіемъ
Въ той кельѣ Божій человѣкъ,
На козни бѣса глухъ и нѣмъ;
И, что свѣча въ ночи горитъ,
Онъ въ этомъ мракѣ просіялъ,
Училъ народъ, устроилъ скитъ,
И утѣшалъ и просвѣщалъ...
И вотъ—вкругъ валятся лѣса!
И монастырь здѣсь возстаетъ...
Надъ гробомъ старца чудеса
Пошли твориться... и растетъ
За храмомъ храмъ, встаетъ стѣна,
Встаетъ гостинницъ длинный рядъ;
И въ погреба течетъ казна,
И всюду трудъ, и всюду ладъ!
Идутъ обозы вдоль горы;
Хлопочетъ келарь, казначей...
Варятъ меды, творятъ пиры,
Всечасно братья ждетъ гостей.
А эти гости—то князья,
Въ орду идущіе съ казной...
То ихъ княгини, ихъ семья,
Въ разлукѣ плачущія злой...
И черный людъ, безвѣстный людъ
Со всей Руси идетъ, бредетъ...

Въ грѣхахъ всѣ каяться идутъ—
Да страшный гнѣвъ свой Богъ уйметъ...
Идутъ—съ пожарищъ, съ поля битвъ,
Ища исходу хоть слезамъ—
Подъ чтенье сладостныхъ молитвъ,
Подъ пѣнье ангельское тамъ...
И въ темныхъ маленькихъ церквахъ
Душистый воскъ горитъ, какъ жаръ,
Предъ образами въ жемчугахъ—
Сердецъ скорбящихъ чистый даръ...

Кіевъ.

Высоко передо мною—
Старый Кіевъ надъ Днѣпромъ;
Днѣпръ сверкаетъ подъ горою
        Переливнымъ сребромъ.
Слава, Кіевъ многовѣчный,
Русской славы колыбель!
Слава, Днѣпръ нашъ быстротечный,
        Руси чистая купель!
Громко пѣсни раздалися,
Въ небѣ тихъ вечерній звонъ.
„Вы откуда собралися,
Богомольцы, на поклонъ?“
— „Я оттуда, гдѣ струится
Тихій Донъ, краса полей“.
— „Я оттуда, гдѣ клубится
Безпредѣльный Енисей“.
— „Край мой—темный брегъ Евксина!“
— „Край мой—брегъ тѣхъ дальнихъ странъ,
Гдѣ одна сплошная льдина
Оковала океанъ“.
— „Дикъ и страшенъ верхъ Алтая,
Вѣченъ блескъ его снѣговъ:
Тамъ страна моя родная“!
— „Мнѣ отчизна—старый Псковъ“.
— „Я отъ Ладоги холодной“.
— „Я отъ синихъ волнъ Невы“.
— „Я отъ Камы многоводной“.

— „Я отъ матушки Москвы“.
Слава, Днѣпръ—сѣдыя волны!
Слава, Кіевъ, чудный градъ!
Мракъ пещеръ твоихъ безмолвный
Краше царственныхъ палатъ.
Знаемъ мы: въ вѣка былые,
Въ древню ночь и мракъ глубокъ,
Надъ тобой блеснулъ Россіи
Солнца вѣчнаго востокъ.

Монгольское иго.

Была пора: татаринъ злой шагнулъ
Черезъ рубежъ гранительныя Волги.
Погибло все! народъ терпя согнулъ
Главу подъ стыдъ мучительный и долгій!

Безчестнымъ Русь давя ярмомъ
Баскакъ носился въ край изъ края;
Катилась въ прахъ глава святая
Князей подъ ханскимъ топоромъ.
Но стала Русь передъ врагомъ—
И битва грянула Донская.

Появленіе татаръ на Руси.

По Рязанскимъ лѣсамъ и по пустошамъ
Завелося подъ осень недоброе.
Кто ихъ знаетъ тамъ—марево, али и зарево;
Вотъ: встаетъ тебѣ къ небу, съ полуночи,
Красный столпъ сполыньей бѣломорскою;
Вотъ: калякаетъ кто-то, калякаетъ...
По деревьямъ топоръ—ровно звякаетъ...
А кому тамъ и быть, коль не лѣшему?
Нѣтъ дороги ни конному тамъ и ни пѣшему...
Раскидали разсыльныхъ—вернулися,
Говорятъ: „Насъ впередъ не посылывать,
А не то ужъ не ждать: со полуночи

Мы того навидались-наслышались,
Что—храни насъ святые угодники!..
Вы послушайте, что починается?..
Отъ царя, отъ Батыя безбожнаго,
Есть на Русскую землю нашествіе.
Слышь: стрѣлой громоносною—молнійной,
Спалъ онъ къ намъ, а отколѣ—незнаемо...
Саранча агарянъ съ нимъ безсчетная:
Такъ про это и знайте—и вѣдайте“...
Было сказано... Слѣдомъ и прибыли
Два ордынца, съ женой-чародѣйницей,
Все-жъ къ великому князю Рязанскому,
И къ другимъ князьямъ—Пронскимъ и Муромскимъ...
„Такъ и такъ: десятиной намъ кланяйтесь
Съ живстовъ, со скотовъ и со прочаго“.
Снесся князь съ Володимиромъ-городомъ
И съ другими, да знать ужъ, что въ тѣ—поры
Гнѣвъ Господень казнилъ Русь безъ милости:
Отступились со страхомъ и трепетомъ...
Ну, тогда старый князь князя Ѳедора
Повѣщаетъ, что вотъ-молъ безвременье...
Поѣзжай ты съ великимъ моленіемъ
И съ дарами къ нему, нечестивому...
Бей челомъ, чтобъ свернулъ онъ съ Воронежа
Не въ Рязанскую землю, а въ Русскую...
О хозяйкѣ твоей позаботимся“.
Ѳедоръ князь и поѣхалъ.

Гибель Рязани.

Въ то время Батый, царь неистовый,
На Рязань поднялъ всю свою силу безбожную,
И пошелъ прямо къ стольному городу;
Да на полѣ его дружина рязанская встрѣтила,
А князья впереди, и самъ великій князь,
Всѣ кровавую чашу съ татариномъ роспили.
Одолѣли бы разанскіе витязи,
Да не въ мочь было: по сту татариновъ
Приходилось на каждую руку могучую...

Изрубить—изрубили они тьму несмѣтную...
Наконецъ утомились-умаялись,
И сложили удалыя головы,
Всѣ какъ билися, всѣ до единаго.
А князь Юрій легъ вмѣстѣ съ послѣдними,
Бороня свою землю и отчину,
И семью, и свой столъ, и княженіе...
И нахлынули орды поганыя
На рязанскую землю изгономъ неслыханнымъ.
Взяли Пронскъ, Ижеславецъ и Бѣлгородъ,
И людей изрубили безъ жалости,
И пошли на Рязань... Сутокъ съ четверо
Отбивались отъ нихъ горожане рязанскіе,
А на пятыя сутки ордынцы проклятые
Ворвались—таки въ городъ по лѣстницамъ;
Сквозь проломы кремлевской стѣны и сквозь полымя,
Ворвалися и въ церковь соборную.
Тамъ убили княгиню великую,
Со снохами ея и съ княгинями прочими,
Перебили священниковъ, иноковъ,
Храмы Божіи, дворы монастырскіе—
Все пожгли, городъ предали пламени.
Погубили мечомъ все живущее...
Ни младенца, ни старца въ живыхъ не осталось.
Плакать некому было и не-по-комъ,
Все богатство рязанское было разграблено...
По веснѣ князь Игорь изъ Чернигова
Прибылъ въ отчину, въ землю рязанскую,
И заплакалъ слезами горючими,
Какъ взглянулъ на пожарище стольнаго города,
Подо льдомъ и подъ снѣгомъ померзлые,
На травѣ-ковылѣ обнажены, терзаемы
И звѣрями и птицами хищчыми,
Безъ креста и могилы лежали убитые
Воеводы рязанскіе, витязи,
И семейные князья, и сродники,
И все множество люда рязанскаго,
Всѣ одну чашу смертную выпили.

Осада Кіева.

(Народная пѣснь).

Да изъ Орды, Золотой земли,
Изъ тоя Могозеи *) богатыя,
Какъ поднимался злой Калинъ царь,
Злой Калинъ царь Калиновичъ,
Ко стольному городу ко Кіеву,
Со своею силою поганою;
Не дошелъ онъ до Кіева за семь верстъ,
Становился Калинъ у быстра Днѣпра,
Собиралося съ нимъ силы на сто верстъ,
Во всѣ тѣ четыре стороны.
Зачѣмъ мать сыра земля не погнется?
Зачѣмъ не разступится?
А отъ пару было отъ конинаго
А и мѣсяцъ, солнце померкнуло,
Не видать луча свѣта бѣлаго.
А отъ духу татарскаго
Не можно намъ крещенымъ живымъ быть.
Садился Калинъ на ременчатъ стулъ,
Писалъ ярлыки скорописчаты
Ко стольному городу ко Кіеву,
Ко ласкову князю Владимиру,—
Что выбралъ татарина выше всѣхъ:
А мѣрою тотъ татаринъ трехъ сажень,
Голова на татаринѣ съ пивной котелъ,
Который котелъ сорока ведеръ,
Промежъ плечами косая сажень;
Отъ мудрости слово написано:
Что возьметъ Калинъ царь стольный Кіевъ градъ,
А Владимира князя въ полонъ полонитъ,
Божьи церкви на дымъ пуститъ.
Даетъ тому татарину ярлыки скорописчаты,
И послалъ его въ Кіевъ наскоро.
Садился татаринъ на добра коня,
Поѣхалъ ко городу ко Кіеву,
Ко ласкову князю Владимиру;

---

*) Т. е. изъ Золотой орды.

А и будетъ онъ татаринъ въ Кіевѣ,
Середи двора княженецкаго,
Скакалъ татаринъ съ добра коня,
Не вяжетъ коня, не приказываетъ,
Бѣжитъ онъ во гридню во свѣтлую
А Спасову образу не молится,
Владимиру князю не кланяется
И въ Кіевѣ людей ничѣмъ зоветъ;
Бросалъ ярлыки на круглый столъ
Передъ великаго князя Владимира.
Отшедъ татаринъ, слово выговорилъ:
„Владимиръ князь стольный Кіевской!
А наскорѣ сдай ты намъ Кіевъ градъ,
Безъ бою, безъ драки великія,
И безъ того кровопролитія напраснаго“.
Владимиръ князь запечалился,
А наскорѣ ярлыки распечатывалъ и просматривалъ,
Глядючи въ ярлыки—заплакалъ свѣтъ.—
По грѣхамъ надъ княземъ учинилося,
Богатырей въ Кіевѣ не случилося,
А Калинъ царь подъ стѣной стоитъ;
А съ Калиномъ силы написано
Ни много, ни мало—на сто верстъ
Во всѣ четыре стороны,
Еще съ Калиномъ сорокъ царей со царевичемъ,
Сорокъ королей съ королевичемъ.
Подъ всякимъ царемъ силы по три тьмы, по три тысячи.

Татарское иго на Руси.

Гой, не туча въ синемъ небѣ разстилается:
Злы татары, валъ за валомъ, по Руси валятъ.
Не видать въ дыму красна солнышка;
Стономъ стонъ стоитъ по лицу земли;
Гдѣ не бьютъ людей, гонятъ въ полоны...
Полонянички идутъ, другъ друга спрашиваютъ:
„Изъ которой веси ты, какого города?“
— „Я изъ Кіева—изъ Чернигова—
Я изъ Суздаля—изъ Владимира—
Ты прости на вѣкъ, милъ родимый градъ!“

Ты ли, Господи, въ конецъ на Русь прогнѣвался!
Ни пощады ей не будетъ, ни спасенія?..
Въ людяхъ рознь идетъ, въ князьяхъ кòморы,
Гдѣ ни глянь кругомъ—темна ночь лежитъ,
Темна ночь лежитъ, непроглядная.

Князь Михаилъ Черниговскій.

Ѣдетъ князь Михаилъ въ Золотую Орду, къ басурману на тяжкій поклонъ. Чуетъ сердце его близкой смерти бѣду. Униженья не вынесетъ онъ. Ѣдетъ съ внукомъ. Далеко въ приволжскихъ степяхъ злыхъ монголовъ раскинулся станъ; тамъ отъ долгихъ, чудовищно—славныхъ трудовъ отдыхалъ ихъ излюбленный ханъ. Долго ѣхалъ. Добрался. Былъ принятъ. Хотѣлъ ужъ въ Батыеву ставку войти; но жрецы, охранители вѣры татаръ, задержали его на пути. Говорятъ, чтобъ прошелъ чрезъ огонь русскій князь, что предъ ставкой Батыя горѣлъ, и кумирамъ его поклонился, – не то его ждетъ непокорныхъ удѣлъ. „Нѣтъ!—спокойно отвѣтилъ имъ князь Михаилъ, поклониться Батыю могу: онъ вашъ царь, и Господь ему нынѣ вручилъ русскихъ княжествъ удѣльныхъ судьбу. Но я вѣру Христа въ своемъ сердцѣ ношу; крестъ святой у меня на груди. Поклоненья огню и кумирамъ нѣмымъ отъ меня онъ напрасно не жди!“ Отъ Батыя выходитъ Эльдега баскакъ, говоритъ Михаилу:—„Смирись! не дерзай быть ослушникомъ князя князей и кумирамъ его поклонись. Поклонись—иль умрешь у подножья боговъ, и скатится предъ ними во прахъ голова твоя гордая; разомъ палачъ отсѣчетъ—непокорнымъ на страхъ.!„ Внукъ Борисъ, еще отрокъ, волненьемъ объятъ. Горсть бояръ, съ нимъ въ орду прибылыхъ, замутилася вдругъ; малодушья слова услыхалъ благовѣрный отъ нихъ: что берутъ на себя они княжескій грѣхъ; что не разъ подчинялись князья тѣмъ обрядамъ для блага земли и за то ихъ проститъ милосердный Судья. Но отвѣтилъ имъ князь:—„Искупленья завѣтъ позабыли вы въ страхѣ земномъ: кто отвергнется здѣсь отъ Меня, отъ того Я отвергнуся въ Царствѣ Своемъ. Не сгублю я души! Не отвергнусь Христа ни

для васъ, ни для славы земной! Не нужна мнѣ она! Не ее я ищу, а стремлюся я къ славѣ иной". И могучей рукой бросилъ онъ далеко свою мантію съ княжескихъ плечъ; снялъ опушенный соболемъ княжій вѣнецъ; отстегнулъ, внуку передалъ мечъ; и съ молитвою вынувъ Святые Дары, что въ ковчежцѣ хранилъ золотомъ, причастился и внуку ковчежецъ вручилъ, и запѣлъ славословья псаломъ. Изумились жрецы, и притихла толпа. Божій страхъ въ ихъ проникнулъ сердца; и побѣдно предъ ставкой Батыя звучалъ голосъ князя во славу Творца. Властный крикъ—и набросилась стая убійцъ. Повалили, топтали: люта была страшная казнь; но не смолкъ Михаилъ, славословили Бога уста. Взмахъ меча и скатилась его голова, удостоясь иного вѣнца. Донеслися послѣднія князя слова: „Христіанинъ я есмь до конца".

Александръ Невскій.

(Духовный стихъ).

Ужъ давно-то христіанска вѣра
Въ Россеюшку взошла,
Какъ и весь то народъ Русскій
Покрестился во нее;
Покрестился, возмолился
Богу Вышнему:
„Ты создай намъ, Боже,
Житье мирное, любовное:
Отжени ты отъ насъ
Враговъ пагубныхъ:
Ты посѣй на нашу Русь
Счастье многое!"

И слышалъ Богъ молитвы
Своихъ новыхъ христіанъ:
Надѣлилъ онъ ихъ
Счастьемъ многіимъ своимъ.
Но забылся народъ Русскій,
Въ счастіи живя;
Онъ сталъ Бога забывать,
А себѣ то гибель заготовлять.

И наслалъ Богъ на нихъ
Казни лютыя
Казни лютыя, смертоносныя;
Онъ наслалъ-то на святую Русь
Нечестивыхъ людей,
Нечестивыхъ людей, татаръ крымскіихъ.

Какъ и двинулось погано племя
Отъ сѣвера на югъ,
Какъ сжигали-разбивали
Грады многіе,
Пустошили-полонили
Земли русскія.
Добрались то они до святого мѣста,
До славнаго Великаго Новгорода,
Но въ этомъ то градѣ
Жилъ христіанскій народъ:
Онъ молилъ и просилъ
О защитѣ Бога Вышняго.
И вышелъ на враговъ
Славный Новгородскій,
Новгородскій князь Александръ Невскій.
Онъ разбилъ и прогналъ
Нечестивыхъ татаръ;
Возвратившись съ войны,
Во иноки онъ пошелъ,
Онъ за святость своей жизни
Угодникомъ Бога сталъ.

И мы, грѣшніи народы,
Притекаемъ къ нему:
„Ты, угодникъ Божій,
Благовѣрный Александръ!
Умоляй за насъ
Бога вышняго.
Отгоняй отъ насъ
Враговъ пагубныхъ!
И мы тебя прославляемъ!
Слава Тебѣ,
Благовѣрный Александре,
Отнынѣ и до вѣка!“

Кончина Александра Невскаго.

(Въ Городцѣ въ 1263 году [1])

Ночь на дворѣ и морозъ.
Мѣсяцъ — два радужныхъ свѣтлыхъ вѣнца вкругъ него.
По небу словно идетъ торжество;
Въ кельѣ—жъ игуменской зрѣлище скорби и слезъ.
Тихо лампада предъ образомъ Спаса горитъ;
Тихо игуменъ предъ нимъ на молитвѣ стоитъ;
Тихо бояре стоятъ по угламъ;
Тихъ и недвижимъ лежитъ, головой къ образамъ,
Князь Александръ, черной схимой покрытъ...
Страшнаго часа всѣ ждутъ: нѣтъ надежды, ужъ нѣтъ!
Слышится въ кельѣ порой лишь болящаго бредъ,
Тихо лампада предъ образомъ Спаса горитъ...
Князь неподвижно во тьму, въ безпредѣльность глядитъ...
Сонъ же проходитъ предъ нимъ, иль видѣній таинственныхъ цѣпь—
Видитъ онъ—степь, безпредѣльная, бурая степь...
Войлокъ разостланъ на выжженной солнцемъ землѣ.
Видитъ: отецъ! смертный потъ на челѣ,
Весь изможденъ онъ, и блѣденъ и слабъ...
Шелъ изъ Орды онъ, какъ данникъ, какъ рабъ.
Въ сердцѣ, знать, силъ не хватило обиду стерпѣть...
И простоналъ Александръ: „такъ и мнѣ умереть".—
Тихо лампада предъ образомъ Спаса горитъ...
Князь неподвижно во тьму, въ безпредѣльность глядитъ...
Видитъ—шатеръ, дорогой, златотканный шатеръ....
Тронъ золотой на пурпурный поставленъ коверъ...
Ханъ возсѣдаетъ средь тысячи мурзъ и князей...
Князь Михаилъ передъ ставкой стоитъ у дверей...
Подняты копья надъ княжеской свѣтлой главой...
Молятъ бояре горячей мольбой...
„Не поклонюсь истуканамъ во вѣкъ", онъ твердитъ...
Мигъ—и, поверженъ во прахъ, онъ лежитъ...
Топчутъ ногами и копьями колютъ его.—

---

[1]) Городъ Городецъ (нынѣ село) въ нижегородской губерніи, на Волгѣ. Здѣсь умерли, возвращаясь изъ Орды, и великій князь Ярославъ, отецъ Александра Невскаго, и онъ самъ.

Ханъ изумленный глядитъ изъ шатра своего...
Князь отвернулся со стономъ и, очи закрывъ,—
„Я жъ,—говоритъ, поклонился болванамъ, чрезъ огонь я прошелъ,
Жизнь я святому вѣнцу предпочелъ...
„Но“—на Спасителя взоръ устремивъ:
„Боже! Ты знаешь—не ради себя—
„Многострадальный народъ свой лишь паче души возлюбя“...
Слышатъ бояре и шепчутъ крестясь:
„Грѣхъ твой, кормилецъ, на насъ!“
Тихо лампада предъ образомъ Спаса горитъ...
Князь неподвижно во тьму, въ безпредѣльность глядитъ.—
Снится ему Ярославовъ въ Новгородѣ дворъ,
Въ шумной толпѣ и мятежъ и раздоръ....
Всѣ собралися концы и шумятъ...
„Всѣ постоимъ за святую Софію!“—вопятъ—
„Дань ей несутъ отъ Угорской земли до Ганзы...
„Нѣмцамъ и шведамъ страшнѣй нѣтъ грозы...
„Самъ ты водилъ насъ, и Бюргеръ твое
„Помнитъ досель на лицѣ, чай, копье!...
„Рыцари,— памятенъ имъ поттаявшій ледъ!...
„Конница словно какъ въ морѣ летитъ кровяномъ!...
Бейте, колите, берите живьемъ
„Лживый, коварный пришельческій родъ!...
„Намъ ли баскаковъ пустить
„Грабить казну, на правежъ насъ водить?
„Злата и серебра горы у насъ въ погребахъ,—
„Намъ ли валяться у хана въ ногахъ!
„Бей ихъ, руби ихъ, баскаковъ поганыхъ татаръ!...“
И разлилася рѣка, взволновался пожаръ...
Князь приподнялся на ложѣ своемъ,
Очи сверкнули огнемъ,
Грозно сверкнули всѣмъ гнѣвомъ высокой души—
Крикнулъ: „Эй вы, торгаши!
„Богъ на всю землю послалъ злую мзду.
„Вы ли одни не хотите Его покориться суду?
„Ломятся тьмами ордынцы на Русь—я себя не щажу—
„Я лишь одинъ на плечахъ ихъ держу...

„Бремя нести—такъ всѣмъ міромъ нести!
„Дружно, что боръ вѣковой, подыматься, расти,
„Вѣруя въ чаянье лучшихъ временъ—
„Все лишь въ конецъ претерпѣвый—спасенъ!“
Тихо лампада предъ образомъ Спаса горитъ...
Князь неподвижно во тьму, въ безпредѣльность глядитъ...
Тамъ, что завѣса, раздвинулась вдругъ передъ нимъ...
Видитъ онъ: облитый словно лучомъ золотымъ
Берегъ Невы, гдѣ разилъ онъ врага...
Вдругъ возникаетъ тамъ городъ... народомъ кишатъ берега...
Флагами вѣютъ цвѣтными кругомъ корабли...
Громъ раздается; корабль показался вдали...
Правитъ имъ кормчій съ высокимъ открытымъ челомъ...
Кормчаго всѣ называютъ царемъ...
Гробъ съ корабля поднимаютъ, ко храму несутъ,
Звонъ раздается, священные гимны поютъ...
Крышу открыли... Царь что-то толпѣ говоритъ...
Слѣдомъ—всѣ люди идутъ приложиться къ мощамъ...
Во гробѣ жъ—князь видитъ—онъ самъ....
Тихо лампада предъ образомъ Спаса горитъ...
Князь неподвижно лежитъ...
Словно какъ свѣтъ надъ его просіялъ головой—
Чудной лицо озарилось красой—
Тихо игуменъ къ нему подошелъ и дрожащей рукой
Сердце ощупалъ его и чело—
И зарыдавъ возгласилъ:
„Наше солнце зашло!“

Москва.

Столица древняя, родная, ее ль не вѣдаетъ страна? Ее назвать—и Русь святая съ ней вмѣстѣ названа. У ней—съ землей одна невзгода, одно веселье, общій трудъ. Ея дѣла—любовь народа—ей право первенства даютъ. За Русь не разъ она горѣла, встрѣчая полчища племенъ; за Русь не разъ она терпѣла и поношеніе и плѣнъ. Въ напастяхъ съ нею вмѣстѣ крѣпла, мужалась,

Господа моля, и возникала вновь изъ пепла—и съ нею Русская земля. Ея удѣлъ всегда тревожитъ враговъ Россіи заклятыхъ. Ее унизить, уничтожить не разъ пыталась злоба ихъ, но, въ страхъ врагамъ, но въ радость краю, она, великая, сильна,и старый кличъ я поднимаю: да вѣчно здравствуетъ Москва!—

Москва.

Городъ чудный, городъ древній!
Ты вмѣстилъ въ свои концы
И посады, и деревни,
И палаты, и дворцы!
И, свои раскинувъ рамки,
Понаставилъ въ нихъ картинъ,
И въ объемъ свой вдвинулъ замки
Ты, нашъ городъ—исполинъ!
Опоясанъ лентой пашенъ,
Весь пестрѣешь ты въ садахъ.
Сколько храмовъ, сколько башенъ
На семи твоихъ холмахъ!
И могучею рукою
Ты, какъ хартія, развитъ;
И надъ малою рѣкою
Сталъ великъ и знаменитъ!
На твоихъ церквахъ старинныхъ
Выростаютъ дерева!
Глазъ не схватитъ улицъ длинныхъ—
Это—матушка Москва!
Кто, силачъ, возьметъ въ охапку
Холмъ Кремля—богатыря?
Кто собьетъ златую шапку
У Ивана—звонаря?
Кто царь—колоколъ подыметъ?
Кто царь—пушку повернетъ?
Шляпы кто, гордецъ, не сниметъ
У святыхъ въ Кремлѣ воротъ?
Ты не гнула крѣпкой выи
Въ бѣдовой своей судьбѣ;
Развѣ пасынки Россіи

Не поклонятся тебѣ!
Ты, какъ мученикъ, горѣла,
Бѣлокаменная!
И рѣка въ тебѣ кипѣла
Бурнопламенная!
И подъ пепломъ ты лежала
Полоненною,
И изъ пепла ты возстала
Неизмѣнною.
Процвѣтай же славой вѣчной,
Городъ храмовъ и палатъ!
Градъ срединный, градъ сердечный:
Коренной Россіи градъ!

Преданіе о Москвѣ.

Въ глуши лѣсовъ непроходимой,
Гдѣ вѣчно слышался звѣрей бродячихъ вой,
Пустынникъ жилъ, Букалъ,*) надъ быстрою рѣкой,
Хранимый дланью невидимой.
Простая хижина, молитвы малый домъ,
И въ немъ креста изображенье,
Сосновый, бѣдный тынъ кругомъ—
Вотъ было все тогда пустынное селенье!
Казалось, кто къ нему проложитъ путь?
Быть можетъ, сбившійся съ дороги,
Въ часъ грозныхъ бурь ночныхъ и общія тревоги,
Зайдетъ туда одинъ прохожій отдохнуть!
Казалось, въ жертву лишь забвенья
Все здѣсь судьбой обречено:
И этотъ домъ молитвъ, и кровъ успокоенья,
Куда пустынникомъ одно принесено
Въ грѣхахъ святое покаянье!
Казалось, все одной могилы достоянье,
Все вмѣстѣ съ старцемъ здѣсь умретъ!
Замолкнетъ гласъ его, сокроется святыня—
И мрачная, опять безлюдная пустыня
Права свои возьметъ!

---

*) Т. е. отшельникъ.

Смотрите: гдѣ же этотъ боръ?
Гдѣ эти топи и трясины?
Уже съ кремнистыя вершины
Сіяетъ къ намъ крестомъ Спасителя соборъ,
И стѣны тянутся съ высокими зубцами!
За сими-жъ грозными стѣнами
Вы видите царей священный, пышный домъ!
Вы слышите: шумятъ повсюду восклицанья,
Гремятъ оружія, несутся ликованья,
И жизнью все кипитъ кругомъ!
О, вѣрно добраго пустынника моленье
На этотъ брегъ крутой, гдѣ мрачный боръ дремалъ,
Отъ неба призвало покровъ, благословенье—
И градъ, обширный градъ, какъ исполинъ, возсталъ!

Первый собиратель Руси—Іоаннъ Калита, в. князь Московскій.

По городу ходилъ всегда съ мѣшкомъ
И оттого былъ прозванъ Калитой.

То не звѣздочка
Засвѣтилася
Въ непроглядной темнотѣ;
То зажглась свѣча
Воску яраго,
Въ каменной Москвѣ;
Зажигалъ ее
Тамъ святитель Петръ
Да московскій князья...
Запримѣтили
Люди русскіе
Съ далека ее;
Ободрилися,
На нее глядятъ,
Богу молятся...,
А она горитъ,
Разгорается,
Свѣтитъ всей Руси:
А Московскій князь
(Іоаннъ Калита)

Возвышается,
Думу думаетъ...
Думу думаетъ,
Дѣло дѣлаетъ,
Не торопится.

Пророчество Святителя Петра.

Аще совѣта моего послушаеши, и въ градѣ Москвѣ соборную церковь поставиши, и тебя самого имать Богъ благословити.

Св. Петръ.

...Когда кругомъ лишь боръ густой шумѣлъ,
А на горѣ сіялъ лишь храмъ святого Спаса
Да княжій теремокъ, гдѣ бѣдный князь сидѣлъ—
Бесѣда вѣщая таинственно велася
Здѣсь межъ святителемъ и княземъ. Здѣсь его,
Какъ древній Самуилъ, благословилъ владыка
На собираніе народа своего.
Святителя завѣтъ исполнился великій;
Помалу собралась вкругъ Бѣлаго Кремля,
Какъ подъ надежный щитъ, вся Русская земля,
И каждый градъ ея свою здѣсь церковь ставилъ,
И высилась Москва!..

Мамаево побоище.

(Куликовская битва).

Въ широкомъ привольѣ заволжскихъ степей
Собралось, къ набѣгу готово,
Татарское войско, и въ ставкѣ своей
Мамай собираетъ ордынскихъ вождей,
Къ нимъ гордое держитъ онъ слово:
„Москва позабыла Батыевы дни;—
Князья ея дерзки и смѣлы,
Пусть нынѣ извѣдаютъ снова они,
Сколь мѣтки татарскія стрѣлы!
„Селенія, веси и грады ихъ вновь
Сожженные, въ прахъ обратятся:

Польется потоками русская кровь,
Предъ ханомъ рабы да смирятся,—
„Да снова съ повинной придутъ головой,
Придутъ, побѣжденные въ брани,—
Въ Орду на поклонъ, волоча за собой
Дары и обильныя дани!“
И слово Мамая по стану, какъ громъ,
Раскатомъ могучимъ катится;
Подъемлетъ несмѣтныя рати кругомъ
И, ихъ обгоняя въ просторѣ степномъ,
Къ Москвѣ грознымъ вызовомъ мчится.
Подъ тяжкою дланью пришельца-врага
Москвѣ преклонится не гоже.
На вызовъ отвѣтная рѣчь не долга:
„Кровь вѣрныхъ сыновъ для Руси дорога,
Но воля и честь ей дороже!“
И шлетъ князь Московскій Димитрій гонцовъ
Къ князьямъ, воеводамъ, боярамъ;
И дружно отвсюду на княжескій зовъ
Стекается много дружинъ и полковъ:
„Служить не хотимъ, молъ, татарамъ!
Позорно нести намъ на крѣпкихъ плечахъ“
Яремъ иноземнаго гнета;
Давно на Руси, на земляхъ и водахъ,
Въ дремучихъ дубравахъ и чистыхъ поляхъ
Намъ быть господами охота!
Подъ стягомъ Христовымъ мы выйдемъ на бой;
Побѣда во власти Господней:
Но срамно предъ силой склоняться чужой,
А въ битвѣ за родину лечь головой
Честнѣе и Богу угоднѣй“.
Такъ мыслитъ Димитрій, такъ мыслятъ князья,—
За Русь умереть всѣ согласны,
И, знаменемъ крестнымъ чело осѣня,
Садится предъ войскомъ своимъ на коня
Димитрій веселый и ясный.
Выходятъ полки изъ кремлевскихъ воротъ;
Хоругви, кресты и иконы
Бойцовъ провожаютъ въ далекій походъ—
И ждетъ ужъ вѣстей о побѣдѣ народъ,

И молятся старцы и жены.
Межъ тѣмъ какъ впередъ, развернувъ знамена,
Грядетъ боевая дружина,
Растетъ, прибываетъ, какъ въ морѣ волна,
И вотъ передъ нею вдали ужъ видна
Широкаго Дона равнина;
И князь черезъ Донъ перебраться спѣшитъ,
Дружину свою ободряя;
Впередъ онъ глядитъ и молитву творитъ,—
За Дономъ на рѣчкѣ Непрядвѣ стоитъ
Несмѣтное войско Мамая.
Москвы и Орды—двухъ враждующихъ силъ,—
Близка неизбѣжная встрѣча.
Лучъ ранняго солнца поля освѣтилъ,
Проснулося утро—и часъ наступилъ,
И грянула славная сѣча!
На русскихъ, какъ коршунъ, Мамай налетѣлъ:
Поднялись стенанья и клики,
Затмилося солнце отъ вражескихъ стрѣлъ,
И поле покрылося грудами тѣлъ,
И бой разгорѣлся великій.
Враговъ разъяренныхъ смѣшались ряды;
Гремѣли лихіе удары,
Сверкали доспѣхи, шеломы, щиты;
На стягахъ московскихъ сіяли кресты,—
Къ тѣмъ стягамъ рвалися татары.
И близко ужъ были; но часъ роковой
Пробилъ; понеслись изъ засады
Ряды свѣжихъ войскъ и побѣдной волной
Смущенныхъ погнали татаръ предъ собой,
Рубя бѣглецовъ безъ пощады.
И въ ужасѣ дикомъ Мамай увидалъ
Силъ грозныхъ своихъ пораженье,
И съ браннаго поля со срамомъ бѣжалъ,—
Богъ русскому войску побѣду послалъ,
Послалъ на враговъ одолѣнье.
Съ тѣхъ поръ пронеслося полтысячи лѣтъ.
На зло иноземной гордынѣ,
Русь много другихъ одержала побѣдъ,
Но равныхъ побѣдѣ великой той нѣтъ,—

Гремитъ ея слава донынѣ...
Затѣмъ, что впервые сказалась въ тотъ часъ
Народная русская сила,—
Та сила, что грозно потомъ разрослась,
Громила Востокъ и Закатъ и не разъ
Къ Царьграда вратамъ подходила.
Пусть ворогъ завистливо-чуткой душой
Ту силу познаетъ и цѣнитъ!
Стоитъ она крѣпкой и вѣрной стѣной,
Въ ней русская слава, и мощь, и покой,—
Она намъ и впредь не измѣнитъ!

Сверженіе татарскаго ига.

(7 ноября 1480 г.).

Часъ ударилъ жданный, радостный!
Колокольный звонъ по всей Руси,
И молебны по церквамъ поютъ,
И по всей землѣ веселіе!
Словно мутны воды вешнія,
Золотая Орда растаяла,
Отъ святой Руси отхлынула!
Пронеслися тучи черныя,
Вышло солнце изъ-за черныхъ тучъ:
Засвѣтился имъ Московскій Кремль,
Золотыя церквей маковки,
А въ палатѣ узорчатой
Всѣхъ свѣтлѣй сидитъ и радостнѣй
Самодержецъ всея Руси,
А не ханскій уже данничекъ;
Его ноженькой растоптана
Басма ханская тутъ валяется,
И бѣгутъ съ метлой конюхи
Выметать ее на задній дворъ.

Москва.

И рядилася младая
Величавая Москва,
Стѣны, башни убирая
Дивныхъ зодчествъ въ кружева!

И стекались, рать за ратью,
Многихъ княжествъ знамена,
И своею благодатью
Осѣняла ихъ она!

Новградъ, съ золотомъ полъ-свѣта,
Ей принесъ свободу въ дань,
И, рабыня Магомета,
Пала въ ноги ей Казань!

И Уралъ ей отперъ горы
И Сибирь—златое дно;
Русь, забывъ семейны споры,
Зажила съ ней заодно!

Здѣсь Россія! Съ ней страдала
Въ годы тяжкіе Москва;
Съ ней она и возставала
Къ торжеству отъ торжества!

Съ ней дѣлила скорбь и горе
И на брань звала сыновъ
Въ дни, когда народовъ море
Выступало изъ бреговъ!

Съ края царства и до края
Голосъ славы и мольбы:
Русь родная! Русь святая!
Краше нѣтъ твоей Москвы!

Москва.

(Въ день столѣтія Московскаго Университета 1855 г.).

Давно цари Россіи новой,
Оставивъ стольный градъ Москвы,
Въ равнинахъ Ингріи суровой
Разбили лагерь у Невы;
Но духомъ ты, Москва, не пала
И, древнею блестя красой,
Ты никогда не перестала

Быть царства нашего душой.
Твой духъ въ одно его скрѣпляетъ.
Любовь къ отчизнѣ, какъ струя,
Отъ сердца къ сердцу пробѣгаетъ
По цѣлой Руси отъ Кремля;
Но ту любовь, съ которой дикой
Пустыню любитъ,—ты слила
Съ огнемъ науки и великой
О Руси мыслью облекла;
Связавъ минувшее съ грядущимъ,
Забвенье съ предковъ ты сняла,
И поколѣньямъ нынѣ сущимъ
Ты мысль отечества дала.
Оно—въ той вѣрѣ величавой,
Что Русь живетъ въ моей груди;
Что есть за мной ужъ много славы,
И больше будетъ впереди,
Что въ долѣ темной или громкой
Полезенъ родинѣ мой трудъ,
И что дѣла мои—потомки
Благословятъ иль проклянутъ...
Москва! Въ слезахъ подъемлю руки
Къ тебѣ, какъ къ матери дитя,
Въ день драгоцѣнный для науки
Въ день присно-славный для тебя!
О, пусть кричатъ трибуны злые—
Мы вѣримъ сердцу своему—
Жива Москва—сильна Россія!..

Великій Новгородъ.

Новгородъ.

...Мнѣ сказывалъ дѣдушка-Волховъ
Завѣтныя думы свои:
„Была пора, я гордо несъ
Новгородскія ладьи,
Когда онѣ, нагружены,
Пускались въ дальнія страны.
Лихіе витязи-купцы

Вселяли миръ, внушали страхъ,
Держа вѣсы, держа и мечъ
Въ привычныхъ къ дѣйствію рукахъ;
Смотри: вотъ тутъ - заморскихъ странъ
Стояли корабли,
Мѣняя привозной товаръ
На звонкіе рубли.
Смотри: вонъ тамъ—былъ шумный торгъ,
Туда свозилъ народъ
Свои достатки и труды
Хозяйственныхъ работъ.
А тамъ, смотри, вонъ тамъ звучалъ
Тотъ колокольный звонъ,
Когда на вѣчѣ созывалъ
Новогородцевъ онъ.
Тамъ волновался и шумѣлъ
Свободный городъ мой,
Когда сбирался толковать
Народъ между собой.
На вѣчѣ онъ творилъ свой судъ
И изгонялъ князей,
На вѣчѣ избиралъ владыкъ
И отличалъ друзей;
И власть посадника его,
Была сильнà, грознà,
Зане народною душой
Являлася она.
Въ своихъ ладьяхъ и на моряхъ
Умѣлъ онъ побѣждать,
Предъ нимъ не разъ склонялись—шведъ
И крестоносцевъ рать.
Онъ торговалъ, но честенъ былъ
И былъ за то любимъ.
И даже дальняя Ганза
Была въ союзѣ съ нимъ.
Былъ славенъ онъ и на Руси,
Могучъ, силенъ, богатъ,
Вотъ былъ каковъ въ былые дни
Мой вольный Новоградъ!“

Чудо Знаменской иконы.

(Изъ Новгородской лѣтописи, по поводу избавленія Новгорода отъ суздальцевъ въ 1170 г.).

Не тучей покрылся вдали небосклонъ,
Не молнія блещетъ лучами—
Стремясь нанести Новограду уронъ,
Дружины со всѣхъ подступаютъ сторонъ,
Сверкая на солнцѣ мечами.

Огню безъ пощады селенье предавъ,
Враги укрѣплялися станомъ;
Желая достигнуть утраченныхъ правъ
И мстить за обиду—пришелъ Святославъ
Изъ Суздаля, съ княземъ Романомъ.

Заранѣй побѣдою вѣрной кичась,
При блескѣ пожаровъ слободскихъ,
По жребію дѣлитъ съ дружиною князь,
Надъ городомъ древнимъ съ насмѣшкой глумясь,
И женъ и дѣтей новгородскихъ.

Борьба началася, и тысячи стрѣлъ
Взвилися надъ городомъ тучей;
Валялися груды неприбранныхъ тѣлъ,
Три дня миновало... Ужъ городъ слабѣлъ—
Всѣ ждали бѣды неминучей...

Четвертой же ночью, отъ всѣхъ удалясь,
Владыка молился во храмѣ.
И вотъ онъ услышалъ божественный гласъ:
— „Возстань, ибо завтра, въ указанный часъ,
Побѣда васъ ждетъ надъ врагами.

„Заутра иди во Спасителя храмъ,
Съ усердьемъ моляся немалымъ,
Царицы небесной стоящую тамъ
Икону святую воздвигни ты самъ
И самъ вознеси надъ забраломъ!“

Поспѣшно владыкой былъ собранъ соборъ;
Стекался народъ богомольный.
Слезой былъ увлаженъ святителя взоръ,

Когда раздался, оглашая просторъ,
Торжественный звонъ колокольный.

При пѣньи молебна, толпой окруженъ,
Вступилъ съ духовенствомъ владыка
Въ смиренную церковь и, павъ на амвонъ,
Молился онъ долго, душой умиленъ
При видѣ Владычицы лика.

По знаку его, выступая впередъ,
Діаконъ подъ звуки канона,
Пытался воздвигнуть священный кіотъ,
Но тщетно молился и плакалъ народъ—
Не тронулась съ мѣста икона;

Тогда самъ святитель, приблизившись къ ней,
Приподнялъ кіотъ драгоцѣнный...
И зимнее солнце сіяло яснѣй,
Когда со священною ношей своей
Владыка, поднявшись на стѣны,
Надъ самымъ забраломъ икону вознесъ

Подъ тучею стрѣлъ заостренныхъ!
При шумѣ сраженья и дикихъ угрозъ,
Скатилися капли прозрачныя слезъ
Изъ кроткихъ очей огорченныхъ

Пречистой, упавъ на владыки фелонь!..
Враги, внѣ себя отъ испуга,
Какъ будто настигъ ихъ небесный огонь,
Бѣжали... Смѣшались и всадникъ, и конь...
Свои избивали другъ друга.

Тогда новгородцы, на дерзкихъ враговъ
Ударивъ,—разбили дружину.
Струилась потоками алая кровь,
И много легло тамъ отважныхъ бойцовъ,
Усѣявъ тѣлами долину...

Заутра же снова въ Софійскій соборъ
Стекался народъ богомольный,
И славилъ Царицу Небесную хоръ,
И снова гудѣлъ, оглашая просторъ,
Торжественный звонъ колокольный.

Новгородъ.

Прошла пора, прошла свобода
Новогородскаго народа;
Завѣтный колоколъ молчитъ;
Одно преданье говоритъ
О прежнихъ подвигахъ и славѣ,
О независимой державѣ,
Съ Ганзой о выгодныхъ связяхъ,
О прежнихъ льготахъ и правахъ.

Настали времена крутыя,
Они напомнили Батыя,—
И посреди кровавыхъ бѣдъ
Русь изнывала много лѣтъ.
Не бунтъ, не язва, не пожары,
Не безначалье, не татары
Не гладъ, не моръ ее терзалъ,—
Въ царѣ Господь ей бичъ послалъ.

Ея царемъ въ тотъ вѣкъ тревожный
Былъ Іоаннъ Васильичъ Грозный,
Могучъ для зла и для добра.
Кто знаетъ: геній-ли Петра
Въ немъ воплотился безвременно?
Томимъ ли мыслью сокровенной,
Онъ окровавилъ свой вѣнецъ?
Неизмѣрима глубь сердецъ.

Умы совѣта, мужи брани,
Завоеватели Казани,
Первослужитель алтарей,
Друзья народа и царей,
Князья, бояре, воеводы,
Россіи доблестные роды,
Ея опора и щиты,
Младенцы, вдовы, сироты—

Все гибло жертвой лютой злобы;
Селенья превращались въ гробы,
Опустошались города,
Окровавленная вода

Текла въ рѣкахъ; все изнывало,
И Русь безжизненно лежала
Среди пустыхъ своихъ равнинъ,
Какъ уязвленный исполинъ.

И вотъ минувшая свобода
Новогородскаго народа
Предстала вдругъ передъ царемъ;
И мнитъ онъ въ ужасѣ слѣпомъ:
„Она еще умы лелѣетъ,
Она какъ искра въ пеплѣ тлѣетъ“...
И страшный колокола звонъ
Смущенной мыслью слышитъ онъ!

Доселѣ Новгородъ цвѣтущій
Не предугадывалъ грядущей
Своей судьбы; хотя давно
Ужъ вѣче въ немъ заглушено,
Хотя съ богатою Ганзою
Не торговалъ онъ, какъ порою,
Но былъ силенъ еще войной
Съ врагами, славой и казной.

Его могучія твердыни
Еще хранились, какъ святыни,
Въ воспоминаніе побѣдъ.
Въ годину смутъ, въ годину бѣдъ,
Отъ Рюрика и Ярослава,
Вѣками зрѣла эта слава,
И Невскій—доблестный герой
Запечатлѣлъ ее собой.

Былъ Новгородъ въ борьбѣ съ суровымъ
Норманомъ, съ рыцарствомъ Христовымъ,
И съ безпокойною Литвой,
И съ самовластною Москвой;
Предохранилъ Господь святыя,
Его твердыни отъ Батыя;
Мамай его не тронулъ встарь—
Не пощадилъ лишь Грозный царь!

И вотъ отрядъ его летучій
Уже сбирается, какъ туча
Предъ разрушительной грозой.
Опричниковъ кромѣшныхъ рой,
Спѣшитъ, какъ сонмище злыхъ духовъ,
И, подъ предлогомъ лживыхъ слуховъ,
Идетъ царь Новгородъ казнить,
За вольность прежнюю отмстить...

Паденіе Новгорода.

Могучій союзомъ съ Ганзою, въ то время
Новгородъ за моремъ торговлю водилъ,
Въ далекихъ набѣгахъ, не вѣдая бремя,
Сосѣднимъ народамъ грозою онъ былъ.
„Кто противу Бога и противъ Новграда!“
То были твой лозунгъ. Народъ боевой,
Хранимый Софіей, громилъ супостата,
Предъ сильнымъ врагомъ не склонялся главой!
Но вижу: смятенье царитъ надъ тобою,
И вѣче, внимая разсказамъ молвы,
Колеблется силой твоей боевою—
Что-жъ страхъ тотъ вѣщаетъ?
На городъ войною
Идетъ Іоаннъ отъ далекой Москвы.
Напрасно сбирается вѣче, напрасно
Гремитъ Новгородецъ побѣднымъ мечомъ;
И думой и дѣломъ уже несогласный,
Въ раздорѣ забылъ онъ о горѣ родномъ!
Но чу! раздались вдругъ сочувствія клики —
То откликъ на рѣчи великой жены...
Сбирается въ битву Новгородъ Великій—
И требуютъ брани свободы сыны...
Вотще ты смыкаешься грозно рядами—
Звѣзда твоя гаснетъ. Владыка князей
Войдетъ въ твои страны твоими костями.
Смирись! Уже близокъ онъ съ ратью своей...
Вижу: солнце озарило
Даль шелонскихъ береговъ,
Войску Новграда открыло

Силы грозныя враговъ...
Вотъ сошлись враги мечами...
Грозной гибели полны,
Бьются съ мощными врагами
Новгородскіе сыны...
То враги одолѣваютъ,
То враговъ они тѣснятъ...
Грозенъ бой... Но измѣняетъ
Дѣлу храбрыхъ ихъ же братъ!
Вотъ прошелъ между рядами
Звукъ измѣны роковой,
И склоняется мечами
Новгородцевъ тѣсный строй
Предъ Іоанновой главой!
Но дальше идетъ Іоаннъ съ поля той сѣчи —
Новгородъ ворота ему отворилъ...
Разбилось у ногъ его вольное вѣче —
Знать власть самодержца—прочнѣе всѣхъ силъ!
Палъ Новгородъ, дальнею славой. Страницы
Исторій о ней лишь потомству твердятъ,
Храмъ древній Софіи да башни, бойницы
О славѣ минувшей вѣкамъ говорятъ.

Надъ рѣкою, надъ пѣнистымъ Волховомъ, на широкой Вадимовой площади, заунывно гудитъ—поетъ колоколъ. Для чего созываетъ онъ Новгородъ? Не мѣняютъ-ли снова посадника? Не волнуется-ль чудь непокорная? Не вломились-ли шведы иль рыцари? Да не время-ли кликнуть охотниковъ взять неволей иль волей съ Югоріи серебро и мѣхи драгоцѣнные? Не пришли-ли товары ганзейскіе, али снова послы сановитые отъ великаго князя Московскаго за обильною данью пріѣхали? Нѣтъ! Уныло гудитъ—поетъ колоколъ. Поетъ тризну свободѣ печальную; поетъ пѣсню съ отчизной прощальную. „Ты прости, родимый Новгородъ! Не сзывать тебя на вѣче мнѣ, не гудѣть ужъ мнѣ по прежнему: кто на Бога, кто на Новгородъ? Вы простите, храмы Божіи, терема мои дубовые! Я пою для васъ въ послѣдній разъ; издаю для васъ прощальный звонъ. Налети ты, буря

грозная, вырви ты языкъ чугунный мой, ты разбей края мнѣ мѣдные, чтобъ не пѣть въ Москвѣ далекой мнѣ про мое-ли горе-горькое, про мою ли участь слезную, чтобъ не тѣшить пѣснью грустною мнѣ царя Ивана въ теремѣ".

„Ты прости, мой братъ названный, буйный Волховъ мой, прости! Безъ меня ты празднуй радость, безъ меня ты и грусти. Пролетѣло это время... не вернуть его ужъ намъ, какъ и радости, и горе мы дѣлили пополамъ! Какъ не разъ печальный звонъ мой ты волнами заглушалъ, какъ, не разъ и ты подъ гулъ мой, буйный Волховъ мой, плясалъ. Помню я, какъ подъ ладьями Ярослава ты шумѣлъ, какъ напутную молитву я волнамъ твоимъ гудѣлъ. Помню я, какъ Боголюбскій побѣжалъ отъ нашихъ стѣнъ, какъ гремѣли мы съ тобою: смерть вамъ, суздальцы, иль плѣнъ! Помню я: ты на Ижору Александра провожалъ: я моимъ хвалебнымъ звономъ побѣдителя встрѣчалъ. Я гремѣлъ, бывало, звучный:—и сбирались молодцы, и дрожали за товары иноземные купцы, нѣмцы рижскіе блѣднѣли и, заслышавши меня, погонялъ литовецъ дикій быстроногаго коня. А я городъ, а я вольный звучнымъ голосомъ зову то на нѣмцевъ то на шведовъ, то на чудь, то на литву! Да, прошла пора святая: наступило время бѣдъ! Если-бъ могъ, я бъ растопился въ рѣки мѣдныхъ слезъ, да нѣтъ! Я—не ты, мой буйный Волховъ! я не плачу,—я пою! Промѣняетъ ли кто слезы и на пѣсню мою? Слушай... нынче, старый другъ мой, по тебѣ я поплыву: царь Иванъ меня отвозитъ во враждебную Москву. Собери скорѣй всѣ волны, всѣ валуны, всѣ струи—разнеси въ осколки, въ щепки ты московскія ладьи,а меня на днѣ песчаномъ синихъ водъ твоихъ сокрой, и звони въ меня почаще серебристою волной:—можетъ быть, изъ водъ глубокихъ вдругъ услыша голосъ мой, и за вольность, и за вѣче встанетъ городъ нашъ родной".

Новгородъ.

Время пролетѣло,
Слава прожита;

Вѣче онѣмѣло,
Сила отнята.

Городъ воли дикой,
Городъ буйныхъ силъ,
Новгородъ Великій
Тихо опочилъ...

Слава отшумѣла,
Время протекло:
Площадь опустѣла
Вѣче отошло...

Вольницу избили,
Золото свезли,
Вѣче распустили
Колоколъ снесли.

Порѣшили дѣло:
Все кругомъ молчитъ;
Только Волховъ смѣло
О быломъ шумитъ.

Бѣлой плачетъ кровью
О былыхъ бояхъ,
И поетъ съ любовью
О старинныхъ дняхъ.

Первый царь всея Руси Іоаннъ IV Васильевичъ Грозный.

Предсказаніе о рожденіи Грознаго.

Его еще на свѣтѣ не бывало,
А ужъ о немъ пророки провѣщали!...
Былъ юродивый старецъ Доментьянъ...
Когда его покойная княгиня
О дѣтищѣ, зачатомъ ей, спросила:
„Что имамъ я родити?“ Онъ сказалъ:
—„Родится Титъ—широкій умъ!“—
И точно:
Не мимо шли правдивыя слова,—
И вѣщее сбылося предсказанье.

Старая пѣсня.

(1652 г.).

Изъ лѣсовъ дремучихъ сѣверныхъ
Поднялась не тучка темная,
А рать сильная могучая,
Царя грознаго, Московскаго:
Словно птица быстролетная
Пролетѣла море синее,
Перешла такъ сила русская
Степь пустую непроходную.
И пришла она, незванная,
Къ царству сильному, Казанскому—
Къ басурману—хану лютому,
Къ своему недругу заклятому.
И, куда еще—спитъ зорюшка,
А ужъ бьется Русь съ татариномъ, —
Стѣны крѣпкія разрушила
И пошла гулять по городу.

Воеводы рати храбрыя
Ѣздятъ, бьютъ татаръ по улицамъ;
А на башнѣ съ русскимъ знаменемъ
Юный царь стоитъ, какъ солнышко!

Ермакъ.

Онъ былъ казакъ. Берега родного Дона его взростили въ зелени полей; какъ вѣрный сынъ свободнаго притона, не признавалъ онъ ставленныхъ властей. Гулялъ свободно, грабилъ караваны, и ужасъ наводилъ онъ на купцовъ, не страшны были царскія охраны отборной шайкѣ вольныхъ удальцовъ. Но надоѣло для корысти чужой свой хороводъ разбойничій водить, и захотѣлось честной вѣрной службой свои грѣхи былые искупить. Прослышалъ онъ, что кличутъ кличъ съ Урала, зовутъ на помощь съ камскихъ береговъ, гдѣ храбрыхъ горсть побѣдно охраняла обширный край отъ натиска враговъ. И онъ пошелъ туда съ своей ватагой, вступилъ на службу къ воинамъ—купцамъ, тамъ вдо-

воль было тѣшиться отвагой и разгуляться волжскимъ молодцамъ. Но не могли потѣхи обороны его души отважной утолить; провѣдалъ онъ, что есть въ Сибири троны, которыхъ мощь возможно сокрушить. Хоть много ихъ язычниковъ безбожныхъ, разбойникъ волжскій,— чудо богатырь, онъ, во главѣ товарищей надежныхъ, низринулся въ далекую Сибирь. Среди лѣсовъ и тундры многоводной онъ смѣло шелъ, встрѣчаяся съ врагомъ. Непобѣдимъ порывъ души свободной, когда она сражается съ рабомъ. Для нихъ война считается забавой; противостать враги имъ нс могли, и шли они съ побѣдоносной славой все дальше въ глубь невѣдомой земли. Тамъ Ермаку никто не прекословитъ, числу враговъ онъ не подводитъ счетъ. Кто льва рукой въ пустынѣ остановитъ? Кто, дерзкій, путь ему пересѣчетъ? Настигъ царя на воинской ловитвѣ, повелъ своихъ, отвагою дыша, и доконалъ враговъ въ кровавой битвѣ, смѣшавъ ихъ кровь съ водою Иртыша. И снарядилъ онъ къ Грозному посольство, чт бъ разсказать, какъ справиться съ врагомъ; просилъ забыть былое своевольство и царствомъ билъ державному челомъ. И царь пословъ съ привѣтомъ яснымъ встрѣтилъ, и принялъ даръ донского казака, на подчиненье милостью отвѣтилъ, не вспомянулъ былое Ермака. Онъ одарилъ отважныхъ добровольцевъ и шубу выслалъ съ царскаго плеча тому, кто былъ, какъ вождь тѣхъ своевольцевъ, давно намѣченъ жертвой палача. Но часъ насталъ. Его изъ сотворенныхъ не избѣжитъ никто и никогда! На горсть бойцовъ, въ сонъ крѣпкій погруженныхъ, набросилась свирѣпая орда. Для Ермака не страшны нападенья. Онъ билъ ее, какъ бьютъ враговъ орлы, но, ослабѣвъ, въ рѣкѣ искалъ спасенья и въ волны прыгнулъ съ каменной скалы. Онъ утонулъ, подавленный убранствомъ, и прахъ его восприняла рѣка... Но подарилъ онъ Русь обширнымъ царствомъ, и чтитъ она тотъ подвигъ Ермака.

Далекій край.

Давно то было, было встарь—царилъ надъ Русью Грозный Царь. Въ Москву вдругъ прибылъ посланецъ—

съ нежданной вѣстію гонецъ. Примчался онъ издалека; то былъ подручникъ Ермака, съ товарищи, Иванъ Кольцо, и сталъ предъ царское лицо; и кланялся казакъ лихой царю Сибирскою землей, отъ всѣхъ опальныхъ казаковъ, прося, съ повинныхъ ихъ головъ, простыхъ людей и старшины, забывъ ихъ давнія вины, опалу милостиво снять и даръ посильный ихъ принять. И оповѣдалъ все въ чередъ казакъ про славный тотъ походъ за поясъ каменный, и какъ путь пробивалъ себѣ Ермакъ чрезъ горы, рѣки и лѣса. Была та рѣчь про чудеса терпѣнья, доблести, трудовъ отважной горсти удальцевъ, въ средѣ невѣдомыхъ племенъ, среди враговъ со всѣхъ сторонъ, въ борьбѣ суровой безъ конца. Окончилъ рѣчь свою Кольцо и снова билъ царю челомъ сибирскимъ царствомъ, и на томъ Царь соизволилъ даръ принять, и повелѣлъ ему сказать и Ермаку, и казакамъ, по многимъ тяжкимъ ихъ трудамъ и службамъ въ дальнемъ томъ краю, всѣмъ милость царскую свою. Великимъ жалованьемъ ихъ пожаловалъ царь слугъ своихъ; и одарилъ онъ ихъ казной, цвѣтными сукнами, камкой, и рать на помочь имъ послалъ. Такъ край Сибирскій Русью сталъ.

И русскій людъ о немъ узналъ, провѣдалъ онъ, что въ томъ краю просторъ и воля, какъ въ раю, что всякій звѣрь и птица тамъ живутъ привольно по лѣсамъ, и рѣки рыбою полны, и нѣтъ конца тамъ цѣлины. И вотъ, спасаясь отъ невзгодъ, за поясъ каменный, путемъ, пробитымъ смѣлымъ Ермакомъ, пошла вся русская бѣда; и все идетъ она туда, отъ той поры до нашихъ дней, со стародавней Руси всей. И вольной волею идетъ, и въ кандалахъ туда бредетъ. Многострадальная она,—бѣдна, убога, но сильна. И заселяетъ пустыри, и тамъ, гдѣ жили дикари, на мѣстѣ дебрей и степей, средь ею-жъ вспаханныхъ полей, все та же русская бѣда воздвигла села, города. Такъ съ той поры изъ вѣка въ вѣкъ, шелъ крѣпкій русскій человѣкъ на дальній сѣверъ и востокъ неудержимо, какъ потокъ; съ плохой винтовкой за плечомъ, иль съ неизмѣннымъ топоромъ, съ краюхой хлѣба въ кошелѣ, отдавъ поклонъ родной землѣ, отъ непригляднаго житья, онъ шелъ въ

безвѣстные края чрезъ тундры, рѣки и хребты, чрезъ быстрину и высоты; пока въ невѣдомой дали онъ не пришелъ на край земли, гдѣ было некуда итти, гдѣ поперекъ его пути, одѣтый въ бури и туманъ, всталъ необъятный океанъ, и грознымъ рокотомъ валовъ, казалось, говорилъ безъ словъ: „Здѣсь власть моя!... Здѣсь твой рубежъ! Ты за него не перейдешь!“...

И какъ пигмея великанъ, суровый, грозный океанъ пришельца звалъ на споръ съ собой; и принялъ тотъ неравный бой, и не попятился назадъ. Отважный, твердый, какъ булатъ, онъ сладилъ утлыя суда и смѣло ринулся туда, въ неизмѣримый океанъ,—и побѣжденъ былъ великанъ!.. И смѣлый русскій удалецъ, или изгнанникъ, иль бѣглецъ изъ дальней родины своей, сродясь не видѣвшій морей, онъ эту бездну переплылъ и страны новыя открылъ на самодѣльномъ кораблѣ, и тамъ, въ невѣдомой землѣ, тамъ въ полушаріи другомъ, на берегу ему чужомъ онъ водрузилъ нашъ русскій стягъ, чтобъ зналъ про то и другъ, и врагъ.

Кулачный бой въ Москвѣ при Іоаннѣ Грозномъ.

Надъ Москвой великой, златоглавою,
Надъ стѣной кремлевской бѣлокаменной,
Изъ—за дальнихъ лѣсовъ, изъ—за синихъ горъ,
По тесовымъ кровелькамъ играючи,
Тучки сѣрыя разгоняючи,
Заря алая подымается.
Разметала кудри золотистыя,
Умывается снѣгами разсыпчатыми,
Какъ красавица, глядя въ зеркальце,
Въ небо чистое смотритъ, улыбается.
Ужъ зачѣмъ ты, алая заря, просыпалася?
На какой ты радости разыгралася?
Какъ сходилися, собиралися
Удалые бойцы московскіе
На Москву—рѣку, на кулачный бой,
Разгуляться для праздника, потѣшиться.
И пріѣхалъ царь со дружиною,

Со боярами и опричииками,
И велѣлъ растянуть цѣпь серебряную,
Чистымъ золотомъ въ кольцахъ спаянную.
Оцѣпили мѣсто въ двадцать пять саженъ.
Для охотницкаго боя, одиночнаго.
И велѣлъ тогда царь Иванъ Васильевичъ
Кличъ кликать звонкимъ голосомъ:
„Ой ужъ гдѣ вы, добрые молодцы?
Вы потѣшьте царя нашего батюшку!
Выходите-ка во широкій кругъ:
Кто побьетъ кого, того царь наградитъ,
А кто будетъ побитъ, того Богъ проститъ!"
И выходитъ удалой Кирибѣевичъ,
Царю въ поясъ молча кланяется,
Скидаетъ съ могучихъ плечъ шубу бархатную,
Подпершися въ бокъ рукою правою,
Поправляетъ другой шапку алую,
Ожидаетъ онъ себѣ противника.,.
Трижды громкій кличъ прокликали—
Ни одинъ боецъ и не тронулся,
Лишь стоятъ, да другъ друга подталкиваютъ.
На просторѣ опричникъ похаживаетъ,
Надъ плохими бойцами подсмѣиваетъ:
„Присмирѣли, не бойсь, призадумались!
Такъ и быть, обѣщаюсь, для праздника,
Отпущу живого съ покаяніемъ,
Лишь потѣшу царя нашего батюшку".
Вдругъ толпа раздалась на обѣ стороны—
И выходитъ Степанъ Парамоновичъ,
Молодой купецъ, удалой боецъ,
По прозванію Калашниковъ.
Поклонился прежде царю Грозному,
Послѣ Бѣлому Кремлю, да святымъ церквамъ,
А потомъ всему народу Русскому
Горятъ его очи соколиныя,
На опричника смотрятъ пристально;
Супротивъ его онъ становится,
Боевыя рукавицы натягиваетъ,
Могутныя плечи распрямливаетъ;
Да кудряву бороду поглаживаетъ.

И сказалъ ему Кирибѣевичъ:
„А повѣдай мнѣ, добрый молодецъ,
Ты какого роду—племени,
Какимъ именемъ прозываешься,
Чтобы знать, по комъ панихиду служить,
Чтобы было ѣмъ и похвастаться?“
Отвѣчаетъ Степанъ Парамоновичъ:
„А зовутъ меня Степаномъ Калашниковымъ,
А родился я отъ честнова отца,
И жилъ я по закону Господнему;
Не позорилъ я чужой жены,
Не разбойничалъ ночью темною,
Не таился отъ свѣта небеснаго...
И промолвилъ ты правду истинную:
По одномъ изъ насъ будутъ панихиду пѣть,
И не позже, какъ завтра въ часъ полуденный;
И одинъ изъ насъ будетъ хвастаться,
Съ удалыми друзьями пируючи...
Не шутку шутить, не людей смѣшить
Къ тебѣ вышелъ я теперь, басурманскій сынъ,—
Вышелъ я на страшный бой, на послѣдній бой!“
И услышавъ то, Кирибѣевичъ
Поблѣднѣлъ въ лицѣ, какъ осенній снѣгъ;
Бойки очи его затуманились,
Между сильныхъ плечъ пробѣжалъ морозъ,
На раскрытыхъ устахъ слово замерло...
Вотъ молча оба расходятся,
Богатырскій бой начинается.
Размахнулся тогда Кирибѣевичъ
И ударилъ впервой купца Калашникова,
И ударилъ его посередь груди,—
Затрещала грудь молодецкая,
Пошатнулся Степанъ Парамоновичъ;
На груди его висѣлъ мѣдный крестъ
Со святыми мощами изъ Кіева,
И погнулся крестъ и вдавился въ грудь;
Какъ роса, изъ—подъ него кровь закапала.
И подумалъ Степанъ Парамоновичъ:
„Чему быть суждено, то и сбудется;
Постою за правду до послѣднева!“

Изловчился онъ, приготовился,
Собрался со всею силою
И ударилъ своего ненавистника
Прямо въ лѣвый високъ со всего плеча.
И опричникъ молодой застоналъ слегка,
Закачался, упалъ за́мертво;
Повалился онъ на холодный снѣгъ,
На холодный снѣгъ, будто сосенка,
Будто сосенка во сыромъ бору
Подъ смолистый подъ—корень подрубленная.
И, увидѣвъ то, царь Иванъ Васильевичъ
Прогнѣвался гнѣвомъ, топнулъ о землю
И нахмурилъ брови черныя;
Повелѣлъ онъ схватить удалого купца
И привесть его предъ лицо свое.
Какъ возговорилъ православный царь:
„Отвѣчай мнѣ по правдѣ, по совѣсти,
Вольной волею, или нехотя,
Ты убилъ на—смерть мово вѣрнаго слугу,
Мово лучшаго бойца, Кирибѣевича?“
—Я скажу тебѣ православный царь:,
Я убилъ его вольной волею,
А за что, про что—не скажу тебѣ,
Скажу только Богу единому;
Прикажи меня казнить—и на плаху несть
Мнѣ головушку повинную,
Не оставь лишь малыхъ дѣтушекъ,
Не оставь молодую вдову,
Да двухъ братьевъ моихъ своей милостью.—
„Хорошо тебѣ, дѣтинушка,
Удалой боецъ, сынъ купеческій,
Что отвѣтъ держалъ ты по совѣсти.
Молодую жену и сиротъ твоихъ
Изъ казны моей я пожалую,
Твоимъ братьямъ велю отъ сего же дня
По всему царству Русскому широкому
Торговать безданно, безпошлинно.
А ты самъ ступай, дѣтинушка,
На высокое мѣсто лобное,
Сложи свою буйную головушку.

Я топоръ велю наточить—навострить,
Палача велю одѣть—нарядить,
Въ большой колоколъ прикажу звонить,
Чтобы знали всѣ люди московскіе,
Что и ты не оставленъ моей милостью.....“ [1])
Какъ на площади народъ собирается,
Заунывный гудитъ—воетъ колоколъ,
Разглашаетъ всюду вѣсть недобрую.
По высокому мѣсту лобному,
Во рубахѣ красной съ яркой запонкой,
Съ большимъ топоромъ навостреныимъ,
Руки голыя потираючи,
Палачъ весело похаживаетъ,
Удалова бойца дожидается;—
А лихой боецъ, молодой купецъ,
Со родными братьями прощается:
„Ужъ вы братцы мои, други кровные,
Поцѣлуемтесь да обнимемтесь
На послѣднее раставаніе.
Поклонитесь отъ меня Аленѣ Дмитріевнѣ,
Закажите ей меньше печалиться,
Про меня моимъ дѣтушкамъ на сказывать.
Помолитесь дому родительскому,
Поклонитесь всѣмъ нашимъ товарищамъ,
Поклонитесь сами въ церкви Божіей
Вы за душу мою, душу грѣшную!“
И казнили Степана Калашникова
Смертью лютою, позорною;
И головушка безталанная
Во крови на плаху покатилася.
Схоронили его за Москвой—рѣкой,
На чистомъ полѣ промежъ трехъ дорогъ:
Промежъ тульской, рязанской, владимирской,
И бугоръ земли сырой тутъ насыпали,
И кленовый крестъ тутъ поставили.

---

[1]) Кулачные бои, какъ забава, зачастую кончавшіеся весьма плачевно для участниковъ, существовали на Руси чуть ли не до половины прошлаго столѣтія. Преднамѣреннаго убійства на нихъ не допускалось ни въ какомъ случаѣ. Поэтому то и Грозный казнитъ купца Калашникова, отмстившаго опричнику Кирибѣевичу за жену свою Алену Дмитріевну.

И гуляютъ, шумятъ вѣтры буйные
Надъ его безыменной могилою.
И проходятъ мимо люди добрые:
Пройдетъ старъ человѣкъ—перекрестится,
Пройдетъ добрый молодецъ—пріосанится,
Пройдетъ дѣвица—пригорюнится,
А пройдутъ гусляры—споютъ пѣсенку.

Князь Михайло Репнинъ.*)

(1560 г.—1561 г.).

Безъ отдыха пируетъ съ дружиной удалой
Иванъ Васильичъ Грозный подъ матушкой Москвой.
Ковшами золотыми столовъ блистаетъ рядъ,
Разгульные за ними опричники сидятъ.
Съ вечерни льются вина на царскіе ковры,
Поютъ ему съ полночи лихіе гусляры,
Поютъ потѣхи брани, дѣла былыхъ временъ,
И взятіе Казани и Астрахани плѣнъ.
Но голосъ прежней славы царя не веселитъ,
Подать себѣ личину онъ кравчему велитъ.
„Да здравствуютъ тіуны, опричники мои!
„Вы—жъ громче бейте въ струны, бояны—соловьи!
„Себѣ личину, други, пусть каждый изберетъ—
„Я первый открываю веселый хороводъ!
„За мной, мои тіуны, опричники мои!
„Вы—жъ громче бейте въ струны, бояны—соловьи!
И всѣ подняли кубки. Не поднялъ лишь одинъ.
Одинъ не поднялъ кубка Михайло князь Репнинъ.
„О царь, забылъ ты Бога! Свой санъ ты, царь, забылъ!
„Опричиной на горе престолъ свой окружилъ!
„Разсыпь державнымъ словомъ дѣтей бѣсовскихъ рать!
„Тебѣ ли, властелину, здѣсь въ машкерѣ плясать!“
Но царь, нахмуря брови: „Въ умѣ ты, знать, ослабъ,

---

*) Бояринъ князь Михайло Репнинъ, видя во дворцѣ непристойное игрище, гдѣ царь, упоенный крѣпкимъ медомъ, плясалъ со своими любимцами въ маскахъ, заплакалъ отъ горести. Іоаннъ хотѣлъ надѣть на него маску. Репнинъ вырвалъ ее, растопталъ ногами и сказалъ: „Государю ли быть скоморохомъ? По крайней мѣрѣ я, бояринъ и совѣтникъ Думы, не могу безумствовать“. Царь выгналъ его и черезъ нѣсколько дней велѣлъ умертвить. (Карамзинъ).

„Или хмѣленъ не въ мѣру? Молчи, строптивый рабъ!
„Не возражай ни слова и машкеру надѣнь—
„Или, клянусь, что прожилъ ты свой послѣднiй день!“
Тутъ всталъ и поднялъ кубокъ Репнинъ, правдивый
князь:
„Опричина да згинетъ! онъ рекъ, перекрестясь,
„Да здравствуетъ во вѣки нашъ православный царь!
„Да правитъ человѣки, какъ правилъ ими встарь!
„Да презритъ, какъ измѣну, безстыдный лести гласъ!
„Личины—жъ не надѣну я въ мой послѣднiй часъ!“
Онъ молвилъ и ногами личину растопталъ,
Изъ рукъ его на землю звенящiй кубокъ палъ...
„Умри—же, дерзновенный!“ царь вскрикнулъ, разъярясь—
И палъ жезломъ пронзенный, Репнинъ правдивый князь.
И вновь подъяты кубки, ковши опять звучатъ,
За длинными столами опричники шумятъ,
И смѣхъ ихъ раздается, и пиръ опять кипитъ,—
Но звонъ ковшей и кубковъ царя не веселитъ:
„Убилъ, убилъ напрасно я вѣрнаго слугу!
„Вкушать веселье болѣ я нынѣ не могу!“
Напрасно льются вина на царскiе ковры,
Поютъ царю напрасно лихiе гусляры,
Поютъ потѣхи брани, дѣла былыхъ временъ,
И взятiе Казани, и Астрахани плѣнъ.

Василiй Шибановъ.

(1564 г).

Князь Курбскiй отъ царскаго гнѣва бѣжалъ,
Съ нимъ Васька Шибановъ стремянной *).
Дороденъ былъ князь. Конь измученный палъ.
Какъ быть среди ночи туманной?
Но рабскую вѣрность Шибановъ храня,,
Своего отдаетъ воеводѣ коня:
„Скачи, князь, до вражьяго стану,
Авось я пѣшой не отстану“.

*) Князь Андрей Михайловичъ Курбскiй (род. 1528 г.+1583 г. въ Ковлѣ) на 21 году жизни сопровождалъ Iоанна въ походъ на Казань и при взятiи ея обнаружилъ какъ способности искуснаго военачальника, такъ и блестя-

И князь доскакалъ. Подъ литовскимъ шатромъ
Опальный сидитъ воевода;
Стоятъ въ отдаленьи литовцы кругомъ, —
Безъ шапокъ толпятся у входа;
Всякъ русскому витязю честь воздаетъ,
Не даромъ дивится литовскій народъ,
И ходятъ ихъ головы кругомъ:
„ Князь Курбскій намъ сдѣлался другомъ“.
Но князя не радуетъ новая честь,
Исполненъ онъ желчи и злобы;
Готовится Курбскій царю перечесть
Души оскорбленной зазнобы:
„Что долго въ себѣ я таю и ношу,
„То все я пространно царю напишу;
„Скажу напрямикъ, безъ изгиба,
„За всѣ его ласки спасибо!“
И пишетъ бояринъ всю ночь напролетъ,
Перо его местію дышитъ,
Прочтетъ, улыбнется, и снова прочтетъ,
И снова безъ отдыха пишетъ;
И злыми словами язвитъ онъ царя,
И вотъ ужъ когда занялася заря,
Поспѣло ему на отраду
Посланіе, полное яду.
Но кто-жъ дерзновенныя князя слова
Отвезть Іоанну возьмется?
Кому не люба на плечахъ голова?
Чье сердце въ груди не сожмется?

щую личную храбрость. Преслѣдуя татаръ, Курбскій, читаемъ въ лѣтописи, наскочилъ на нихъ всѣхъ; они же, сбивши князя съ коня, изрубили его такъ, что многіе считали его мертвымъ, но потомъ, слава Богу, онъ выздоровѣлъ. Съ 1560 г. во время военныхъ дѣйствій въ Ливоніи Курбскій занималъ тамъ важныя должности, передъ бѣгствомъ же своимъ въ Литву стоялъ во главѣ дерптскихъ воеводъ и, какъ можно предполагать, считался намѣстникомъ Лифляндской земли. Принадлежность князя къ партіи Сильвестра и Адашева, рано или поздно, привела бы его на страшный судъ Іоанновъ, и Курбскій, считая жизнь свою въ опасности и находя необходимымъ „отъ казни горло свое унести“, рѣшился искать спасенія на чужбинѣ. Ночью 30 апрѣля 1564 г. изъ Дерпта въ г. Вольмаръ бѣжало съ нимъ 12 человѣкъ, изъ которыхъ вѣрный слуга князя Василій Шибановъ былъ пойманъ и отправленъ къ государю въ Москву.

Невольно на князя сомнѣнья нашли...
Вдругъ входитъ Шибановъ въ поту и пыли.
„Князь, служба моя не нужна ли?
„Вишь наши меня не догнали!“
И въ радости князь посылаетъ раба,
Торопитъ его въ нетерпѣньи:
„Ты тѣломъ здоровъ, и душа не слаба,
„А вотъ и рубли въ награжденье!“
Шибановъ въ отвѣтъ господину: „Добро!
„Тебѣ здѣсь нужнѣе твое серебро,
„А я передамъ и за муки
„Письмо твое въ царскія руки“.
Звонъ мѣдный несется, гудитъ надъ Москвой;
Царь въ смирной одеждѣ трезвонитъ;
Зоветъ ли обратно онъ прежній покой,
Иль совѣсть на—вѣки хоронитъ?
Но часто и мѣрно онъ въ колоколъ бьетъ,
И звону внимаетъ московскій народъ,
И молится, полный боязни,
Чтобъ день миновался безъ казни.
Въ отвѣтъ властелину гудятъ терема,
Звонитъ съ нимъ и Вяземскій лютый,
Звонитъ всей опричны кромѣшная тьма,
И Васька Грязной, и Малюта,
И тутъ же, гордяся своею красой,
Съ дѣвичьей улыбкой, съ змѣиной душой,
Любимецъ звонитъ Іоанновъ,
Отверженный Богомъ Басмановъ.
Царь кончилъ: на жезлъ опираясь, идетъ,
И съ нимъ всѣхъ окольныхъ собранье,
Вдругъ ѣдетъ гонецъ, раздвигая народъ,
Надъ шапкою держитъ посланье.
И спрянулъ съ коня онъ поспѣшно долой,
Къ царю Іоанну подходитъ пѣшой
И молвитъ ему, не блѣднѣя:
„Отъ Курбскаго князя Андрея!“
И очи царя загорѣлися вдругъ:
„Ко мнѣ? Отъ злодѣя лихова?
„Читайте же, дьяки, читайте мнѣ вслухъ
„Посланье отъ слова до слова!

„Подай сюда грамоту, дерзкій гонецъ!“
И въ ногу Шибанова острый конецъ
Жезла своего онъ вонзаетъ,
Налегъ на костыль и внимаетъ.
„Царю, прославляему древле отъ всѣхъ,
„Но тонущу въ скверна̀хъ обильныхъ.
„Отвѣтствуй, безумный, какихъ ради грѣхъ
„Побилъ еси добрыхъ и сильныхъ?
„Отвѣствуй, не ими ль, средь тяжкой войны,
„Безъ счету твердыни враговъ сражены?
„Не ихъ ли ты мужествомъ славенъ?
„И кто имъ бысть вѣрностью равенъ?
„Безумный! Иль мнишись безсмертнѣе насъ,
„Въ небытную ересь прельщенный?
„Внимай же! пріидетъ возмездія часъ,
„Писаніемъ намъ предреченный,
„И азъ, иже кровь въ непрестанныхъ бояхъ
„За тя, аки воду, ліяхъ и ліяхъ,
„Съ тобой предъ Судьею предстану!“
Такъ Курбскій писалъ къ Іоанну.
Шибановъ молчалъ. Изъ пронзенной ноги
Кровь алымъ струилася токомъ,
И царь на спокойное око слуги
Взиралъ испытующимъ окомъ.
Стоялъ неподвижно опричниковъ рядъ;
Былъ мраченъ владыки загадочный взглядъ,
Какъ будто исполненъ печали;
И всѣ въ ожиданьи молчали.
И молвилъ такъ царь: „Да, бояринъ твой правъ,
„И нѣтъ ужъ мнѣ жизни отрадной.
„Кровь добрыхъ и сильныхъ ногами поправъ,
„Я песъ недостойный и смрадный.
„Гонецъ, ты не рабъ, а товарищъ и другъ,
„И много, знать, вѣрныхъ у Курбскаго слугъ,
„Что выдалъ тебя за безцѣнокъ!
„Ступай же съ Малютой въ застѣнокъ“.
Пытаютъ и мучатъ гонца палачи,
Другъ другу приходятъ на смѣну:
„Товарищей Курбскаго ты уличи,
„Открой ихъ собачью измѣну!“

И царь вопрошаетъ:“ Ну что же гонецъ?
„Назвалъ ли онъ князя друзей, наконецъ?“
—Царь, слово его все едино:
Онъ славитъ свово господина!—
День меркнетъ, приходитъ ночная пора,
Скрипятъ у застѣнка ворота,
Заплечные входятъ опять мастера,
Опять зачалася работа.
„Ну что же, назвалъ ли злодѣевъ гонецъ?“
—Царь, близокъ ему ужъ приходитъ конецъ,
Но слово его все едино:
Онъ славитъ свово господина.—
„О князь! ты, который предать меня могъ
„За сладостный мигъ укоризны,
„О князь! я молюсь, да проститъ тебя Богъ,
„Измѣну твою предъ отчизной!
„Услышь меня, Боже, въ предсмертный мой часъ,
„Языкъ мой нѣмѣетъ и взоръ мой угасъ,
„Но въ сердцѣ любовь и прощенье:
„Помилуй мои прегрѣшенья!..
„Услышь меня, Боже, въ предсмертный мой часъ
„Прости моего господина!
„Языкъ мой нѣмѣетъ и взоръ мой угасъ,
„Но слово мое все едино:
„За Грознаго, Боже, царя я молюсь,
„За нашу святую, великую Русь,
„И твердо жду смерти желанной!“
Такъ умеръ Шибановъ стремянной.

Св. Филиппъ печальникъ русской земли *).

Смеркалось. Въ своей незатѣйливой кельѣ,
Подъ сѣнью развѣсистыхъ липъ,
Сидѣлъ у окна, во дворѣ монастырскомъ,

*) Св. Филиппъ, въ міру Феодоръ, родился въ 1507 г. отъ благочестивыхъ родителей — бояръ Колычевыхъ. Имѣя склонность къ отшельнической жизни, Филиппъ, еще въ юныхъ лѣтахъ, тайно покинулъ Москву и удалился въ пустынную Соловецкую обитель. Строгая подвижническая жизнь Филиппа скоро снискала ему отъ всѣхъ любовь и уваженіе, и онъ былъ избранъ братіей монастыря въ настоятели. Вскорѣ царь вызвалъ святого игумена въ Москву и возвелъ его въ санъ митрополита московскаго.

Опальный святитель Филиппъ.
Высокій, сѣдой, величаво-спокойный,
Великій въ смиреньи своемъ;
Хотя и въ одеждѣ простого монаха—
Всѣ чтили святителя въ немъ.
Филиппъ вспоминалъ то минувшее время,
Когда въ Соловецкой обители былъ
Игуменомъ онъ и Господнее стадо,
Какъ пастырь духовный, хранилъ...
И долго Филиппъ той обителью правилъ,
И святостью жизни своей
Давалъ онъ, достойный служителя Бога,
Примѣръ подражанія ей.
Народъ богомольный, подвижники вѣры,
Туда свое горе несли,
Стекались въ обитель, на островъ пустынный,
Со всей православной земли.
Печальныя вѣсти они приносили:
Въ Москвѣ, воспріявъ царскій санъ,
Что годъ, то свирѣпѣе все становился
Владыка Руси Іоаннъ.
Опричину страшную вдругъ учредилъ онъ
И, гнѣвомъ безмѣрнымъ объятъ,
Казнилъ онъ безъ счета бояръ сановитыхъ
И даже ихъ малыхъ ребятъ...
Святитель скорбѣлъ глубоко, неустанно
Онъ Господа слезно молилъ,
Чтобъ внялъ онъ мольбамъ неповинныхъ страдальцевъ
И сердце царя укротилъ.
И вспомнилъ Филиппъ, какъ однажды, въ обитель,
Монахи гонца привезли,
Съ письмомъ отъ Ивана, за царской печатью;
Въ немъ митрополитомъ Москвы
Его величалъ государь, извѣщая,
Что онъ возведенъ въ этотъ санъ
И избранъ духовнымъ главой православныхъ
Всей царской земли христіанъ.
Въ Москвѣ поселившись, владыка не думалъ
О томъ, чтобъ въ довольствѣ пожить,
Не могъ онъ отречься отъ лучшаго права—

Защитою слабымъ служить,
И долгомъ священнымъ считалъ предъ Иваномъ
Просить за опальныхъ людей,
За всѣхъ, кто былъ жертвою царскаго гнѣва,
Но не былъ ни воръ, ни злодѣй.
Иванъ не любилъ, чтобъ подвластные люди
Давали совѣты ему;
Съ тѣхъ поръ, какъ избавился онъ отъ Сильвестра,
Онъ воли не далъ никому.
— „Молчи“, говорилъ онъ, „молчи, не вступайся
Въ мою государеву власть,
Они заслужили коварной измѣной
И худшую даже напасть!“
Не разъ Грозный царь угрожалъ даже гнѣвомъ
Владыкѣ, но твердъ, какъ скала,
Филиппъ не страшился угрозы—и воля
Его непреклонна была.
И смѣло, и грозно каралъ онъ Ивана,
Твердилъ ему правду въ глаза,
И рѣчи владыки подъ сводами храма
Звучали, какъ Божья гроза.
Невольно внималъ имъ Иванъ и въ раздумьи
Изъ храма къ себѣ приходилъ,
И даже случалось, что цѣлыми днями
Смирененъ и кротокъ онъ былъ.
Такое вліянье пришлось не по нраву
Опричникамъ злымъ: вѣдь для нихъ
Насталъ бы конецъ всѣмъ кровавымъ забавамъ,
Когда бы Иванъ пріутихъ.
Устроили живо, доносчиковъ много
Явилось, къ тому же Иванъ
И самъ тяготился рѣчами Филиппа,
Хотя уважалъ его санъ.
Собралися судьи, служители Бога,
Но страхъ оковалъ имъ уста,
Должно быть они, преклоняясь предъ властью,
Забыли завѣты Христа.
И волѣ царя раболѣпно послушный,
Презрѣнья достойный соборъ
Изрекъ своему властелину Филиппу

Угодный царю приговоръ.
Во время обѣдни, во храмѣ Успенья,
Опричники съ шумомъ вошли,
Съ словами глумленья и съ смѣхомъ злораднымъ
Къ Филиппу они подошли,
Сорвали съ него облаченье, съ безчестьемъ
По цѣлой Москвѣ провели
И въ Отрочь обитель, въ опальную ссылку,
На дровняхъ его отвезли*).
Филиппъ не роталъ, со смиреньемъ монаха,
Какъ волю Господню, прiялъ,
Онъ гнѣвъ и опалу царя; не мѣняясь,
Онъ святостью жизни сiялъ,
И ту же молитву твердилъ неустанно:
„О Боже, стенаньямъ внемли,
„И сердце царево, дышащее злобой,
„Смягчи ты для блага земли“.

Борисъ Годуновъ и смутное время на Руси.

Народная пѣсня про Годунова.

Что не вихрь крутитъ по долинушкѣ,
Не сѣдой ковыль къ землѣ клонится—
То орелъ летитъ по поднебесью:
Зорко смотритъ онъ на Москву—рѣку,
На палатушки бѣлокаменны,
На сады ея, на зеленые,
На златой дворецъ стольна города.
Не люта змѣя воздывалася—
Воздывалася собака булатный ножъ;
Упалъ ни на воду, ни на землю,
Упалъ царевичу на бѣлу грудь,
Тому ли царевичу Димитрiю:
Убили же царевича Димитрiя,
Убили его въ Угличѣ,
На Угличѣ, на игрищѣ!

*) Отрочь—Успенскiй мужской 2-го кл. монастырь находится въ Твери и основанъ въ 1265 г. при вел. кн. Ярославѣ Ярославичѣ тверскомъ отрокомъ его, Григорiемъ. Здѣсь, по повелѣнiю Грознаго, Малюта Скуратовъ задушилъ подушками св. Филиппа.

Ужъ какъ въ томъ дворцѣ черной ноченькой
Коршунъ свилъ гнѣздо съ коршунятами,
Что и коршунъ тотъ Годуновъ Борисъ;
Убивши царевича, самъ на царство сѣлъ,
Царитъ же злодѣй ровно семь годовъ.
Что не вихрь крутитъ по долинушкѣ
Не сѣдой ковыль къ землѣ клонится
То идетъ ли грозный Божій гнѣвъ,
Грозный Божій гнѣвъ на святую Русь:
И погибъ коршунъ на гнѣздѣ своемъ,
Его пухъ прошелъ по поднебесью,
Проточилась кровь по Москвѣ—рѣкѣ.

Убіеніе царевича Димитрія.

Привелъ меня Богъ видѣть злое дѣло—
Кровавый грѣхъ. Тогда я въ дальній Угличъ
На нѣкое былъ посланъ послушанье.
Пришелъ я въ ночь. На утро, въ часъ обѣдни,
Вдругъ слышу звонъ: ударили въ набатъ...
Крикъ, шумъ!.. бѣгутъ на дворъ царицы. Я
Спѣшу туда-жъ, а тамъ уже весь городъ.
Гляжу—лежитъ зарѣзанный Царевичъ.
Царица—мать въ безпамятствѣ надъ нимъ,
Кормилица въ отчаяньи рыдаетъ,
А тутъ народъ, остервенясь, волочитъ
Безбожную предательницу мамку...
Вдругъ между нихъ свирѣпъ, отъ злости блѣденъ,
Является Іуда Битяговскій.
„Вотъ, вотъ злодѣй!“ раздался общій вопль;
И—въ мигъ его не стало. Тутъ народъ
Вслѣдъ бросился бѣжавшимъ тремъ убійцамъ;
Укрывшихся злодѣевъ захватили
И привели предъ теплый трупъ младенца,
И чудо! Вдругъ мертвецъ затрепеталъ.
„Покайтеся!“ народъ имъ возопилъ.
И въ ужасѣ, подъ топоромъ, злодѣи
Покаялись—и назвали Бориса!

Чудо отъ мощей Св. Димитрія.

(Разсказъ пастуха патріарху).

„Въ младыхъ лѣтахъ, сказалъ онъ (пастухъ), я ослѣпъ,
И съ той поры не зналъ ни дня, ни ночи
До старости: напрасно я лечился
И зеліемъ и тайнымъ нашептаньемъ;
Напрасно я ходилъ на поклоненье
Въ обители къ великимъ чудотворцамъ;
Напрасно я изъ кладезей святыхъ
Кропилъ водой цѣлебной темны очи—
Не посылалъ Господь мнѣ исцѣленья.
Вотъ, наконецъ, утратилъ я надежду,
И къ тьмѣ своей привыкъ, и даже сны
Мнѣ виданныхъ вещей ужъ не являли,
А снилися мнѣ только звуки. Разъ
Въ глубокомъ снѣ я слышу—дѣтскій голосъ
Мнѣ говоритъ: встань, дѣдушка, поди
Ты въ Угличъ—градъ, въ соборъ Преображенья;
Тамъ помолись ты надъ моей могилкой,
Богъ милостивъ—и я тебя прощу.
Но кто-же ты? спросилъ я дѣтскій голосъ.
— Царевичъ я, Димитрій. Царь Небесный
Пріялъ меня въ ликъ ангеловъ своихъ,
И я теперь великій чудотворецъ.
Иди, старикъ...—Проснулся я и думалъ:
Что-жъ? можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ Богъ
Мнѣ позднее даруетъ исцѣленье.
Пойду—и въ путь отправился далекій.
Вотъ Углича достигъ я, прихожу
Въ святой соборъ и слушаю обѣдню,
И, разгорясь душой усердной, плачу
Такъ сладостно, какъ будто слѣпота
Изъ глазъ моихъ слезами вытекала.
Когда народъ сталъ выходить, я внуку
Сказалъ: Иванъ, веди меня на гробъ
Царевича Димитрія. И мальчикъ
Повелъ меня—и только передъ гробомъ
Я тихую молитву сотворилъ,

Глаза мои прозрѣли: я увидѣлъ
И Божій свѣтъ, и внука, и могилку".

Иванъ Великій *).

Въ кругу очертясь заповѣдно—твердынномъ,
На холмѣ великомъ, на холмѣ святомъ,
Царей православныхъ жилищѣ старинномъ,
Онъ сталъ и вознесся къ эфиру челомъ;
Въ эпоху тревогъ и печали народной,
Въ дни голода выросъ... не даромъ онъ тощъ,
И вѣетъ съ чела его мглою холодной,
И въ немъ откликается воля и мощь.
Горитъ и красуется сторожъ могучій,
Сокровище взору, источникъ мечтамъ,
И волны молитвъ и громовыхъ созвучій
Отъ купола яркаго мчитъ къ небесамъ.
Онъ къ Богу взываетъ, какъ вѣры посредникъ,
И смотритъ на миръ съ рубежа облаковъ,
И, дней безграничныхъ державный наслѣдникъ,
Смѣется полету голодныхъ вѣковъ.

Прикрѣпленіе крестьянъ.

(1597 г.).

Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день!
Рус. пословица.

Было времечко, время давнее,
Время давнее, время славное;
На Руси жила воля-матушка:
Никого она не боялася,
И никто не смѣлъ обижать ее.
Какъ по селамъ, по богатымъ городамъ
Безъ боязни всѣ расхаживали,

---

*) Иванъ Великій—Кремлевская колокольня. По своей высотѣ она считается замѣчательнѣйшею колокольнею въ Россіи. Изъ надписи подъ главою колокольни видно, что она выстроена въ 1600 г. Б. Годуновымъ, въ то время, когда въ Москвѣ свирѣпствовалъ ужасный голодъ. Чтобы дать народу средства къ существованію, Б. Г. завелъ большія постройки въ Кремлѣ, въ числѣ которыхъ была и эта колокольня.

Передъ Юрьевымъ, передъ славнымъ вольнымъ
днемъ
Отъ лихихъ бояръ да перехаживали,
Выбирали кто-кого хотѣлъ
И служили, кому вздумалось.
Не понравилось и не нудятся.
Годъ промаются, годъ потрудятся,
А придетъ пора не останутся:
Волѣ матушкѣ всякъ поклонится
И пойдетъ туда, куда хочется;
Было времечко, время вольное,
Время вольное, переходное.
Но пришла на волюшку невзгодушка,
Юрьевъ день отъ воли бѣдной отняли
И дѣтей ея, людей свободныхъ,
Въ кабалу по смерть боярамъ отдали.

Душевное состоянiе Бориса Годунова въ концѣ его царствованiя.

(монологъ изъ драмы Пушкина „Б. Годуновъ").

Достигъ я высшей власти:
Шестой ужъ годъ я царствую спокойно;
Но счастья нѣтъ моей душѣ...
Напрасно мнѣ кудесники сулятъ
Дни долгiе, дни власти безмятежной:
Ни власть. ни жизнь меня не веселятъ;
Предчувствую небесный громъ и горе.
Мнѣ счастья нѣтъ. Я думалъ свой народъ
Въ довольствiи. во славѣ успокоить,
Щедротами любовь его снискать,
Но отложилъ пустое попеченье:
Живая власть для черни ненавистна.
Они любить умѣютъ только мертвыхъ!
Безумны мы, когда народный плескъ
Иль ярый вопль тревожитъ сердце наше.
Богъ насылалъ на землю нашу гладъ;
Народъ завылъ, въ мученьяхъ погибая, -
Я отворилъ имъ житницы; я злато

Разсыпалъ имъ, я имъ сыскалъ работы,—
Они-жъ меня, бѣснуясь, проклинали!
Пожарный огнь ихъ домы истребилъ,
Я выстроилъ имъ новыя жилища,—
Они-жъ меня пожаромъ упрекали!
Вотъ черни судъ: ищи-жъ ея любви!
Въ семьѣ моей я мнилъ найти отраду,
Я дочь мою мнилъ осчастливить бракомъ;
Какъ буря, смерть уноситъ жениха...
И тутъ молва лукаво нарекаетъ
Виновникомъ дочерняго вдовства
Меня, меня, несчастнаго отца!
Кто ни умретъ, я всѣхъ убійца тайный:
Я ускорилъ Ѳеодора кончину,
Я отравилъ свою сестру-царицу,
Монахиню смиренную... все я!
Ахъ, чувствую: ничто не можетъ насъ
Среди мірскихъ печалей успокоить,
Ничто, ничто... едина развѣ совѣсть...
Такъ, здравая, она восторжествуетъ
Надъ злобою, надъ темной клеветою.
Но если въ ней единое пятно,
Единое случайно завелося,
Тогда бѣда! Какъ язвой моровой
Душа сгоритъ, нальется сердце ядомъ,
Какъ молоткомъ, стучитъ въ ушахъ упрекомъ,
И все тошнитъ, и голова кружится,
И мальчики кровавые въ глазахъ...
И радъ бѣжать, да некуда... ужасно!
Да, жалокъ тотъ, въ комъ совѣсть не чиста!

Междуцарствіе и начало новой династіи.

(1610—1612).

И наша Русь осиротѣла;
Вездѣ измѣна гордо, смѣло
Позорный развѣвала стягъ;
Въ умахъ царилъ какой-то мракъ,
И гибла Русь; ея державу

Уже вручали Владиславу,
И ужъ готовилась Литва
Надъ нами взять свои права—
Сковать Россію въ узахъ плѣна...
Но вотъ пронесся надъ страною,—
Какъ будьто благовѣстъ святой,
Гласъ патріарха Гермогена,
И на священный этотъ гласъ
Вся наша Русь отозвалась...

Прокопій Петровичъ Ляпуновъ*).

(народная пѣсня).

Какъ было-то у насъ на святой Руси,
На святой Руси, въ каменной Москвѣ,
Было время военное, времячко мятежное,
Заполонила-то Москву погана Литва,
Погана Литва, погана Польска сторона.
Ужъ одинъ-то бояринъ, думный воеводушка,
Крѣпко вѣру защищалъ,
Крѣпко вѣру защищалъ, измѣнниковъ отгонялъ.
Ужъ какъ думный воевода былъ Прокофій Ляпуновъ.
Какъ Прокофіи-то Петровичъ разослалъ своихъ гонцовъ.
Какъ Прокофій Ляпуновъ роздалъ письма гонцамъ,
Роздалъ письма гонцамъ, и приказъ имъ приказалъ:
„Поѣзжайте вы, гонцы, на всѣ русскіе концы,
„На всѣ русскіе концы, во большіе города!
„Вы просите воеводъ итти съ войскомъ сюда,
„Свободить городъ Москву, защищать вѣру Христа“.
Какъ узналъ-то Жигимонтъ отъ своихъ измѣнниковъ бояръ,
Что разослалъ-то Ляпуновъ гонцовъ въ города,
Гонцовъ въ города просить воеводъ съ войскомъ сюда:
Разсердился, распалился нечестивый Жигимонтъ,
Распалившись велѣлъ воеводушку убить,
Того ли воеводушку Прокофія Ляпунова...

---

*) Польскій посолъ, желая погубить предводителя Ляпунова, написалъ отъ его имени грамоту, въ которой было сказано: „гдѣ поймаютъ казака, бить и топить“. Обманутые казаки убили Ляпунова.

И убили злые измѣнники воеводушку!..
Какъ и двинулись думны воеводы съ большихъ городовъ:
Всѣ большіе города—Казань, Нижній—
пришли съ войскомъ сюда;
Какъ и начали русаки погану Литву
колотить-рубить,—
Удушили все нечестивое племя, изъ Москвы повыгнали.

Смерть Патріарха Гермогена.

Обездолена крамолой,
Въ безднѣ смуты утопая,
Какъ корабль, гонимый бурей,
Погибаетъ Русь святая.

На Москвѣ панують ляхи,
И измѣной безпримѣрной
Нагло выбранъ ужъ на царство
Королевичъ иновѣрный;

И, засѣвъ въ Кремлѣ, поляки
И измѣнники—бояре
Шумно, весело гуляютъ,
Словно въ бѣшеномъ угарѣ.

Вдругъ нежданное извѣстье,
Все въ испугѣ, все въ смущеньи!
Нижній Новгородъ поднялся!..
Собралося ополченье...

Князь Пожарскій воеводой
Выбранъ цѣлою землею,
И съ могучей земской ратью
Скоро будетъ подъ Москвою!..

Истомленнаго страданьемъ,
Въ узахъ тягостнаго плѣна,
Непощадно мучатъ ляхи
Патріарха Гермогена.

Вымогая, чтобъ святитель,
Грознымъ пастырскимъ прещеньемъ,

На Москву низовой рати
Задержалъ бы наступленье.

Но безсильны надъ владыкой
Все, и лесть, и истязанье;
Шлетъ святитель вѣрной рати
Не запретное посланье,

А въ глазахъ враговъ смущенныхъ
Онъ ее благословляетъ,
И помочь ей благость Божью
Со слезами умоляетъ.

Изможденъ святитель пыткой,
Истощились старца силы,
И предъ нимъ ужъ ангелъ смерти.
Отворяетъ дверь могилы.

Но душа его святая,
На порогѣ самомъ рая,
Все болѣетъ и томится
О судьбѣ родного края.

И въ предсмертной агоніи,
Помертвѣлыми устами,
Все о немъ онъ молитъ Бога,
Молитъ жарко со слезами.

Вдругъ подвалъ сырой и смрадный,
Гдѣ въ оковахъ онъ томился,
Преисполнясь ѳиміамомъ,
Чуднымъ свѣтомъ озарился.

И предсталъ предъ страстотерпцемъ,
Убѣленный сѣдинами,
Въ черной инока одеждѣ,
Нѣкій старецъ, ветхій днями.

И прозрѣньемъ духа свыше,
Умирающій святитель
Угадалъ, кто сей, нежданный
Не отъ міра посѣтитель.

Былъ то Сергій преподобный,
Радонежскій чудотворецъ,
Вѣстникъ милости Господней,
Божьей правды ратоборецъ.

Неустанный, неумолчный,
Передъ благостью небесной,
За святую Русь предстатель
И молитвеникъ болѣзный,

Кто своимъ благословеньемъ,
Въ пору бѣдствія иного,
Укрѣпилъ на бой съ Мамаемъ
Князя Дмитрія Донского.

— „Миръ тебѣ, мой братъ о Богѣ!
Кротко молвилъ гость чудесный,--
Услыхалъ твою молитву
Серцевѣдецъ Царь Небесный.

На твое, за Русь родную,
Призирая сокрушенье,
Принести тебѣ Онъ, брате,
Мнѣ дозволилъ утѣшенье.

Шлетъ тебѣ Онъ благовѣстье:
Отжени тоску сомнѣнья;
Не погибнетъ Русь святая,
Близокъ часъ ея спасенья!

Не погибнетъ Русь святая,
Врагъ надъ ней не вознесется.
Сила земская возстала—
Братъ мой, вѣруй! Русь спасется!

Эта сила Русь во вѣки
Не продастъ и не обманетъ,
Эта сила скоро, скоро
Подъ Москвою грозно станетъ,

Грозно схватится съ врагами,
И пробьетъ къ Москвѣ дорогу,

И въ Кремлѣ завѣтномъ скоро
Грянетъ: „Слава въ вышнихъ Богу!“

Сокровенны для живущихъ
Тайны Божья провидѣнья,
Но тебѣ Господь, въ часъ смертный,
Посылаетъ откровенье.

Аки золото въ горнилѣ
Огнь палящій очищаетъ,—
Какъ булатъ на наковальнѣ
Подъ ударами крѣпчаетъ,

Какъ въ природѣ бури, грозы,
Сокрушая то, что жило,
Возбуждаютъ, укрѣпляютъ
Все, что здраво, въ чемъ есть сила;

Такъ, въ путяхъ Непостижимый,
Днями скорби и страданья,
Воспитуетъ Богъ народы.
На великое призванье.

Братъ мой, внемли! возвѣщаю
Волю Господа святую!
Ждетъ удѣлъ великій въ мірѣ
Нашу родину земную.

Будетъ время, средь народовъ
Русь высоко вознесется.
Но тяжелыми путями
Пробиваться ей прійдется.

И не разъ еще случится
Ей извѣдать горе злое,
Гнетъ неволи и безправья,
Горе смуты и крамолы,

Пришлыхъ хищниковъ обиды,
Скорби всяческой невзгоды;
Будутъ грозно подыматься
На нее войной народы.

Устроять ей будутъ ковы,

Зломъ иль завистью объяты,
И свои лихіе люди,
И чужіе супостаты.

И не разъ казаться будетъ,
Что, подъ гнетомъ бѣдъ и горя,
Краю нашему родному
Не отбиться въ этомъ спорѣ,

Не изжить ему бездолья
Выше силы, выше мѣры;
Возликуютъ супостаты,
Усомнятся маловѣры.

Но и въ черную годину,
Посреди борьбы неравной,
Не погибнетъ Русь святая
И народъ нашъ православный.

И съ враждою, и съ бѣдою
Онъ управиться сумѣетъ;
Все онъ, стойкій, переможетъ,
Все онъ, крѣпкій, одолѣетъ.

И дождется, и добьется
Онъ за всѣ свои невзгоды,
Царства свѣта, царства правды,
Царства мира и свободы!“

Смолкнулъ Божій благовѣстникъ,
Скрылось чудное видѣнье.
Старецъ взоръ возвелъ на небо
И воскликнулъ въ умиленьи:

— „Русь не сгибнетъ! Русь спасется!..
Боже благости великой!
Отпущаеши Ты съ миромъ
Нынѣ, Господи Владыко,

Своего раба; прими же
Ты его въ свою обитель!“
И почилъ съ послѣднимъ словомъ
Успокоенный святитель.

Освобожденіе Москвы.

(1612 годъ октябрь).

Въ какомъ ты блескѣ нынѣ зрима,
Княженій знаменитыхъ мать!
Москва, Россіи дочь любима!
Гдѣ равную тебѣ сыскать?
Вѣнецъ твой перлами украшенъ:
Алмазный скиптръ въ твоихъ рукахъ;
Верхи твоихъ огромныхъ башенъ
Сіяютъ въ златѣ, какъ въ лучахъ;
Отъ норда, юга и востока,
Отвсюду, съ быстротой потока,
Къ тебѣ сокровища текутъ.
Сыны твои, любимцы славы,
Красивы, храбры, величавы,
А дѣвы—розами цвѣтутъ!

Но нѣкогда и ты стенала
Подъ бременемъ различныхъ золъ;
Едва корону удержала
И свой клонившійся престолъ;
И ты съ лица земного круга
Едва не скрылась отъ очесъ!
Сарматъ простеръ къ тебѣ длань друга,
И остро копіе вознесъ!
Вознесъ—и храмы воспылали,
На дѣвахъ цѣпи зазвучали,
И кровь ихъ братьевъ потекла!
„Я гибну, гибну!“ ты рекла,
Вращая устрашенно око:
„Спасай меня, о Геній мой!—
Увы! молчанье вкругъ глубоко,
И мечъ, висящій надъ главой!
Гдѣ ты, славяновъ храбрыхъ сила?
Проснись, возстань, россійска мочь!
Москва въ плѣну, Москва уныла,
Какъ мрачная осення ночь.—
Возстала! все восколебалось,
И князь, и ратай, старъ и младъ,

Все въ крѣпку броню ополчалось!
Перуновъ возблисталъ булатъ!
Но кто изъ тысячъ видимъ мною,
Въ сѣдинахъ бодръ и сановитъ?
Онъ долженъ быть вождемъ, главою,—
Пожарскій-то, Россіи щитъ!

Уже гремятъ въ поляхъ кольчуги;
Далече пыль встаетъ столбомъ;
Идутъ Россіи вѣрны слуги;
Несетъ ихъ вождь, Пожарскій, громъ!
Отъ кликовъ рати воютъ рощи,
Дремавши въ мертвой тишинѣ;
Свѣтило дня и звѣзды нощи
Героя видятъ на конѣ;
Летитъ—и взоромъ лучъ отрады
Въ сердца унывшія ліетъ;
Летитъ, какъ вихрь, и движетъ грады
И веси за собою въ слѣдъ!
„Къ щитамъ, къ щитамъ зоветъ сармата!
Погибель намъ минуты трата!
Я видѣлъ войско супостатъ:
Какъ змій хребетъ свой изгибаетъ,
Главой уже коснулось вратъ,
Хвостомъ все поле покрываетъ“.—
Вдругъ стогны ратными сперлись—
Мятутся, строются, дѣлятся,
У вратъ, бойницъ, вкругъ стѣнъ толпятся;
Другіе вихремъ понеслись
Славянамъ и громамъ навстрѣчу.

И се зрю зарево кругомъ,
Въ дыму и въ пламѣ страшну сѣчу!
Со звономъ сшибся щитъ съ щитомъ —
И разомъ сильнаго не стало!
Ядро во мракѣ зажужжало,
И цѣлый рядъ безстрашныхъ палъ!
Здѣсь бурный конь съ копьемъ во чревѣ,
Вскочивши на дыбы, заржалъ,
И навзничь грянулся на землю,
Покрывши всадника собой;

Отвсюду трескъ и громы внемлю,
Глушали скрежетъ, стонъ и вой...
Трикраты день возсіявалъ,
Трикраты ночь его смѣняла,
Но бой еще не преставалъ
И смерть руки не утомляла;
Еще Пожарскій мещетъ громъ,
Вездѣ летаетъ онъ орломъ
Тамъ гонитъ, здѣсь разитъ, караетъ,
Ударъ ударомъ умножаетъ,
Колебля мощь литовскихъ силъ;
Сторукій исполинъ трясется—
Падетъ—издохъ! и вопль несется:
„Ура! Пожарскій побѣдилъ!“
И въ градѣ отдалось стократно:
„Ура! Москву Пожарскій спасъ!“

О, утро памятно, пріятно!
О, вѣчно-незабвенный часъ!
Кто дастъ мнѣ кисть животворящу,
Да радость напишу горящу
У всѣхъ на лицахъ и въ сердцахъ?
Да яркой изражу чертою
Народъ, воскресшій на стѣнахъ,
На кровахъ,—и съ высотъ къ герою
Вѣнки, летящи на главу,
Синклитъ, побѣдну пѣснь поющій,
Съ хоругви въ срѣтенье идущій,
И въ пальмахъ свѣтлую Москву?..

Мининъ и Пожарскій.

(Народная пѣсня).

Какъ въ старомъ-то было городѣ,
Во славномъ и богатомъ Нижніемъ,
Какъ ужъ жилъ тутъ поживалъ богатый мѣщанинъ,
Богатый мѣщанинъ, Кузьма Сухорукій сынъ.
Онъ собралъ-то себѣ войско изъ удалыхъ молодцовъ,
Изъ удалыхъ молодцовъ, нижегородскихъ купцовъ...

Собравши ихъ, онъ рѣчь имъ взговорилъ:
„Охъ вы, гой еси, товарищи, нижегородскіе купцы!
„Оставляйте вы свои домы,
„Покидайте вашихъ женъ, дѣтей,
„Вы продайте все ваше злато-серебро.
„Накупите себѣ вострыихъ копіевъ,
„Вострыхъ копіевъ, булатныхъ ножей,—
„Выбирайте себѣ изъ князей и бояръ удалова молодца,
„Удалова молодца, воеводушку...
„Пойдемъ-ка мы сражаться
„За матушку родну землю,
„За родну землю, за славный городъ Москву.
„Ужъ заполонили-то Москву проклятые народы – поляки злы!
„Разобьемъ ихъ, много перевѣшаемъ,
„Самого-то Жигмона короля ихъ въ полонъ возьмемъ;
„Освободимъ мы матушку Москву отъ нечестивыхъ жидовъ,
„Нечестивыхъ жидовъ –поляковъ злыхъ!“
Ужъ какъ выбрали себѣ молодые ратнички,
Молодые ратнички, нижегородскіе купцы,
Выбрали себѣ удалòва молодца,
Удалова молодца, воеводушку,
Изъ славнаго княжескаго роду—
Князя Дмитрія, по прозванію Пожарскаго:
Ужъ повелъ ихъ славный князь Пожарскій
За славный Москву-городъ сражатися,
Съ нечестивыми жидами-поляками войной бранитися.—
Ужъ привелъ-то славный князь Пожарскій своихъ храбрыхъ воиновъ,
Привелъ ко московскіимъ стѣнамъ;
Становилъ-то славный князь Пожарскій своихъ добрыхъ воиновъ
У московскіихъ у крѣпкихъ стѣнъ...
Выходилъ-то славный князь Пожарскій передъ войско свое,
Какъ ужъ возговорилъ онъ своимъ храбрымъ воинамъ:
„Охъ вы, гой еси, храбрые вы ратнички,
„Храбрые вы ратнички, нижегородскіе купцы!
„Помолимся мы на святыя на врата на Спасскія,

„На пречистый образъ Спасителя!"
Помолившись, дѣло начали:
Какъ разбили-проломили святыя врата,
Ужъ взошли-то храбрые ратнички въ бѣлокаменный
Кремль,
Какъ и начали-то ратнички поляковъ колоть-рубить,
Колоть-рубить, въ большія кучи валить...
Собрались всѣ князья, бояре московскіе,
Собралися думу думати...
Какъ и взговорютъ старшіе бояре, воеводы московскіе:
„Вы скажите, вы, бояре, кому царемъ у насъ быть?"
Какъ и взговорютъ бояре, воеводы московскіе:
„Ужъ мы выберемъ себѣ въ православные цари
„Изъ славнаго, изъ богатаго дома Романова —
„Михаила сына Ѳеодоровича".
И выбрали себѣ въ цари—Михаила сына Ѳеодоровича.

Избраніе Михаила Ѳеодоровича Романова.

(Народная пѣсня).

(21 февраля 1613 г.).

„Самъ Богъ предъизбралъ и помазалъ его (Михаила Ѳеодоровича) на царство въ чревѣ матери! Недаромъ ненавидѣлъ и гналъ родъ Романовыхъ Борисъ, по волхванію предузнавъ о будущей славѣ его и о томъ, что роду Романовыхъ предопредѣлено царствовать въ Россіи".

Слова современниковъ.

Что же вы, ребятушки, призадумалися,
Призадумалися, прикручинилися?
Или вы, ребятушки, каку слышали печаль?
Какъ и возговоритъ дѣтина добрый молодецъ:
„Иль не знаешь ты, дѣтина, горя нашего?
„Преставился во полуночи Василій царь,
„И не знаемъ теперь и не вѣдаемъ — кому царемъ у
насъ быть!"
Какъ возговоритъ дѣтина добрый молодецъ:
„Позабудьте, братцы, горе общее!..

„Не возвратить намъ царя бѣлаго,
„Не оплакать его душу добрую!
„Но скажу вамъ, братцы, вѣсточку новую:
„Уже бояре-воеводы намъ выбрали царя
„Изъ славнаго богатаго роду Романова—
„Михаила сына Ѳеодоровича“.

Мечъ Пожарскаго.

(Въ Московской Оружейной палатѣ).

Здѣсь много видимъ мы и рѣдкостей и славы,
Доспѣховъ и державъ, престоловъ и вѣнцовъ,
Здѣсь Русская земля скрижалью величавой
Почтила подвиги исчезнувшихъ вѣковъ,
И доблесть воиновъ, и мудрость государей,
И преданность гражданъ, и пастырей мольбу,
Здѣсь могутъ вопрошать преданья и судьбу
Историкъ мыслящій и страстный антикварій.
Владиміръ и Борисъ, татары и Мстиславъ,—
Всѣ слѣдъ оставили въ таинственной палатѣ.
Но больше всѣхъ вѣнцовъ, престоловъ золотыхъ,
Но больше всѣхъ кольчугъ, доспѣховъ позлащенныхъ,
И кубковъ дѣдовскихъ, и чарокъ вѣковыхъ,
И всѣхъ сокровищъ, тутъ вѣками взгроможденныхъ,
Мнѣ любъ здѣсь мечъ одинъ,—мечъ бѣдный и простой,
Безъ пышнаго герба, мечъ ратника стальной...
Но онъ одинъ рѣшилъ событья міровыя;
Но въ битву сотни онъ водилъ другихъ мечей,
Побѣдой искупилъ честь родины своей:
То мечъ Пожарскаго, спасителя Россіи!!!
Смотри же на него, боярей русскихъ сынъ,
Смотри, отечество! слуга и гражданинъ!
Благоговѣй предъ нимъ и помни: чистой славы
И доблести прямой свидѣтель величавый,
Сей мечъ намъ къ родинѣ велитъ питать любовь,
Служить и дѣломъ ей, и словомъ, и совѣтомъ!
Склони главу предъ нимъ,—и удались съ обѣтомъ
За Русь не пощадить ни жизнь свою, ни кровь!

Иванъ Сусанинъ *).

„Куда ты ведешь насъ?.. Не видно ни зги!“
Сусанину съ сердцемъ вскричали враги;
„Мы вязнемъ и тонемъ въ сугробинахъ снѣга;
Намъ, знать, не добраться съ тобой до ночлега.
Ты сбился, братъ, вѣрно, нарочно съ пути;
Но тѣмъ Михаила тебѣ не спасти;
„Пусть мы заблудились, пусть вьюга бушуетъ,
Но смерти отъ ляховъ вашъ царь не минуетъ...
Веди жъ насъ, такъ будетъ тебѣ за труды;
Иль бойся—не долго у насъ до бѣды!
Заставилъ всю ночь насъ пробиться съ мятелью...
Но что тамъ чернѣетъ въ долинѣ за елью?“
„Деревня! сарматамъ въ отвѣтъ мужичекъ:
„Вотъ гумна, заборы, а вотъ и мостокъ.
За мною! въ ворота: избушечка эта
Во всякое время для гостя нагрѣта.
Войдите—не бойтесь!“—„Ну то-то, москаль!..
Какая же, братцы, чертовская даль!
„Такой я проклятой не видывалъ ночи!
Слѣпились отъ снѣгу соколіи очи...
Жупанъ мой—хоть выжми, нѣтъ нитки сухой!“
Вошедъ, проворчалъ такъ сарматъ молодой.
„Вина намъ, хозяинъ, мы смокли, иззябли!
Скорѣй!.. не заставь насъ приняться за сабли!“

Вотъ скатерть простая на столъ послана́,
Поставлено пиво и кружка вина,
И русская каша и щи предъ гостями,
И хлѣбъ передъ каждымъ большими ломтями.
Въ оконницы вѣтеръ бушуя стучитъ:
Уныло и съ трескомъ лучина горитъ.

---

*) Крестьянинъ села Домнина, Иванъ Сусанинъ, жилъ въ выселкѣ Деревнищи. За славный подвигъ Сусанину воздвигнутъ въ Костромѣ, на площади, названной его именемъ, памятникъ, представляющій изъ себя гранитную колонну, на верху которой поставленъ бронзовый бюстъ Михаила Өеодоровича, у подножія же находится бронзовое изображеніе молящагося Сусанина. На пьедесталѣ надпись: „Ивану Сусанину, за царя, спасителя вѣры и царства, животъ положившему, благодарное потомство“.

Давно ужъ за-полночь... Сномъ крѣпкимъ объяты,
Лежатъ беззаботно по лавкамъ сарматы,
Всѣ въ дымной избушкѣ вкушаютъ покой;
Одинъ, насторожѣ, Сусанинъ сѣдой;
Въ полъ-голоса молитъ въ углу у иконы
Царю молодому святой обороны.

Вдругъ кто-то къ воротамъ подъѣхалъ верхомъ.
Сусанинъ поднялся и къ двери тайкомъ...
„Ты ль это, родимый?.. А я за тобою!
Куда ты уходишь ненастной порою?
За-полночь... а вѣтеръ еще не затихъ...
Наводишь тоску лишь на сердце родныхъ!“ —

„Приводитъ самъ Богъ тебя къ этому дому!
Мой сынъ, поспѣшай же къ царю молодому:
Скажи Михаилу, чтобъ скрылся скорѣй;
Что гордые ляхи по злобѣ своей
Его потаенно убить замышляютъ,
И новой бѣдою Москвѣ угрожаютъ!

„Скажи, что Сусанинъ спасаетъ царя,
Любовью къ отчизнѣ и вѣрѣ горя.
Скажи, что спасенье въ одномъ лишь побѣгѣ,
И что ужъ убійцы со мной на ночлегѣ“.—
„Но что ты затѣялъ? Подумай, родной!
Убьютъ тебя ляхи... Что будетъ со мной?

„И съ юной сестрою и съ матерью хилой?“ —
„Творецъ защититъ васъ святой своей силой.
Не дастъ Онъ погибнуть, родимые, вамъ:
Покровъ и помощникъ Онъ всѣмъ сиротамъ.
Прощай же, о сынъ мой, намъ дорого время
И помни: я гибну за русское племя!“ —

Рыдая, на лошадь Сусанинъ младой
Вскочилъ и помчался свистящей стрѣлой.
Луна между тѣмъ совершила полъ-круга!
Свистъ вѣтра умолкнулъ, утихнула вьюга;
На небѣ восточномъ зардѣлась заря:
Проснулись сарматы, злодѣи царя.

„Сусанинъ!“ вскричали: „что молишься Богу?
Теперь ужъ не время—пора намъ въ дорогу!“
Оставивъ деревню, шумящей толпой
Въ лѣсъ темный вступаютъ окольной тропой,
Сусанинъ ведетъ ихъ... Вотъ утро настало,
И солнце сквозь вѣтви въ лѣсу засіяло:

То скроется быстро, то ярко блеснетъ,
То тускло засвѣтитъ, то вновь пропадетъ...
Стоятъ не шелохнясь и дубъ и береза;
Лишь снѣгъ подъ ногами скрипитъ отъ мороза.
Лишь временно воронъ вспорхнувъ прошумитъ,
И дятелъ дуплистую иву долбитъ.

Другъ за другомъ идутъ въ молчаньи сарматы;
Все далѣ и далѣ сѣдой ихъ вожатый.
Ужъ солнце высоко сіяетъ съ небесъ;
Все глуше и диче становится лѣсъ,
И вдругъ пропадаетъ тропинка предъ ними.
И сосны, и ели, вѣтвями густыми
Склонившись угрюмо до самой земли,
Дебристую стѣну изъ сучьевъ сплели.
Вотще насторожѣ тревожное ухо:
Все въ томъ захолустьѣ и мертво и глухо...
„Куда ты завелъ насъ?“ ляхъ старый вскричалъ.
„Туда, куда нужно!“ Сусанинъ сказалъ.
„Убейте, замучьте!—моя здѣсь могила!
Но знайте и рвитесь,—я спасъ Михаила!
Предателя, мнили, во мнѣ вы нашли:
Ихъ нѣтъ и не будетъ на Русской земли!
Въ ней каждый отчизну съ младенчества любитъ
И душу измѣной свою не погубитъ“.—

„Злодѣй!“ закричали враги закипѣвъ:
„Умрешь подъ мечами!“—„Не страшенъ вашъ гнѣвъ!
Кто русскій по сердцу, тотъ бодро и смѣло,
И радостно гибнетъ за правое дѣло!
Ни казни, ни смерти и я не боюсь:
Не дрогнувъ умру за царя и за Русь!“—

„Умри-же!“ сарматы герою вскричали,—
И сабли надъ старцемъ свистя засверкали:

„Погибни, предатель! конецъ твой насталъ!
И твердый Сусанинъ весь въ язвахъ упалъ.
Снѣгъ чистый чистѣйшая кровь обагрила:
Она для Россіи спасла Михаила.

Жизнь за Царя.

...Идутъ, а снѣгъ имъ по колѣни,
И къ вечеру ужъ близокъ день.
Устали ляхи; слышны пени...
Не видно сёлъ, ни деревень.
Въ сердцахъ таится подозрѣнье,
Во взорахъ ихъ ожесточенье.
— „Куда ведешь ты насъ, сѣдой?
Гляди, весь лѣсъ сплелся стѣной!—
Нѣтъ ни тропинки, ни дороги,—
Въ какую глушь заведены!
Однѣ медвѣжьи тутъ берлоги
Чапыжникомъ завалены!“
— „Путь долог кажется, родные,
Тому, кто въ первый разъ идетъ;
Но волоса мои сѣдые
Вамъ знакъ, что я найду здѣсь слѣдъ“.
Повёлъ ихъ въ чащу, межъ елями...
Здѣсь хлещетъ лѣсъ въ глаза вѣтвями,
И слышенъ межъ нагихъ деревъ
Крикъ птицъ ночныхъ, звѣриный ревъ.
Мятель клубится въ ночи темной,
Холодный, зимній вѣтеръ вылъ;
Въ дубравѣ, снѣгомъ занесенной,
Волкъ за добычею слѣдилъ,
И совы зоркія летали.
Но вотъ со всѣхъ сторонъ оврагъ.
— „Куда?“ Сусанину вскричали:
„Куда ты насъ зав лъ, злой врагъ?..
Погибнешь ты!“—„Когда хотите,
Вотъ голова моя—рубите!
Ищите сами вы пути,
А до Царя вамъ не дойти!
Что стали? Говорю вамъ ясно,—

Далеко наше Солнце красно!
Мнѣ смерть близка, я знаю самъ,
За злато-жъ душу не отдамъ!
У русскихъ не найдешь измѣны".
И палъ Сусанинъ пораженный...
Онъ палъ за русскаго Царя!

Заключеніе.

Затихла буря; лихолѣтье
Прошло, не тронувши корней,
Благословивъ на многолѣтье
Родоначальника царей.
Клеветники моей отчизны,
Напрасно съ завистью глухой
Вы ей бросали укоризны,
Ища въ ней ропотъ и застой!
Не русскій духъ, а духъ чужой,
Пугаясь роста великана,
Дышалъ надъ смутами земли;
И изъ враждебнаго намъ стана,
Какъ злобный демонъ, издали
Руководилъ онъ навожденьемъ;
Но Русь справлялась съ привидѣньемъ;
Какъ мѣдный витязь на конѣ *),
Она съ своей гранитной глыбы
Даетъ могучіе отшибы
Безсильной бьющейся волнѣ.

Въѣздъ въ Москву патріарха Филарета.

(1619 г.).

Взрадовалося царство Московское
И вся земля Святорусская:
Умолилъ государь, православный царь,
Князь великій Михайло Ѳедоровичъ:
А что скажутъ, въѣзжалъ батюшка
Государь Филаретъ Никитичъ

---

*) Намекъ на Петра Великаго.

Изъ невѣрной земли, изъ Литовской,
Съ собой онъ вывезъ много князей, бояръ,
Еще онъ вывезъ государева боярина,
Князя Михайла Борисовича Шеина.
Съѣзжалися многіе князья, бояре и многія власти
Ко сильному царству Московскому:
Хотятъ встрѣчать Филарета Никитича.
Изъ славнаго града каменной Москвы
Не красное солнце катилося:
Пошелъ государь православный царь
Встрѣчати своего батюшку
Государя Филарета Никитича!
Съ государемъ пошелъ его дядюшка
Иванъ Никитичъ бояринъ.—
„Дай—люди, здоровъ былъ государь мой батюшко,
А батюшко государь Филаретъ Никитичъ“.
А какъ будутъ они въ каменной Москвѣ,
Не пошли они въ хоромы въ царскія,
А пошли они къ Пречистой Соборной *),
А пѣти честныхъ молебеновъ.
Благословлялъ своего чада милаго:
„И дай. Господи, здоровъ былъ православный царь,
Князь великій Михаилъ Ѳедоровичъ!
А ему сдержати царство Московское
И вся земля Святорусская“.

Императоръ Всероссійскій царь - работникъ Преобразователь Россіи,

Петръ I Алексѣевичъ Великій.

Самодержавною рукой
Онъ смѣло сѣялъ просвѣщенье,
Не презиралъ страны родной;
Онъ зналъ ея предназначенье.
То академикъ, то герой,
То мореплаватель, то плотникъ,

*) Т. е. въ Успенскій соборъ, въ Московскомъ Кремлѣ.

Онъ всеобъемлющей душой
На тронѣ вѣчный былъ работникъ.

Пушкинъ.

Оставя скипетръ, тронъ, чертогъ,
Былъ странникомъ въ пыли и потѣ,
Великій Петръ, какъ нѣкій Богъ,
Блисталъ велич ствомъ въ работѣ.

Державинъ.

Россія тьмой была покрыта много лѣтъ.
Богъ рекъ: „Да будетъ Петръ!“ и бысть
въ Россіи свѣтъ.

Рубанъ.

Рожденіе царевича Петра Алексѣевича.

(30 мая 1672 г.).

(Народная пѣсня).

Когда свѣтелъ, радошенъ во Москвѣ
Благовѣрный царь Алексѣй, царь Михайловичъ,
Народилъ Богъ ему царевича,
Петра Алексѣевича,
Перваго Императора по землѣ.

Всѣ-то русскіе какъ плотники-мастеры.
Во всю ноченьку не спали,—
Колыбель-люльку дѣлали
Они младому царевичу;
А и нянюшки-мамушки,
Сѣнныя красныя дѣвушки
Во всю ноченьку не спали,—
Шириночку вышивали
По бѣлому рытому бархату
Онѣ краснымъ золотомъ,

Тюрьмы съ покаянными,
Онѣ всѣ распущалися,
А и погребы царскіе—
Они всѣ растворялися.
У царя благовѣрнаго
Еще пиръ и столъ на радости,
А князи собиралися,
Бояре съѣзжалися
И дворяне сходилися;
А все народъ Божій на пиру
Пьютъ, ѣдятъ, прохлаждаются.

Во весельи, въ радости
Не видали, какъ дни прошли,
Для младого царевича,
Петра А ексѣевича,
Перваго Императора.

Петръ Великій.

Пою премудраго россійскаго героя,
Что грады новые, полки и флоты строя,
Отъ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ со злобой велъ войну,
Сквозь страхи проходя, вознесъ свою страну;
Смирилъ злодѣевъ внутрь и внѣ попралъ противныхъ.
Рукой и разумомъ свергъ дерзостныхъ и льстивыхъ;
Среди военныхъ бурь науки намъ открылъ,
И миръ дѣлами весь и зависть удалилъ.
Къ тебѣ я вопію, премудрость безконечна,
Пролей свой лучъ ко мнѣ, гдѣ искренность сердечна.
И полонъ ревности спѣшитъ въ восторгѣ духъ
Петра Великаго гласить вселенной вслухъ
И показать, какъ онъ превыше человѣка
Понесъ труды для насъ, неслышанны отъ вѣка,
Съ какимъ усердіемъ, отечество любя,
Ужаснымъ подвергалъ опасностямъ себя.
Да, на его примѣръ и на дѣла велики,
Смотря весь смертныхъ родъ, смотря земныхъ владыки,
Познаютъ, что монархъ и что отецъ прямой,
Строитель, плаватель, въ поляхъ, въ моряхъ герой.

Дабы россійскій родъ во вѣки помнилъ твердо
Коль, небо, ты ему явилось милосердно.
Ты мысль мнѣ просвѣти; дѣлами Петръ снабдитъ,
Велика дщерь его щедротой оживитъ *).

Правительница Софья.

Въ свѣтлицѣ царской, съ сводами лѣпными,
Возсѣдаетъ—въ креслѣ съ спинкой золоченой,
Въ ферязи парчевой, мѣхомъ опушенной,
Въ столбунцѣ жемчужномъ—Софья Алексѣвна
И давно ужъ думу думаетъ царевна...
Дышетъ вся фигура силою и страстью,
Волей непреклонной—жесткою и твердой,
Губы, раскрываясь, шепчутъ вызовъ гордый...
Какъ? Возможно ль это? Тамъ, въ Преображенскомъ,
Разсуждаютъ нынче о правленьи женскомъ,
Осуждая дерзко крымскіе походы,
Слабость, неумѣнье, трусость воеводы!
Говорятъ открыто, будто князь Василій, **)
Что, служа отчизнѣ, не щадилъ усилій
Ни въ совѣтѣ думномъ, ни на полѣ бранномъ,—
Отступилъ, постыдно отраженный ханомъ,
Отступилъ, не славой громкою покрытый,
А полками хана дикаго разбитый.—
Все идетъ оттуда! О, гнѣздо ехидны!
Ужъ давно ихъ козни злыя очевидны,
Не угомонилась старая царица:
Подстрекаетъ близкихъ гордая орлица,
Видно, еще мало пролилося крови...
(И у Софьи грозно сдвинулися брови).
Намекаютъ нынче, что царю, молъ, время
Воспріять со славой государства бремя,
Что землею править женщинѣ не гоже,
Что зазорно это... Попытайтесь, что-же?
Смѣхъ вѣдь! Послѣ многихъ козней безуспѣшныхъ,

---

*) т. е. Императрица Елизавета Петровна.

**) т. е. князь Василій Васильевичъ Голицынъ, предводитель войскъ въ Крымскомъ походѣ.

Ужъ не Петръ ли юный, во главѣ „потѣшныхъ“,
Бредившій доселѣ мудростью нѣмецкой,
Вздумаетъ бороться съ силою стрѣлецкой?
Ужъ не онъ ли сломитъ силу вѣковую,
Сокрушитъ на вѣки старину сѣдую?..
Усмѣхнулась тихо Софья Алексѣвна,
Просіяли очи, что глядѣли гнѣвно,
Какъ сіяетъ солнце изъ за тучъ порою.
Только-бъ „онъ“ вернулся!.. Завтра же съ зарею
Въ Троицкую Лавру ей собраться надо—
Отслужить молебенъ, не забыть и вклада
Щедраго въ обитель...
Только бы скорѣе
„Онъ“ домой вернулся!.. И тогда „злодѣи“
Не страшны царевнѣ, не страшны ихъ козни,
Не боится Софья ни боярской розни,
Ни орлицы старой, ни ея „орленка“,
Видя въ самодержцѣ будущемъ ребенка!

II.

Въ небѣ догорало полымя заката,
Со своею свитой, убранной богато,
Прибыла царевна въ ближнее селенье,
Гдѣ къ ея пріему шли приготовленья
Въ путевой палатѣ,—и пришла въ свѣтлицу.
Яркій свѣтъ лампады озарялъ божницу,
Надъ стариннымъ садомъ ужъ сгущались тѣни,
Изъ окна пахнуло запахомъ сирени.
И съ глубокимъ вздохомъ, полузаглушеннымъ,
Подошла царевна ко святымъ иконамъ,
Опустяся тихо предъ рѣзнымъ кіотомъ...
Вдругъ чело холоднымъ оросилось потомъ,
И въ очахъ царевны, широко раскрытыхъ,
На чертахъ, смертельной блѣдностью покрытыхъ
Отразился ужасъ непреодолимый...
Передъ ней въ кіотѣ, вмѣсто ею чтимой
Знаменья иконы, кѣмъ-то издалече
Присланной въ подарокъ,—голова Предтечи
На нее глядѣла неотступнымъ взоромъ,
Что дышалъ, казалось, скорбью и укоромъ!..

Чудится царевнѣ, будто капли крови
Изъ главы сочатся... будто сжались брови
Отъ невыносимо тяжкаго страданья...
И въ умѣ у Софьи вдругъ воспоминанье
Страшное проснулось! Въ этой же палатѣ,
Здѣсь ждала царевна вѣсти о захватѣ
На пути Хованскихъ; здѣсь же безъ боязни
Ожидала Софья ихъ ужасной казни...
Здѣсь, вокругъ поспѣшно возведенной плахи,
На дворѣ толпились стражники, монахи,
Волновалось глухо сборище народу
И гудѣло, словно море въ непогоду...
И среди жестокихъ совѣсти мученій
Развернулся длинный свитокъ прегрѣшеній
Предъ ея очами. Сквозь туманъ кровавый
Передъ ней вставали прежнія расправы,
Рядъ насилій страшныхъ, ею совершенныхъ,
Тѣни жертвъ, безвинно ею осужденныхъ—
Повѣсть роковая тайны и измѣны!
И казалось Софьѣ, будто эти стѣны,
Будто воздухъ самый, вѣтра дуновенье—
Все вокругъ немолчно вопіетъ о мщеньи,
Будто передъ нею выростаетъ мститель,
Будто ужъ раскрылась мрачная обитель,
И судьба сулитъ ей не вѣнца сіянье,
А глухую келью и года страданья.

Народныя пѣсни про взятіе Азова.

I.

Собирается православный царь подъ крѣпкій Азовъ
городъ,
Собираетъ онъ телѣжинекъ сорокъ тысячей,
Въ каждую телѣжку сажалъ по пяти молодчиковъ,
По шестому приставлялъ по извошшичку,
Укрывали сукнами багрецовыми,
Убивали гвоздочками полужоными.
Подъѣзжали къ Азовскимъ крѣпкимъ воротичкамъ.
Возговоритъ православный царь таково слово:

„Охъ, вы гой естя, Азовскіе караульшшички,
„Доложите во Азовѣ своимъ начальничкамъ:
„Пріѣхалъ къ вамъ бо атый гость Ѳедоръ Ивановичъ,
„Съ тѣми ли съ товарами со заморскими,
„Со куницами пріѣхалъ и съ соболицами".
Отворили ему Азовски крѣпки воротички:
Они ѣхали въ Азовъ-городъ трои суточки:
На четвертые суточки уставились.
Тутъ возговоритъ привославный царь таково слово:
„Охъ, вы гой естя извошшички, добрые молодцы!
„Отдирайте суконцы во единый махъ!"
Отдирали они суконцы, скоро-на-скоро,
Вылетали изъ кажней изъ телѣжки по пяти молодчиковъ,
Они сабли востры на-голо держутъ.
Испужалися Азовскіе начальники:
„Ужъ ты батюшка нашъ, православный царь,
„(Православный царь) Петръ Алексѣевичъ!
„Не мути ты нашъ Тихой Донъ:
„Мы станемъ тѣ служить вѣкъ вѣрой-правдою,
„Вѣрой-правдою и какъ тѣ надобно".

II.

Ахъ, бѣдныя головушки солдатскія,
Какъ ни днемъ, ни ночью вамъ покою нѣтъ!
Что со вечера солдатамъ приказъ отданъ былъ,
Со полуночи солдаты ружья чистили,
Ко бѣлу свѣту солдаты во строю стоятъ.
Что не золотая трубушка вострубила,
Не серебряна сиповочка возыграла,
Что возговорилъ нашъ батюшка православный царь:
„Ахъ, вы гой еси, всѣ князья и бо́яря!
„Вы придумайте мнѣ думушку, пригадайте:
„Еще какъ намъ Азовъ-городъ взяти?"
Еще князья и бо́яря промолчали:
Еще самъ нашъ батюшка прослезился.
„Ахъ, вы гой еси, солдаты и драгуны!
„Вы придумайте мнѣ думушку крѣпкую:
„Еще какъ-то намъ Азовъ-городъ взяти?"

Какъ не ярыя пчелушки зашумѣли,
Что возговорятъ солдаты и драгуны:
„Взять ли намъ, не взять-ли, бѣлой грудью!“

На восходѣ было краснова солнышка,
На закатѣ было свѣтлаго мѣсяца,
На зарѣ они на приступъ пошли,
Подъ тотъ ли подъ славный подъ Азовъ-городъ,
Что подъ тѣ ли стѣны бѣлокаменныя,
Ахъ подъ тѣ-ли подъ раскаты подъ высокіе.
Что не съ горъ-ли бѣлы камни покатилися:
Покатилися со стѣнъ непріятели;
Не бѣлы снѣги въ полѣ забѣлилися:
Забѣлилися бѣлы груди басурманскія;
Ахъ не съ дождичка ручьи разливалися,
Разливалася тутъ кровь нечестивая.

III.

Ахъ по морю, морю синему,
По синему морю по Верейскому,
Плыли-восплывали три военныхъ корабля.
Напередъ корабль бѣжитъ,—
Что соколъ летитъ:
Въ томъ въ корабликѣ
Императоръ—царь сидитъ;
Во другомъ корабликѣ
Все князья-бояре сидятъ;
Во третьемъ корабликѣ
Все солдатушки сидятъ,
Солдаты сидѣли Преображенскаго полку.
Охоту имѣли подъ Азовъ городокъ.

Подкопы копали все глубокіе,
Бочки закатали съ лютымъ зельемъ,
(Съ лютымъ зельемъ) съ чернымъ порохомъ,
Свѣчи прилѣпляли воску ярого:
Свѣчи догорали,—бочки разорвало,
Разметало башни все угольчатыя.

Стали поздравляти императора-царя,
„Здравствуй, государь-императоръ, съ Азовымъ городомъ!"—

Петръ Великій въ Острогожскѣ *).

Въ пышномъ гетманскомъ уборѣ
Кто сей мужъ, суровъ лицомъ,
Съ яркимъ пламенемъ во взорѣ,
Ницъ упалъ передъ Петромъ?
Съ бунчукомъ и съ булавою
Вкругъ монарха сердюки,
Судьи, сотники толпою
И толпами казаки.

„Виденъ Промысла святова
Надъ тобою дивный щитъ!"
Покровителю Азова
Старецъ бодрый говоритъ:
„Оглася побѣдой славной
Моря Чернаго брега,
Ты смирилъ, монархъ державный,
Непокорнаго врага.

„Страшный въ брани, мудрый въ мирѣ,
Превзошелъ ты всѣхъ владыкъ:
Ты не блещущей порфирой,
Ты душой своей великъ.
Что я славою и честью
Быть врагомъ твоимъ врагамъ,
И губительною местью
Пролетѣть по ихъ полкамъ

„Уснѣжился черный волосъ
И булатъ дрожитъ въ рукѣ,
Но зажжетъ еще мой голосъ
Пылъ отваги въ казакѣ.
Въ пылкомъ сердцѣ жажда славы

---

*) Село, нынѣ уѣздный городъ Воронежской губ.; куда отправился Пѳтръ I-й послѣ взятія Азова. Туда прибылъ Мазепа, въ то время охранявшій предѣлы Россіи отъ нападенія татаръ.

Не остыла въ зиму дней:
Празднество мнѣ—бой кровавый;
Мнѣ музыка—стукъ мечей!“

Кончилъ и къ стопамъ Петровымъ
Щитъ и саблю положилъ;
Но, казалось, вождь суровый
Что-то въ сердцѣ затаилъ...
Въ пышномъ гетманскомъ уборѣ,
Кто сей мужъ, суровъ лицомъ,
Съ яркимъ пламенемъ во взорѣ,
Ницъ упалъ передъ Петромъ?

Сей пришлецъ въ странѣ пустынной —
Былъ Мазепа, вождь сѣдой;
Можетъ быть, еще невинный,
Можетъ быть, еще герой.
Гдѣ жъ свиданія съ Мазепой
Дивный свѣту царь имѣлъ?
Гдѣ герою вождь свирѣпый
Клясться въ искренности смѣлъ?

Тамъ, гдѣ волны Острогощи
Въ Сосну тихую влились;
Гдѣ дубовъ сѣнистыхъ рощи
Надъ потокомъ разрослись;
Гдѣ съ отвагой молодецкой
Русскій крымцевъ поражалъ;
Гдѣ напрасно Брюховецкій
Добрыхъ гражданъ возмущалъ:

Гдѣ, плѣненный славы звукомъ,
Посѣдѣвшій въ битвѣ дѣдъ
Завѣщалъ кипящимъ внукамъ
Жажду воли и побѣдъ;
Тамъ, гдѣ съ щедростью обычной,
За ничтожный легкій трудъ,
Плодъ оратаю сторичный
Нивы тучныя даютъ;

Гдѣ въ лугахъ необозримыхъ
При журчаніи волны,

Кобылицъ неукротимыхъ
Гордо бродятъ табуны;
Гдѣ въ странѣ благословенной,
Потонулъ въ глуши садовъ
Городокъ уединенный
Острогожскихъ казаковъ.

Петръ Великій.

(Кто онъ).

На берегу Невы великой,
По тропиночкѣ лѣсной
Ѣхалъ всадникъ. Вкругъ все дико:
Ель, сосна да мохъ сѣдой.

Передъ нимъ рыбачья хата,
Подъ сосной, у синихъ волнъ,
Старый рыбарь бородатый
Колотилъ дырявый челнъ.

Всадникъ молвилъ: „Дѣдъ, здорово!
Богъ на помощь! Какъ живешь?
Много-ль ловишь ты и лова
Гдѣ добычу продаешь?“

Отвѣчалъ старикъ сердито:
„Рыбы мало ли въ рѣкѣ...
Только нѣтъ иного сбыта,
Какъ въ сосѣднемъ городкѣ.

Да теперь мнѣ что въ ловитвѣ?
Вишь, какая здѣсь возня!
Вы дрались, а бомбой въ битвѣ
Челнъ прошибло у меня“.

Всадникъ прочь съ коня; безмолвнс
Взялъ топоръ и млатъ съ пилой,
Мигомъ сбилъ борты у челна,
Руль привѣсилъ за кормой.

„Ну, старинушка, готово:
Смѣло въ воду челнъ содвинь
И на счастіе Петрово
Сѣти на море закинь!“

Онъ исчезъ. Старикъ строптивый
Думалъ молча: „Что за диво?
Съ виду смотритъ онъ царемъ,
А гораздъ такъ топоромъ“...

Основаніе Петербурга.

(3 мая 1703 г.).

На берегу пустынныхъ волнъ
Стоялъ онъ, думъ великихъ полнъ,
И въ даль глядѣлъ,—
И думалъ онъ:
„Отсель грозить мы будемъ Шведу;
Здѣсь будетъ городъ заложенъ,
На зло надменному сосѣду;
Природой здѣсь намъ суждено
Въ Европу прорубить окно,
Ногою твердой стать при морѣ;
Сюда по новымъ имъ волнамъ
Всѣ флаги въ гости будутъ къ намъ,
И запируемъ на просторѣ“.
Прошло сто лѣтъ—и новый градъ,
Полночныхъ странъ краса и диво,—
Изъ тьмы лѣсовъ, изъ топи блатъ,
Вознесся пышно, горделиво:
Гдѣ прежде финскій рыболовъ—
Печальный пасынокъ природы—
Одинъ у низкихъ береговъ
Бросалъ въ невѣдомыя воды
Свой ветхій неводъ,—нынѣ тамъ,
По оживленнымъ берегамъ,
Громады стройныя тѣснятся
Дворцовъ и башенъ; корабли
Толпой со всѣхъ сторонъ земли
Къ богатымъ пристанямъ стремятся.
Въ гранитъ одѣлася Нева;
Мосты повисли надъ водами;
Темнозелеными садами
Ея покрылись острова.
И передъ младшею столицей

Главой склонилася Москва,
Какъ передъ новою царицей
Порфироносная вдова...
Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгій, стройный видъ,
Невы державное теченье,
Береговой ея гранитъ;
Твоихъ оградъ узоръ чугунный.
Твоихъ задумчивыхъ ночей
Прозрачный сумракъ, блескъ безлунный,
Когда я въ комнатѣ своей
Пишу, читаю безъ лампады,
И ясны спящія громады
Пустынныхъ улицъ, и свѣтла
Адмиралтейская игла!
И, не пуская тьму ночную
На золотыя небеса,
Одна заря смѣнить другую
Спѣшитъ, давъ ночи полъ-часа.
Люблю зимы твоей жестокой
Недвижный воздухъ и морозъ,
Бѣгъ санокъ вдоль Невы широкой,
Дѣвичьи лица ярче розъ...
Люблю воинственную живость
Потѣшныхъ Марсовыхъ полей,
Пѣхотныхъ ратей и коней
Однообразную красивость;
Въ ихъ стройно зыблемомъ строю
Лоскутья сихъ знаменъ побѣдныхъ,
Сіянье шапокъ этихъ мѣдныхъ,
Насквозь прострѣленныхъ въ бою.
Люблю, военная столица,
Твоей твердыни дымъ и громъ,
Когда полнощная Царица
Даруетъ сына въ Царскій домъ,
Или побѣду надъ врагомъ
Россія снова торжествуетъ.
Или, взломавъ свой синій ледъ,
Нева къ морямъ его несетъ,
И, чуя вешни дни, ликуетъ.

Памятникъ Петру Великому въ Петербургѣ.

Люблю я памятникъ Великаго Петра,
Стоящій весело надъ царственной Невою.
Проста и не хитра гранитная гора,
Что, кажется, звенитъ подъ мощною пятою
Могучаго коня. Съ открытой головой,
Какой-то плащъ простой накинувъ на плеча,
Великій всадникъ вдаль съ приподнятой рукой
Глядитъ, открытый всѣмъ, безъ шпоръ и безъ меча
И всю его любовь къ Руси не просвѣщенной
Въ движеніи его душою умиленной
Я чувствую—и говорю безъ словъ:
Все пусто на землѣ, лишь велика любовь.

Полтавскій бой.

(27 іюня 1709 г.).

„Воины, вотъ пришелъ часъ, который рѣшитъ судьбу отечества. Итакъ не думайте, что вы готовитесь сражаться за Петра: вы идете сражаться за государство, Петру врученное, за родъ свой, за отечество, за православную нашу вѣру и Церковь“...

(изъ приказа Петра I).

Тогда-то, свыше вдохновенный
Раздался звучный гласъ Петра:
„За дѣло! съ Богомъ!“.. Изъ шатра,
Толпой любимцевъ окруженный,
Выходитъ Петръ. Его глаза
Сіяютъ. Ликъ его ужасенъ.
Движенья быстры. Онъ прекрасенъ,
Онъ весь, какъ Божія гроза.
Идетъ. Ему коня подводятъ.
Ретивъ и смиренъ вѣрный конь;
Почуя роковой огонь,
Дрожитъ, глазами косо водитъ
И мчится въ прахѣ боевомъ,
Гордясь могучимъ сѣдокомъ.
Ужъ близокъ полдень. Жаръ пылаетъ.

Какъ пахарь, битва отдыхаетъ.
Кой-гдѣ гарцуютъ казаки.
Равняясь, строятся полки.
Молчитъ музыка боевая.
На холмахъ пушки, присмирѣвъ,
Прервали свой голодный ревъ,
И се, равнину оглашая,
Далече грянуло: „ура!“
Полки увидѣли Петра.
И онъ промчался предъ полками,
Могучъ и радостенъ, какъ бой:
Онъ поле пожиралъ очами.
За нимъ во слѣдъ неслись толпой
Сіи птенцы гнѣзда Петрова—
Въ премѣнахъ жребія земнова,
Въ трудахъ державства и войны,—
Его товарищи-сыны:
И Шереметьевъ благородный,
И Брюсъ, и Боуръ, и Рѣпнинъ,
И—счастья баловень безродный—
Полудержавный властелинъ.
И передъ синими рядами
Своихъ воинственныхъ дружинъ,
Несомый вѣрными слугами
Въ качалкѣ, блѣденъ, недвижимъ,
Страдая раной, Карлъ явился.
Вожди героя шли за нимъ.
Онъ въ думу тихо погрузился,
Смущенный взоръ изобразилъ
Необычайное волненье.
Казалось, Карла приводилъ
Желанный бой въ недоумѣнье...
Вдругъ слабымъ маніемъ руки
На русскихъ двинулъ онъ полки.
И съ ними царскія дружины
Сошлись въ дыму, среди равнины,
И—грянулъ бой, Полтавскій бой!..
Въ огнѣ, подъ градомъ раскаленнымъ,
Стѣной живою отраженный,
Надъ павшимъ строемъ свѣжій строй

Штыки смыкаетъ. Тяжкой тучей
Отряды конницы летучей,
Браздами, саблями звуча,
Сшибаясь, рубятся съ плеча.
Бросая груду тѣлъ на груду,
Шары чугунные повсюду
Межъ ними прыгаютъ, разятъ;
Прахъ роютъ и въ крови шипятъ.
Шведъ, русскій—колетъ, рубитъ, рѣжетъ,
Бой барабанный, клики, скрежетъ,
Громъ пушекъ, топотъ, ржанье, стонъ,
И смерть, и адъ со всѣхъ сторонъ!
Но близокъ, близокъ мигъ побѣды...
Ура! мы ломимъ, гнутся шведы.
О, славный часъ! о, славный видъ!
Еще напоръ,—и врагъ бѣжитъ...
И слѣдомъ конница пустилась:
Убійствомъ тупятся мечи...

Пиръ Петра Великаго въ Петербургѣ.

Надъ Невою рѣзво вьются
Флаги пестрые судовъ;
Звучно съ лодокъ раздаются
Пѣсни дружныя гребцовъ:
Въ царскомъ домѣ пиръ веселый;
Рѣчь гостей хмельна, шумна;
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.
Что пируетъ царь великій
Въ Петербургѣ-городкѣ?
Отчего пальба и клики,
И эскадра на рѣкѣ?
Озаренъ ли честью новой
Русскій штыкъ иль русскій флагъ?
Побѣжденъ ли шведъ суровый?
Мира-ль проситъ грозный врагъ?
Иль въ отъятый край у шведа
Прибылъ Брантовъ утлый ботъ,
И пошелъ на встрѣчу дѣда

Всей семьей нашъ юный флотъ,
И воинственные внуки
Стали въ строй предъ старикомъ,
И раздался въ честь науки
Пѣсенъ хоръ и пушекъ громъ?
Годовщину ли Полтавы
Торжествуетъ государь—
День, какъ жизнь своей державы
Спасъ отъ Карла Русскій царь?
Родила-ль Екатерина?
Именинница-ль она,
Чудотворца—исполина
Чернобровая жена?
Нѣтъ: онъ съ подданнымъ мирится;
Виноватому вину
Отпуская, веселится;
Кружку пѣнитъ съ нимъ одну.
И въ чело его цѣлуетъ,
Свѣтелъ сердцемъ и лицомъ,
И прощенье торжествуетъ,
Какъ побѣду надъ врагомъ.
Оттого-то шумъ и клики
Въ Петербургѣ-городкѣ,
И пальба, и громъ музыки,
И эскадра на рѣкѣ;
Оттого-то въ часъ веселый
Чаша царская полна,
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена

Малое слово о Великомъ.

— Какъ бы въ мудрость иноземцевъ
Намъ проникнуть?—Думалъ онъ.
— Дай поучимся у нѣмцевъ!
Только первый шагъ мудренъ.

Сердце бойко застучало:
Всталъ онъ, время не губя:
„На Руси всему начало—
„Царь: начну же я съ себя“.

И съ ремесленной науки
Началъ онъ и, въ дѣлѣ скоръ,
Крѣпко въ царственныя руки
Взялъ онъ плотничій топоръ.

Съ добрымъ духомъ въ добромъ тѣлѣ,
Славно плотничаетъ царь;
Тамъ успѣлъ въ столярномъ дѣлѣ;
Тамъ, глядишь, ужъ и токарь.

Къ мужику придетъ: „Богъ помочь!“
Тотъ трудится, лобъ въ поту.
„Что ты дѣлаешь, Пахомычъ?“
— Лапти, батюшка, плету;

Только дѣло плоховато:
Ковыряю, какъ могу,
Черезъ пятое въ десято.—
„Дай-ка, я тѣ помогу!“

Сѣлъ. Продернетъ, стянетъ дырку;
Знаетъ, гдѣ и какъ продѣть,
И плететъ въ частоковырку,
Такъ что любо поглядѣть.

Въ поле къ праздному владѣльцу
Выйдетъ онъ, найдетъ досугъ,
И исправитъ земледѣльцу
Борону его и плугъ.

А на трудъ свой съ недовѣрьемъ
Самъ все смотритъ.—Нѣтъ, пора
Перестать быть подмастерьемъ,—
Время выйти въ мастера.—

И покинувъ царедворскій
Штатъ и чинъ, и скипетръ свой,
Онъ поѣхалъ въ край заморскій:
„Человѣкъ-де я простой,

Петръ Михайловъ, плотникъ, слесарь,
Подмастерье, говоритъ:

А на царствѣ тамъ князь-кесарь
Ромодановскій сидитъ,

Ѳедоръ Юрьичъ. Онъ вѣдь спроситъ
Отъ Петра и то и се".
И рапортомъ онъ доноситъ
Крязю-кесарю про все.

„Вотъ, онъ пишетъ, дѣло наше
Подвигается; тружусь
И о здравьи вашемъ ваше
Я величество молюсь".

И припишетъ вдругъ: „Однако
Все я знаю: не дури!
Не грызи людей, собака!
Худо будетъ, князь,—смотри!"

Навострившись у голландцевъ,
Заглянувъ и въ Альбіонъ,
У цесарцевъ, итальянцевъ,
Поучился также онъ.

Сталъ онъ мастеръ корабельный,
И на все гораздъ притомъ:
Онъ и врачъ довольно дѣльный,
И хирургъ, и анатомъ,

Физикъ, химикъ понемногу,
И механикъ неплохой.
И въ обратную дорогу
Снарядился онъ домой.

Для уроковъ же изустныхъ,
Что онъ Руси дать желалъ,
Онъ учителей искусныхъ
Ей изъ-за моря прислалъ.

— Полно втунѣ волочиться,
Дворянинъ! сади сынка
Буквѣ, цыфири учиться,
Землемѣрію слегка.—

Только все успѣхи плохи,
И ученье ни къ чему.
Русскій смотритъ: скоморохи
Въ нѣмцахъ видятся ему,

И учителямъ не хочетъ
Вѣрить, что ни говори:
Нѣмецъ, думаетъ, морочитъ;
Все фигляры, штукари.

Все въ нихъ странно, не по-русски;
Некрещеный все народъ;
Носъ табачный, платья узки,
Да и ходятъ безъ бородъ.

Какъ имъ вѣрить? Кто порука?
И, не къ ночи говоря,
Козни бѣса—ихъ наука;
Изурочили царя.

И державный нашъ работникъ
Посмотрѣлъ, похмурилъ взоръ,
Снова вспомнилъ, что онъ плотникъ,
Да и взялся за топоръ.

И давай рубить онъ съ корня:
Роскошь прочь! Кафтанъ съ плеча!
Прочь хоромы, пышность, дворня!
Прочь и бархатъ, и парча!

Раззолоченныя тряпки,
Блестки прочь! Все въ печь вались!
Скидывай собольи шапки!
Просто—нѣмцемъ нарядись!

Царь велѣлъ, слова коротки:
Простоты-жъ примѣръ въ глазахъ;
Самъ, подкинувъ онъ подметки,
Ходитъ въ старыхъ сапогахъ.

Изъ завѣтныхъ, тайныхъ горницъ,
Изъ невѣдомыхъ свѣтлицъ,

Вывесть велѣно затворницъ:
И дѣвицъ, и молодицъ.

Въ ассамблею! Душегрѣйки
Съ плечъ долой! Таковъ приказъ.
Страхъ подумать: бѣлы шейки,
Бѣлы плечи на показъ!

Для чего?—Полъ-груди видно:
Такъ и въ танецъ выходи!
Идутъ, жмурятся... такъ стыдно!
Ручки къ глазкамъ—не гляди!

А приказу все послушно.
Женки слезы трутъ платкомъ,
Царь же потчуетъ радушно
Муженьковъ ихъ табакомъ.

Табакерки! Трубки! Въ глотку
Хоть не лѣзетъ, а тяни!
Порошку возьми щепотку,
Въ носъ пихни, нюхни, чихни!

Тянутъ, нюхаютъ. Ну, зѣлье!
Просто одурь отъ него.
Эко знатное веселье
А привыкнешь—ничего,

Самъ попросишь.—Въ плясъ голландскій,
Хоть не хочется, иди:
— Эй ты тамъ, сынокъ дворянскій,
Выходи-ка, выходи!

„Либеръ Августинъ“ по звуку
На нѣмецкій ладъ кружи;
Откружилъ—ступай въ науку,
А научишься—служи.

Мало дома школьныхъ храминъ—
За-границу поѣзжай;
А воротишься—экзаменъ
Царь задастъ: не оплошай!

Самъ допроситъ: выложь знанья:
Цыфирь, линіи, круги;
А не сдержишь испытанья —
И жениться не моги:

Не позволитъ. Оглянулся—
Онъ ужъ тамъ, и снова весь —
Мысль и дѣло, покачнулся,
Задремалъ ты—онъ ужъ здѣсь.

Тамъ нашелъ онъ ключъ цѣлебный,
Тамъ—серебряный рудникъ,
Тамъ устроилъ домъ учебный,
Тамъ богатствъ открылъ родникъ,

Тамъ взрываетъ камней груду,
Тамъ дворянъ зоветъ на смотръ;
А межъ тѣмъ наука всюду,
И въ наукѣ всюду Петръ.

Рыщетъ взглядомъ, сводитъ брови...
Тамъ подъ Нарвой храбрый шведъ
Учитъ насъ цѣною крови
Трудной алгебрѣ побѣдъ.

Научились. Подъ Полтавой
Вотъ онъ грозенъ и могучъ,
Голосъ—громъ, глаза кровавый
Выблескъ молніи изъ тучъ.

Врагъ разбитъ. Побѣда наша!
И сподвижникъ близъ него,
Князь Данилычъ Алексаша,
Славный Меншиковъ его.

Отъ добра пришлось и къ худу:
Смѣлый царь вступилъ на Прутъ,
И бѣда случись: отвсюду
Злые турки такъ и прутъ.

Окружили. Дѣло круто.
Торжествуетъ супостатъ;

И Великій пишетъ съ Прута
Въ свой встревоженный Сенатъ:

„Не робѣть! Дѣла плохія.
Жизнь Петру не дорога.
Что тутъ Петръ? Важна Россія,
Петръ ей такъ, какъ вы, слуга,

Только-бъ чести не нарушить;
Противъ чести что коль самъ
Скажетъ Петръ—Петра не слушать!
То не царь ужъ скажетъ вамъ.

Плѣнъ грозитъ. За выкупъ много
Коль потребуютъ враги—
Не давать! Держаться строго!
Деньгу крѣпко береги!“

Но спасаетъ властелина
И супруга своего
Черна бровь—Екатерина,
Катя чудная его;

Хитрый путь она находитъ,
Клонитъ къ миру визиря
И изъ злой бѣды выводитъ
Изумленнаго царя.

Разъ, замѣтивъ захолустье,
Лѣсъ, болотный уголокъ,
Глушь кругомъ, при Невскомъ устьѣ
Заложилъ онъ городокъ.

Шатокъ грунтъ, да сбоку море:
Расхлеснемъ къ Европѣ путь!
Эта дверь не на затворѣ;
Дѣло сладимъ какъ нибудь.

Нынче сказана граница,
Завтра срублены лѣса,
Чрезъ десятокъ лѣтъ—столица
Черезъ сотню—чудеса

Смерть смежила царски очи;
Но безсмертныя дѣла,
Но слѣды гигантской мочи
Русь въ наслѣдье приняла.

И въ тотъ вѣкъ лишь взоръ попятишь,
Все оттоль глядитъ добромъ,
И доселѣ, что ни схватишь,
Откликается Петромъ.

И Петровскую стихію
Носимъ въ русской мы крови,
Такъ что матушку Россію
Хоть „Петровіей“ зови;

А по имени любовно,
Да по батюшкѣ назвать,
Такъ и выйдетъ: „Русь Петровна“.
Такъ извольте величать!

Петръ Алексѣевичъ.

Когда, какъ будто вихрь попутный,
Приспособляя крылья намъ,
Уноситъ насъ вагонъ уютный
По русскимъ дебрямъ и степямъ,—

Благословляю я чугунку!
И вдругъ мнѣ что-то говоритъ:
На насъ, весь вытянувшись въ струнку,
Петръ Алексѣевичъ глядитъ.

Почуя гулъ необычайный,
Царь всталъ тревожно изъ земли
И съ любопытствомъ, думой тайной,
Вперилъ на насъ глаза свои.

Въ умѣ недолго онъ пошарилъ,
Всю важность дѣла онъ смекнулъ,
И по лбу вдругъ себя ударилъ,
И тяжко нашъ родной вздохнулъ.

Чудовищемъ любуясь жадно,
Ему отвѣсилъ онъ поклонъ;
Но все-жъ голубчику досадно,
Что звѣрь сей не при немъ рожденъ!

Паръ, эту пятую стихію,
Еще не выдумалъ народъ;
А царь нашъ матушку Россію
На всѣхъ парахъ ужъ гналъ впередъ.

Вставъ спозаранку, чарку хватитъ,
Подастъ къ походу зычный свистъ,
И сплошь свою громаду катитъ
Нашъ вѣнценосный машинистъ.

Такъ твердо тендеръ свой державный
Онъ въ руки мощныя забралъ,
Что съ рельсовъ ковки стародавней
По новымъ круто насъ помчалъ.

Россію онъ вогналъ въ Европу,
Европу къ намъ онъ подкатилъ,
И, пристрастившись къ телескопу,
Окно онъ въ море прорубилъ.

Морская зыбь—его веселье!
И самъ катается по ней,
И погостить на новоселье
Скликаетъ стаи кораблей.

Быть можетъ, скажутъ: „засидѣлись
Мы слишкомъ долго у окна
И на чужое заглядѣлись!“
Но полно, тутъ его-ль вина?

Онъ окончательнаго слова
Сказать, какъ зодчій, не успѣлъ,
Имъ не достроена основа
Великихъ помысловъ и дѣлъ!

Какъ бы то ни было, на славу
Изъ ботика развелъ онъ флотъ,

По-русски отстоялъ Полтаву
И Питеръ вызвалъ изъ болотъ.

Намъ скажутъ: „Русь онъ онѣмечилъ!“
Нѣтъ, извините, господа!
Россію онъ очеловѣчилъ
Во имя мысли и труда.

Петръ былъ не узкій подражатель
Однихъ обычаевъ и модъ,
Нѣтъ, съ бою взялъ завоеватель
То, въ чемъ нуждался нашъ народъ.

Хоть самъ былъ среднимъ грамотеемъ,
Науку велъ къ намъ напроломъ,
Всему, что знаемъ, что имѣемъ,
Всему онъ крестнымъ былъ отцомъ.

Въ его училищѣ и нынѣ
Урокъ для всякаго добра;
Да и Второй Екатеринѣ
Не быть безъ Перваго Петра!

Онъ, въ царство тьмы, во время оно,
Одинъ въ грядущее проникъ,
Одинъ былъ собственной персоной
Свой телеграфъ и паровикъ.

Но мысль его, прижавши крылья,
На долгихъ совершала путь.
И не могли бойцы усилья
И даль и время въ комъ сомкнуть.

Что врядъ приснится ли любому,
Онъ на яву свершилъ одинъ:
Но все-жъ твердилъ онъ полюдскому,
Хоть и шагалъ, какъ исполинъ.

Въ свой краткій вѣкъ онъ жилъ сторично,
Безсмертья заживо достигъ;
Онъ трудъ вѣковъ обдѣлалъ лично
И своеручный міръ воздвигъ.

У еныхъ не прося совѣта,
Онъ зналъ не хуже англичанъ,
Что время тоже есть монета,
И онъ пускалъ ее въ чеканъ.

Вездѣ пройдетъ, гдѣ есть лазейка,
Гдѣ нѣтъ—пробьетъ и пуститъ трудъ;
Часъ каждый, каждая копейка
На пользу и въ процентъ идутъ.

Хоть самъ онъ былъ державнымъ зодчимъ,
Учиться побѣжалъ въ Сардамъ,
И тамъ, трудясь чернорабочимъ,
Блескъ придалъ царственнымъ рукамъ.

Онъ крутъ былъ малую толику,
Но бодры въ немъ и духъ и плоть,
И мощью на добро владыку
Самъ щедро надѣлилъ Господь.

Пусть онъ подписывался Piter,
Но предъ отечествомъ на смотръ
Все-жъ выйдетъ изъ-за морскихъ литеръ
На русскій ладъ: Великій Петръ.

Ужъ то-то задалъ бы онъ тряску,
Когда-бъ про коврикъ-самолетъ
Онъ могъ бы въ быль упрочить сказку,
Безъ лишнихъ справокъ и хлопотъ;

Когда-бъ онъ, силъ своихъ въ избыткѣ,
Всю Русь могъ обручемъ спаять,
Ее-жъ по проволочной ниткѣ
Заставить прыгать и плясать.

Раздолье-бъ было мощной волѣ!
Паръ—электричеству сродни,
И въ русскомъ скороспѣломъ полѣ
Сегодня сѣй, а завтра жни.

Вотъ отчего, когда стрѣлою
Нашъ поѣздъ огненный летитъ,

На насъ съ завистливой тоскою
Петръ Алексѣевичъ глядитъ.

Утѣшься, соколъ нашъ родимый!
Не ты-ль насъ закалилъ въ борьбѣ?
Нѣтъ, не пройдетъ надъ Русью мимо
Святая память о тебѣ.

Что ты задумалъ, что съ любовью
Посѣялъ щедрою рукой,
Когда работалъ ты надъ новью
Земли, распаханной тобой,

Все дало плодъ, даетъ задатокъ,
Твой мудрый свѣточъ не погасъ!
И нашъ Петровскій отпечатокъ,
Вѣками не сотрется съ насъ!..

Надписи къ бюсту Петра.

I.

Се образъ изваянъ премудраго героя,
Что ради подданныхъ лишивъ себя покоя,
Послѣдній принялъ чинъ и царствуя служилъ,
Свои законы самъ примѣромъ утвердилъ,
Рожденны къ скипетру, простеръ въ работу руки,
Монаршу власть скрывалъ, чтобъ намъ открыть науки.
Когда онъ строилъ градъ, сносилъ труды въ войнахъ,
Въ земляхъ далекихъ былъ и странствовалъ въ моряхъ,
Художниковъ сбиралъ и обучалъ солдатовъ,
Домашнихъ побѣждалъ и внѣшнихъ супостатовъ;
И словомъ, се есть Петръ, отечества отецъ.
Земное божество Россія почитаетъ.
И столько алтарей предъ зракомъ симъ пылаетъ,
Сколь много есть ему обязанныхъ сердецъ.

II.

Зваяннымъ образомъ, что въ древни времена
Героямъ ставили за славные походы,

Невѣжествомъ вѣковъ честь божеска дана,
И чтили жертвой ихъ послѣдовавши роды,
Что вѣра правая творить всегда претитъ.
Но вамъ простительно, о праздные потомки,
Когда, услышавъ вы дѣла Петровы громки,
Поставите алтарь предъ сей геройскій видъ:
Мы васъ давно своимъ примѣромъ оправдали:
Чудясь дѣламъ его, превысшимъ смертныхъ силъ,
Не вѣрили, что онъ единъ отъ смертныхъ былъ,
Но въ жизнь его уже за бога почитали.

III.

Металлъ, что пламенемъ на брани устрашаетъ,
Въ Петровомъ градѣ се россіянъ утѣшаетъ,
Изобразивъ въ себѣ лица его черты!
Но если бы его душевны красоты
Изобразить могло притомъ раченье наше,
То былъ бы образъ сей всего на свѣтѣ краше.

Плачъ государыни.

Какъ ударили въ большой колоколъ
Въ соборѣ да Петропавловскомъ.
Что за правымъ-то за крылосомъ
У гробницы государевой,
Государя Петра Перваго,
Тутъ стояла честная вдова,
Честная вдова, государыня
Катерина Алексѣевна;
Со слезами Богу молилась:
„Ужъ ты встань, встань, благовѣрный царь,
„Благовѣрный царь Петръ Алексѣевичъ!
„Посмотри ты на свою армію
„И на конную на всю гвардію;
„Всѣ солдатушки въ походъ идутъ,
„Барабанщики въ барабаны бьютъ“.

М. В. Ломоносовъ.

(р. 1712 г.—† 1765 г.).

Неводъ рыбакъ разстилалъ по берегу студенаго моря.
Мальчикъ отцу помогалъ. Отрокъ, оставь рыбака!
Мрежи иныя тебя ожидаютъ, иныя заботы.
Будешь умы уловлять, будешь помощникъ царямъ.

(А. Пушкинъ).

Мальчикъ въ лаптяхъ и въ нагольномъ тулупѣ.

Дружно артель рыбаковъ боролася съ Сѣвернымъ моремъ—
Съ моремъ, гдѣ зимняго льда неслись еще горы.—Весна
Щурясь глядѣла чуть-чуть сквозь тальникъ и ельникъ.
Кое-гдѣ мурава прошибалась на тундрахъ.—Олени
Лѣсомъ бѣгучимъ, рогастымъ, носились тундрамъ...
Ловитъ артель рыбаковъ и моржей, и тюленей, дивуясь,
Какъ изъ ноздрей своихъ китъ мечетъ высоко на воздухъ,
Башнями, влагу.—Ночь—звѣзды, горящія жаромъ,
Въ морѣ холодномъ купаетъ.—При этомъ, на мшистомъ прилавкѣ,
Мальчикъ въ лаптяхъ и въ нагольномъ тулупѣ думаетъ думу:
„Какъ это, Господи Боже! откуда взялося все это?
„Солнце идетъ и заходитъ! -Зори въ свой часъ зажигаютъ
„Алыя свѣчи свои! -Въ морѣ лавины трещатъ
„И громадами къ берегу бьются. Кто это все такъ устроилъ?—
„Какъ бы хотѣлъ я узнать о порядкахъ земныхъ и небесныхъ!
„Господи Боже! Недаромъ положилъ ты мнѣ въ дѣтское сердце
„Жажду вѣдать и знать, и слѣдить, изучать и разумно,

„Опытнымъ глазомъ, глядѣть на людей и на чудный
Твой міръ поднебесный!“
Мальчикъ въ лаптяхъ и въ нагольномъ тулупѣ такъ у
моря думалъ
И про себя говорилъ: „на Москвѣ есть колодезь, ска-
зали,
„Чудной какой-то воды... выпьешь и вдругъ предъ тобою
„Вскроется все!—Небеса тайны повѣдаютъ, книги
„Прошлыхъ вѣковъ разогнутся;—а вѣдь все отъ воды
той предивной.
„Воду же дѣвушка ту называла наукой.
„Что-жъ?—Была не была!—побѣгу я туда за обозомъ!“...
Былъ докладъ, на Москвѣ, отцу ректору въ академіи:
„Мальчикъ въ лаптяхъ и въ нагольномъ тулупѣ явился
и проситъ,
„Проситъ и молится слезно принять его въ классы уча-
щихся.
„Нищій не проситъ такъ хлѣба, какъ онъ проситъ
науки и знанья“.
Принятъ!—Вошелъ онъ туда—мальчикъ въ лаптяхъ и
въ тулупѣ.
Вышелъ оттуда ужъ мужъ и въ почетномъ кафтанѣ!—

Гдѣ-то въ Прусской землѣ рядовые сидѣли и пили;
Говоръ былъ о войнѣ съ турками русскихъ при Аннѣ.
Вдругъ одинъ, между нихъ, выглянулъ истымъ проро-
комъ:
Шапка слетѣла съ чела—и чело высоко поднялося,
Дивнымъ огнемъ загорѣлись голубыя лучистыя очи,
Русская кровь разыгралась и запѣлъ всероссійскій піита:

„Восторгъ внезапный умъ плѣнилъ,
„Ведетъ на верхъ горы высокой,
„Гдѣ вѣтръ въ лѣсахъ шумѣть забылъ
„Въ долинѣ тишина—глубоко!..

—„Что за чудныя вирши?—Что за ода?—Откуда?
„Кто онъ?—Откудова взялъ и слова, и размѣры?—
„Все такъ ново!.. Музыка ухо ласкаетъ, и къ сердцу
„Теплой струею бѣжитъ!—Строки, какъ вѣщія струны,
„Дивно звучатъ и поютъ намъ высокія русскія пѣсни!“

Такъ при дворѣ говорили въ шитыхъ кафтанахъ вельможи.
Было то на пиру, въ золоченомъ дворцѣ у царицы,
Въ шитомъ кафтанѣ сидѣлъ мужъ именитый съ высокимъ,
Яснымъ челомъ, и о немъ говорили съ почтеньемъ другъ другу:
„Се нашъ піита, философъ, химикъ, художникъ,—создатель
„Новаго стиля!"—А этотъ химикъ, художникъ, піита
Тотъ же знакомый намъ мальчикъ въ лаптяхъ и въ нагольномъ тулупѣ!

Вотъ и сто лѣтъ ужъ прошло. И сто лѣтъ говорятъ: „Славой россовъ
Неоспорно и есть и пребудетъ,—наша честь,—Михаилъ Ломоносовъ!"—
—Посмотрите же всѣ, у кого бьется русское честное сердце,
Кто теперь мальчикъ въ лаптяхъ и въ смиренномъ нагольномъ тулупѣ?—
Кто-жъ какъ не наша святая Русь! Милліоны проснулись!
Говоръ сплошной повсюду; свѣта и свѣта всѣ просятъ!..
Просятъ воды животворной! Много даровъ и даяній
Богъ Босподь въ затулупную пазуху русскимъ,
Сердцу далъ много тепла, головѣ же и толкъ и смышленость!
Намъ предлежитъ все развить и развивъ такъ разумно устроить,
Чтобъ нашъ мальчикъ въ лаптяхъ и въ тулупѣ нагольномъ вдругъ, прямо и бодро
Сталъ межъ народовъ, какъ днесь,— славой и честію россовъ,—
Сталъ, устоялъ и стоитъ богатырь Михаилъ Ломоносовъ.

Памяти М. В. Ломоносова.

Когда, по манію царя,
Давно ужъ Русь преобразилась,

И новой силой ополчилась,
И на далекія моря
Простерла власть своей державы,
И, въ новомъ блескѣ бранной славы
Народамъ Запада представъ,
Свои права стяжала съ бою,
И стала твердою стопою
Средь сонма западныхъ державъ,—
Въ тѣ дни, славна на полѣ брани,
Грозна могучей силой длани,
Преображенная страна,
Забравъ себѣ полъ—свѣта въ руки,
Была слаба, была бѣдна
На мирномъ поприщѣ науки,
И, мощно двигая судьбой
Царей и царствъ на ратномъ полѣ,
Сама влачилася рабой
У нѣмца Бирона въ неволѣ.
Давно ужъ спалъ въ землѣ сырой
Полтавы царственный герой;
Давно въ рукахъ пришельцевъ темныхъ—
Своихъ враговъ—враговъ наемныхъ,
Томилась Русь—стеналъ народъ,
Почуявъ рабства тяжкій гнетъ;
Изнемогалъ въ борьбѣ безплодной,
Слабѣлъ и падалъ духъ народный,
И спалъ во мракѣ русскій умъ,
Не озаренъ лучемъ науки,
И словъ иноплеменныхъ звуки
Вторгались въ область русскихъ думъ,
И нашу рѣчь заполонили,
И чуждымъ складомъ и умомъ.
Какъ рабства низкаго тавромъ,
Языкъ нашъ гордый заклеймили,
И гибнулъ, гибнулъ нашъ языкъ,
Съ нимъ гибла русская свобода...
Но геній русскаго народа
Живучъ и бодръ, и Богъ великъ!
Нашъ Богъ великъ: уже въ то время,
Когда пришельцевъ алчныхъ племя,

По вольной прихоти своей,
Россію грабило, терзало
И на сыновъ ея взирало,
Какъ на безмозглыхъ дикарей,
Когда на плахѣ погибали
Всѣ тѣ, кто голосъ возвышали
За свой униженный народъ,
И каждый русскій патріотъ
Былъ жертвой козней и доносовъ,—
Мужикъ Михайло Ломоносовъ
Явился міру „доказать,
Что можетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
Россійская земля рождать“.
И доказалъ. И сталъ высоко
Средь мудрыхъ міра всѣхъ временъ
И русскій умъ на путь широкій—
Изъ жизни духа одинокой,—
На путь всемірный вывелъ онъ:
И то, чего не совершила
Державной воли власть и сила—
Монарха грознаго рука,—
То совершилъ иною властью,
Горя къ наукѣ чистой страстью,
Сынъ вдохновенный рыбака.
Призвалъ онъ къ жизни—жизни новой
И духъ, и плоть родного слова,
Его онъ таинства постигъ,
Постигъ его святые звуки:
Нашъ невоздѣланный языкъ
Въ горнилѣ западной науки
Онъ въ формы русск я отлилъ—
Въ рудѣ песчаной отдѣлилъ
Стихію чистаго металла,
И въ námѣ русскаго закала
Ее на вѣки закалилъ,
И силой творческаго чувства
Уставомъ строгаго искусства
Онъ рѣчь родную покорилъ—
И слухъ согражданъ изумилъ

Ея гармоніей пѣвучей
И дивной прелестью созвучій,
И первый создалъ намъ изъ нихъ
Нашъ величавый, нашъ могучій,
Нашъ громозвучный русскій стихъ.
Пошлемъ же мы привѣтъ сердечный
И благодарны будемъ вѣчно
Той темной, низменной средѣ,
Средѣ, откуда намъ явился
Науки новой первый свѣтъ,
Гдѣ крѣпкой мыслію сложился
Ума народнаго атлетъ!
Пусть наши дѣти, наши внуки
На почвѣ западной науки
Ея роскошные плоды
Рукой усердною сбираютъ,
Но умъ и духъ свой восполняютъ
Умомъ и д хомъ той среды,
Гдѣ тверды, какъ во дни былые,
Отцовъ обычаи святые,
Гдѣ чистъ, какъ древле, нашъ языкъ,
Откуда бьетъ струей свободной
И думъ, и пѣсенъ самородный,
Неисчерпаемый родникъ.

М. В. Ломоносову.

Когда на зовъ Петра отвсюду
Къ намъ иноземцы потекли,
Они дивились, словно чуду,
Своей судьбѣ и шли къ намъ, шли
Въ край, полный тайны заповѣдной,
Богатствомъ славный искони,
И такъ ужъ пѣснію побѣдной
Заранѣ тѣшились они:
„Съ страною варварской сосѣдя,
Средь вѣчныхъ жили мы заботъ;
Встарь отъ московскаго медвѣдя
Намъ въ меченосцахъ былъ оплотъ—
Онъ ихъ сломилъ. Явились шведы—

Примялъ и ихъ! и вдругъ теперь
Задумалъ самъ, въ чаду побѣды,
У насъ учиться добрый звѣрь!
Исполнимъ мудрую затѣю!
Дадимъ искусныхъ вожаковъ,
Кольцо въ ноздрю, ремень на шею —
И весь онъ нашъ, гроза лѣсовъ!
Славянъ учить—намъ трудъ не новый!
Приняться дружно—и въ конецъ
Переработаться готовы
Они на всякій образецъ!
Лишь только-бъ въ мракъ ихъ суевѣрій
Наўки нашей лучъ проникъ,
Ста лѣтъ не минетъ—эти звѣри
Забудутъ даже свой языкъ!“
И вотъ ужъ близко было къ цѣли.
Скончался царь. Они стѣной
На ступеняхъ престола сѣли,
Какъ надъ забранною страной.
Сыны бояръ, едва, какъ дѣти,
Прозрѣвъ науки чудеса,
Покорно падали въ ихъ сѣти.
Народъ бѣжалъ въ свои лѣса.
И средь безмолвія и страха,
Средь казней, пытокъ и опалъ,
Ужъ на корону Мономаха
Курляндецъ дерзкій посягалъ...*)
Торжествовалъ германскій геній,
Мечтая съ лавромъ на челѣ,
Какъ посреди своихъ владѣній,
Чуть не по всей пройти землѣ,
А насъ, осиленныхъ безъ бою,
Влачить, какъ плѣнныхъ дикарей,
Со всей славянскою семьею,
За колесницею своей...
Но Богъ, изведшій Русь изъ плѣна
Отъ агарянъ, не попустилъ,

---

*) Биронъ мечталъ возвести на престолъ цесаревну Елизавету Петровну, соединивъ ее бракомъ съ сыномъ своимъ Петромъ.

Чтобъ извела ее измѣна,
И гнѣвъ на милость преложилъ.
Избралъ единаго отъ малыхъ,
Ему открылся въ блескѣ льдовъ,
Въ сіяньѣ звѣздъ и въ зоряхъ алыхъ,
Въ раскатѣ волнъ, въ шуму лѣсовъ.
И, повелѣвъ оставить сѣти,
Повелъ его изъ града въ градъ,
Чтобъ Русь позналъ отъ темной клѣти
До свѣтлыхъ княжескихъ палатъ.
Повелъ его на Западъ славный,
Чтобъ воспріялъ онъ въ разумъ тамъ
Все откровенное издавна
Великимъ избраннымъ мужамъ,
Чтобъ отъ свѣтильника ихъ знаній
Свѣтильникъ свой онъ воспалилъ
И, высоко держа во длани,
Весь край родной имъ озарилъ.
Хвала послушавшему Бога,
За нимъ пошедшему къ борьбѣ
Въ путь славныхъ дѣлъ, но скорби многой,
О, чудный мужъ, хвала тебѣ!
Передъ коварными врагами
Стоялъ ты—крѣпкій подъ грозой,
Какъ дубъ съ глубокими корнями,
Утесъ, увѣнчанный зарей!
Стоялъ одинъ—съ челомъ открытымъ,
Съ орлинымъ взглядомъ, какъ глядѣлъ,
На ономъ морѣ Ледовитомъ,
На чудеса Господнихъ дѣлъ!
Стоялъ, презрѣвъ всю скорбь и муки,
И, вѣрный Богу своему,
Упорно требовалъ въ наукѣ
Гражданства русскому уму!
„Мои труды вотще не канутъ“,
Ты говорилъ. „По всей странѣ
Сыны россійскіе вспомянутъ
И пожалѣютъ обо мнѣ!“
И—день насталъ! И—просвѣтленный—
Теперь изъ пыли вѣковой,

Передъ Россіей обновленной,
Возникъ могучій образъ твой.
Ужъ мы теперь—твое потомство!
Межъ насъ—столѣтье! Много бѣдъ,
Измѣнъ, ошибокъ, вѣроломства,
Россія вынесла въ сто лѣтъ.
Въ ней пришлый духъ неотразимо
Торжествовалъ и былъ могучъ;
Но ты питалъ ее незримо,
Какъ подъ землей журчащій ключъ.
Твоею ревностью согрѣты,
Подвиглись многіе съ тобой!
Ты свѣтлыхъ дѣлъ Елисаветы
Былъ животворною душой;
Ты—далъ пѣвца Екатеринѣ *),
Всецѣло жилъ въ ея орлахъ,
И отблескъ твой горитъ и нынѣ
На лучшихъ русскихъ именахъ!
И не твоимъ далекимъ внукамъ
Твой горькій вопль произнести,
„Что видно не далъ Богъ наукамъ
Въ земляхъ россійскихъ возрасти“:
Съ царемъ **), съ которымъ у народа
Едино сердце, духъ единъ—
Откуда-бъ къ намъ ни шла невзгода,—
Не дрогнетъ русскій исполинъ!
Даруя подданнымъ свободу,
Онъ къ свѣту, властною рукой,
Широкій путь открылъ народу,
Путь, уготованный тобой!

Ода на день восшествія на престолъ Ея Величества Государыни Императрицы Елизаветы Петровны.

(1747 г.)

Царей и царствъ земныхъ отрада,
Возлюбленная тишина,

*) Державинъ.
**) Императоръ Александръ II.

Блаженство селъ, градовъ ограда,
Коль ты полезна и красна!
Вокругъ тебя цвѣты пестрѣютъ
И класы на поляхъ желтѣютъ,
Сокровищъ полны корабли
Дерзаютъ въ море за тобою,
Ты сыплешь щедрою рукою
Свое богатство по земли.
Великое свѣтило міру,
Блистая съ вѣчной высоты
На бисеръ, злато и порфиру,
На всѣ земныя красоты,
Во всѣ страны свой взоръ возводитъ,
Но краше въ свѣтѣ не находитъ
Елисаветы и тебя.
Ты кромѣ той всего превыше,
Душа ея зефира тише,
И зракъ прекраснѣе рая.
Когда на тронъ она вступила,
Какъ Вышній подалъ ей вѣнецъ,
Тебя въ Россію возвратила,
Войнѣ поставила конецъ;
Тебя пріявъ, облобызала:
Мнѣ полно тѣхъ побѣдъ, сказала,
Для коихъ крови льется токъ,
Я россовъ счастьемъ услаждаюсь,
Я ихъ спокойствомъ не мѣняюсь
На цѣлый западъ и востокъ.
Божественнымъ устамъ приличенъ,
Монархиня, сей кроткій гласъ:
О, коль достойно возвеличенъ
Сей день и тотъ блаженный часъ,
Когда отъ радостной премѣны
Петровы возвышали стѣны
До звѣздъ плесканіе и кликъ!
Когда ты крестъ несла рукою
И на престолъ взвела съ собою
Добротъ твоихъ прекрасный ликъ!
Чтобъ слову съ оными сравняться,
Достатокъ силы нашей малъ!

Но мы не можемъ удержаться
Отъ пѣнія твоихъ похвалъ.
Твои щедроты ободряютъ
Нашъ духъ и къ бѣгу устремляютъ,
Какъ въ понтъ пловца свободный вѣтръ
Чрезъ яры волны порываетъ:
Онъ брегъ съ весельемъ оставляетъ,
Летитъ корма межъ водныхъ нѣдръ.
Молчите, пламенные звуки,
И колебать престаньте свѣтъ:
Здѣсь въ мирѣ расширять науки
Изволила Елисаветъ.
Вы, наглы вихри, не дерзайте
Ревѣть, но кротко разглашайте
Прекрасны наши времена.
Въ безмолвіи внимай, вселенна:
Се хощетъ лира восхищенна
Гласить велики имена.
Ужасный чудными дѣлами,
Зиждитель міра искони
Своими положилъ судьбами
Себя прославить въ наши дни;
Послалъ въ Россію человѣка,
Каковъ не слыханъ былъ отвѣка.
Сквозь всѣ препятства онъ вознесъ
Главу, побѣдами вѣнчанну,
Россію, варварствомъ попранну
Съ собой возвысилъ до небесъ.
Въ поляхъ кровавыхъ Марсъ страшился,
Свой мечъ въ Петровыхъ зря рукахъ,
И съ трепетомъ Нептунъ чудился,
Взирая на россійскій флагъ.
Въ стѣнахъ внезапно укрѣпленна
И зданіями окруженна
Сомнѣнная *) Нева рекла:
Или я нынѣ позабылась
И съ онаго пути склонилась,
Которымъ прежде я текла?

*) Недоумѣвающая.

Тогда божественны науки
Чрезъ горы, рѣки и моря
Въ Россію простирали руки
Къ сему монарху говоря:
Мы съ крайнимъ тщаніемъ готовы
Подать, въ россійскомъ родѣ новы,
Чистѣйшаго ума плоды.
Монархъ къ себѣ ихъ призываетъ,
Уже Россія ожидаетъ
Полезны видѣть ихъ труды.
Но, ахъ, жестокая судьбина!
Безсмертія достойный мужъ,
Блаженства нашего причина,
Къ несносной скорби нашихъ душъ,
Завистливымъ отторженъ рокомъ,
Насъ въ плачѣ погрузилъ глубокомъ!
Внушивъ рыданій нашихъ слухъ,
Верхи Парнасски возстенали,
И музы воплемъ провождали
Въ небесну дверь пресвѣтлый духъ.
Въ толикой праведной печали
Сомнѣнный ихъ смущался путь;
И токмо жертвуя желали
На гробъ и на дѣла взглянуть.
Но кроткая Екатерина,
Отрада по Петрѣ едина,
Пріемлетъ щедрой ихъ рукой.
Ахъ, еслибъ жизнь ея продлилась,
Давно-бъ Секвана постыдилась *)
Съ своимъ искусствомъ предъ Невой!
Какая свѣтлость окружаетъ
Въ толикой горести Парнасъ?
О, коль согласно тамъ бряцаетъ
Пріятныхъ струнъ сладчайшій гласъ!
Всѣ холмы покрываютъ лики;
Въ долинахъ раздаются клики:
Великая Петрова дщерь
Щедроты отчи превышаетъ,

---

*) Секвана—рѣка Сена.

Довольство музъ усугубляетъ
И къ счастью отверзаетъ дверь.
Великой похвалы достоинъ,
Когда число своихъ побѣдъ
Сравнить сраженьямъ можетъ воинъ,
И въ полѣ весь свой вѣкъ живетъ;
Но ратники ему подвластны,
Всегда хвалы его причастны,
И шумъ въ поляхъ со всѣхъ сторонъ
Звучащу славу заглушаетъ,
И грому трубъ ея мѣшаетъ
Плачевный побѣжденныхъ стонъ.
Сія тебѣ единой слава,
Монархиня, принадлежитъ,
Пространная твоя держава,
О, какъ тебя благодаритъ!
Воззри на горы превысоки,
Воззри въ поля свои широки,
Гдѣ Волга, Днѣпръ, гдѣ Обь течетъ;
Богатство, въ оныхъ потаенно,
Наукой будетъ откровенно,
Что щедростью твоей цвѣтетъ.
Толикое земель пространство
Когда Всевышній поручилъ
Тебѣ въ счастливое подданство,
Тогда сокровища открылъ,
Какими хвалится Индія,
Но требуетъ къ тому Россія
Искусствомъ утвержденныхъ рукъ.
Сіе злату очиститъ жилу,
Почувствуютъ и камни силу
Тобой возставленныхъ наукъ.
Хотя всегдашними снѣгами
Покрыта сѣверна страна,
Гдѣ мерзлыми борей крылами
Твои взвѣваетъ знамена;
Но Богъ межъ льдистыми горами
Великъ своими чудесами:
Тамъ Лена чистой быстриной,
Какъ Нилъ, народы напояетъ,

И бреги наконецъ теряетъ,
Сравнившись морю шириной.
Коль многимъ смертнымъ неизвѣстны
Творитъ натура чудеса,
Гдѣ густостью животнымъ тѣсны
Стоятъ глубокіе лѣса,
Гдѣ въ роскоши прохладныхъ тѣней
На паствѣ скачущихъ еленей
Ловящихъ крикъ не разгонялъ;
Охотникъ гдѣ не мѣтилъ лукомъ;
Сѣкирнымъ земледѣлецъ стукомъ
Поющихъ птицъ не устрашалъ.
Широкое открыто поле,
Гдѣ музамъ путь свой простирать!
Твоей великодушной волѣ
Что можемъ за сіе воздать?
Мы даръ твой до небесъ прославимъ
И знакъ щедротъ твоихъ поставимъ,
Гдѣ солнца всходъ и гдѣ Амуръ
Въ зеленыхъ берегахъ крутится,
Желая паки возвратиться
Въ твою державу отъ Манжуръ.
Се мрачной вѣчности запону
Надежда отверзаетъ намъ!
Гдѣ нѣтъ ни правилъ, ни закону,
Премудрость тихо зиждетъ храмъ;
Невѣжество предъ ней блѣднѣетъ,
Тамъ влажная стезя бѣлѣетъ
На встокъ пловущихъ кораблей:
Колумбъ россійскій черезъ воды
Спѣшитъ въ невѣдомы народы
Сказать о щедрости твоей.
Тамъ тьмою острововъ посѣянъ,
Рѣкѣ подобенъ океанъ;
Небесной синевой одѣянъ,
Павлина посрамляетъ вранъ.
Тамъ тучи разныхъ птицъ летаютъ,
Что пестротою превышаютъ
Одежду нѣжныя весны;
Питаясь въ рощахъ ароматныхъ

И плавая въ струяхъ прiятныхъ,
Не знаютъ строгiя зимы.
И се Минерва ударяетъ
Въ верхи Рифейски копiемъ,
Сребро и злато истекаетъ
Во всемъ наслѣдiи твоемъ.
Плутонъ въ разсѣлинахъ мятется,
Что россамъ въ руки предается
Драгой его металлъ изъ горъ,
Который тамъ натура скрыла;
Отъ блеска дневнаго свѣтила
Онъ мрачный отвращаетъ взоръ.
О вы, которыхъ ожидаетъ
Отечество отъ нѣдръ своихъ,
И видѣть таковыхъ желаетъ,
Какихъ зоветъ отъ странъ чужихъ,
О, ваши дни благословенны!
Дерзайте нынѣ, ободренны,
Раченьемъ вашимъ показать,
Что можетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
Россiйская земля рождать.
Науки юношей питаютъ,
Отраду старымъ подаютъ,
Въ счастливой жизни украшаютъ,
Въ несчастной случай берегутъ;
Въ домашнихъ трудностяхъ утѣха,
И въ дальнихъ странствахъ не помѣха,
Науки пользуютъ вездѣ:
Среди народовъ и въ пустынѣ,
Въ градскомъ шуму и на единѣ;
Въ покоѣ сладки и трудѣ.
Тебѣ, о милости источникъ,
О ангелъ мирныхъ нашихъ лѣтъ!
Всевышнiй на того помощникъ,
Кто гордостью своей дерзнетъ,
Завидя нашему покою,
Противъ тебя возстать войною.
Тебя Зиждитель сохранитъ
Во всѣхъ путяхъ безпреткновенну

И жизнь твою благословенну
Съ числ мъ щедротъ твоихъ сравнитъ.

Императрица Екатерина II Алексѣевна Великая,

Мать Отечества.

(1762—1796 г.).

Благодатный вѣкъ былъ вѣкъ Екатерины.

Е. Баратынскій.

Была пора: Екатерининъ вѣкъ,
Въ немъ ожила вся древней Руси слава,
Тѣ дни, когда громилъ Царь-градъ Олегъ,
И былъ Дунай подъ лодкой Святослава.
Рымникъ, Чесма, Кагульскій бой!
Орлы во градѣ Леонида,
Возобновленная Таврида,
День Измаила роковой!
И въ Прагѣ кровью залитой,
Москвы отмщенная обида!

Императрицѣ Екатеринѣ Второй.

(6 ноября 1796 г.).

Россія! се Екатерина,
Владычица твоя и мать!
Ея вселенной половина
Души не возмогла вмѣщать.
Се въ гробѣ образецъ царей!
Рыдай... рыдай... рыдай о ней.

Се та, что духъ вливала славы,
Героевъ сотворить могла,
Жестокіе смягчала нравы
И ангелъ во плоти была!

Се та, что сгибъ сердецъ всѣхъ знала,
Плѣняла маніемъ очесъ,
Законы подданнымъ писала,
Европѣ судъ и перевѣсъ!

Се та, что скипетръ самовластья
Щедротой знала позлащать,
Свободу въ жизни, сладость счастья
Всѣмъ состояньямъ проливать!

Се та, что и въ врагахъ почтенье
Къ себѣ умѣла возбудить,
Въ друзьяхъ любовь и уваженье,
А вообще весь міръ дивить!

Памятникъ Екатерины II въ Петербургѣ.

Екатерина въ низкой долѣ
И не на царскомъ бы престолѣ
Была великою женой.

Державинъ.

Въ коронѣ и порфирѣ, со скипетромъ въ одной рукѣ и вѣнкомъ въ другой, величественно шествуетъ Императрица... Внизу, вокругъ подножія (пьедестала), размѣстились ея славные сподвижники. На первомъ планѣ сидитъ великолѣпный князь Тавриды, Потемкинъ, у коего подъ ногами турецкая чалма... По одну его сторону Румянцевъ, по другую Суворовъ, далѣе Чичаговъ, Орловъ, Безбородко, Бецкой, княгиня Дашкова, а передъ нею стоитъ „Пѣвецъ Екатерины“, Державинъ, и читаетъ одну изъ своихъ одъ. Вы какъ будто слышите:

Богоподобная Царевна
Киргизъ-кайсацкія орды,
Которой мудрость несравненна!..
Мурзамъ твоимъ не подражая,
Почасту ходишь ты пѣшкомъ,
И пища самая простая
Бываетъ за твоимъ столомъ;
Не дорожа своимъ покоемъ,
Читаешь, пишешь предъ налоемъ.
И всѣмъ отъ твоего пера
Блаженство смертнымъ проливаешь.

Хоръ на миръ съ Портою.

(10 Іюля 1774 г.).

Громъ побѣды раздавайся,
Веселися, храбрый россъ,
Звучной славой украшайся,
Магомета ты потресъ!
Славься симъ, Екатерина!
Славься, нѣжная къ намъ мать!

Воды быстраго Дуная
Ужъ въ рукахъ теперь у насъ,
Храбрость россовъ почитая,
Тавръ подъ нами и Кавказъ.

Звукъ сигнала раздается
Днесь въ подсолнечной вездѣ:
Зависть и вражда мятется,
И терзается въ себѣ.

Мы ликуемъ славы звуки,
Чтобъ враги могли то зрѣть,
Что свои готовы руки
Въ край вселенныя простерть.

Зри, премудрая царица,
Зри, великая жена,
Что твой взглядъ, твоя десница
Нашъ законъ, душа одна.

Ужъ не могутъ орды Крыма
Нынѣ рушить нашъ покой:
Гордость низится Селима
И блѣднѣетъ онъ съ луной.

Зри на блещущи соборы,
Зри на красный этотъ строй:
Всѣхъ сердца тобой и взоры
Оживляются одной.

Зри, монарха, утѣшайся
На побѣдъ твоихъ вѣнецъ!
Зри, о мать, и восхищайся
На любовь къ тебѣ сердецъ!

Чесменскіе трофеи.

(1770 г.).

Былъ то вѣкъ Екатерины
Въ морѣ наши исполины
Дали вновь урокъ чалмѣ:
Налетѣвъ на супостата,
Нашей матушки ребята
Отличились при Чесмѣ.

Пронеслась лишь вѣсть побѣды,
Взликовали наши дѣды,
Въ гудъ пошли колокола,
Пушки гаркнули въ столицѣ:
Слава матушкѣ-царицѣ!
Храбрымъ дѣтушкамъ хвала!

Се добыча ихъ отваги:
Кораблей турецкихъ флаги
Въ крѣпость вносятся,—ура!
И усвоенные кровно
Посвящаются любовно
Вѣчной Памяти Петра.

Тамъ кузнецъ своей державы,
Дивный плотникъ русской славы,
Что учась весь вѣкъ училъ,
Съ топоромъ, съ дубинкой, съ ломомъ,
Съ молоткомъ, съ огнемъ и громомъ,
Сномъ глубокимъ опочилъ.

По царицыну велѣнью,
Тѣ трофеи стали сѣнью
Надъ гробницею того,
Чья вся жизнь была работа,
Кто отцомъ, творцомъ былъ флота,
Возбудителемъ всего.

И гробница подъ навѣсомъ,
Подъ густымъ знаменнымъ лѣсомъ,
Говорила за него...

Всюду честь воздать хотѣла
Продолжительница дѣла
Начинателю его.

Не умрутъ дѣла благія.
Тамъ соборнѣ литургія
Совершается надъ нимъ;
Тамъ сановныя всѣ лица
И сама императрица
Съ золотымъ дворомъ своимъ.

И средь общаго вниманья,
Для духовнаго вѣщанья,
Вышелъ пастырь на амвонъ.
То былъ онъ, медорѣчивый,
Славный пахарь Божьей нивы,
Слово—сѣятель Платонъ *).

Тотъ, что посохъ бралъ и, стоя
Передъ паствой, безъ налоя,
Слухъ и сердце увлекалъ,
И при страшно судныхъ спросахъ,
Поднимая грозно посохъ,
Имъ объ землю ударялъ.

Вотъ онъ вышелъ бросить слово,
При ниспосланныхъ намъ снова
Знакахъ Божьихъ благостынь,
И изрекъ сначала строго
Имя троичное Бога
Съ утвердительнымъ „аминь!"

И безмолвье воцарилось...
Ждали всѣ: молчанье длилось.
Мнилось, пастырь онѣмѣлъ.
Шопотъ въ слушателяхъ бродитъ:
„Знать, онъ слова не находитъ,
„Даръ глагола отлетѣлъ!"

---

*) Т. е. Платонъ, Митрополитъ Московскій, одинъ изъ знаменитыхъ русскихъ проповѣдниковъ.

Ждутъ. И вдругъ къ турецкимъ стягамъ
Обратясь, широкимъ шагомъ
Онъ съ амвоннаго ковра
Устремился на гробницу
И простеръ свою десницу
Надъ останками Петра.

Всѣ невольно содрогнулись
И тайкомъ переглянулись,
И поникшіе стоятъ...
Сквозь разлитый въ сферѣ храма
Дымъ дрожащій ѳиміама
Стѣны, видѣлось, дрожатъ.

И простертою десницей
Двигнутъ вскользь надъ той гробницей
Строй знаменъ, какъ рядъ тѣней,
Что вокругъ шатромъ сомкнулся,
Зашатался, всколыхнулся
И развѣялся надъ ней.

И надъ чествуемымъ прахомъ
Ризы пастырскимъ размахомъ
Всколыхалось пламя свѣчъ;
Сѣнь, казалось, гробовая
Потряслась, и громовая
Излилась Платона рѣчь.

И проглянулъ гласъ витіи:
„Петръ! Возстань и виждь Россіи
„Силу, доблесть, славу, честь!
„Се трофеи новой брани!
„Морелюбецъ нашъ! Возстани
„И услышь благую вѣсть!“

И межъ тѣмъ, какъ словъ гремящихъ
Мощь разила предстоящихъ,
Произнесъ изъ нихъ одинъ
Робкимъ шопотомъ, съ запинкой:
„Что онъ кличетъ?—Вѣдь съ дубинкой
„Встанетъ грозный исполинъ“.

Александръ Васильевичъ Суворовъ.

Былъ у насъ въ былые годы
Знаменитый генералъ.
Я, ребенкомъ, про походы
И про жизнь его читалъ.

Былъ Русакъ—Россію нашу
Всей душою онъ любилъ;
Былъ солдатъ—ѣлъ щи и кашу,
Русскій квасъ и водку пилъ;

На морозѣ обливался,
Спалъ на сѣнѣ подъ плащемъ
И съ артелью заливался
Перелетнымъ соловьемъ.

Русскій чудо-богатырь Суворовъ.

Чудотворецъ-воевода не разсчитывалъ похода, бралъ побѣду въ небесахъ! правды мужъ творилъ безъ шуму, въ Богѣ думалъ крѣпку думу—и прославленъ въ чудесахъ. „День молиться, день поститься, взять на третій Измаилъ!“ Онъ сказалъ—и наши рати, чудомъ Божьей благодати, взяли штурмомъ Измаилъ! „Другъ мой! пишетъ принцъ Кобургскій, окруженъ я силой турской, жду сраженья каждый часъ. Тысячъ тридцать и не болѣ можемъ вывести мы въ поле; двѣсти тысячъ противъ насъ. Я погибну безъ сомнѣнья, намъ не выдержать сраженья; другъ, спѣши ко мнѣ скорѣй!“ Онъ въ отвѣтъ: „Иду. Суворовъ!“ Взялъ безъ дальнихъ разговоровъ тысячъ семь богатырей: „Братцы, нынѣшнія сутки намъ придутся очень жутки! сотни верстъ и лютый бой!“— „Рады до конца стараться, рады съ міромъ цѣлымъ драться, рады умирать съ тобой!“ Онъ махнулъ и наши рати, чудомъ Божьей благодати, сотню верстъ прошли заразъ; въ бой вступили безъ привала; штыкъ впередъ,—врага не стало, сѣча длилась только часъ. Вотъ каковъ былъ нашъ Суворовъ, средь безчисленныхъ походовъ старыхъ боевыхъ временъ. На повалъ его ребята всюду били супостата, онъ нигдѣ не побѣжденъ! Жизнію мо-

нахъ примѣрный, духомъ чистъ онъ всякой скверны,— потому непобѣдимъ; онъ изъ храма шелъ на битву, съ боя снова на молитву, словно Божій херувимъ. Съ виду старецъ юродивый, невысокій, некрасивый, духомъ грозный исполинъ! Онъ на клячѣ, подъ рогожей, все-таки былъ воинъ Божій, дивной рати властелинъ.

Суворовъ.

Черная туча, мрачныя крыла
Съ цѣпи сорвавъ, весь воздухъ покрыла;
Вихрь полуночный, летитъ богатырь!
Тьма отъ чела, съ посвиста пыль!
Молни отъ взоровъ бѣгутъ впереди,
Дубы грядою лежатъ позади,
Ступитъ на горы—горы трещатъ,
Ляжетъ на воды—воды кипятъ,
Граду коснется—градъ упадетъ,
Башни рукою за облакъ кидаетъ,
Дрогнетъ природа, блѣднѣя предъ нимъ;
Слабыя трости щадятся лишь имъ.
Ты-ль Геркулесъ нашъ новый, полночный,
Бурѣ подобный, быстрый и мочный?
Твой-ли, Суворовъ, се образъ побѣдъ?
Трупы враговъ и лавры—твой слѣдъ?
Кѣмъ ты когда бывалъ побѣждаемъ?
Все ты всегда вездѣ превозмогъ!
Новый трофей *) твой днесь созерцаемъ:
Тронъ подъ тобой, корона у ногъ,—
Царь въ полону!—Ужасъ ты злобнымъ,
Кто былъ царицѣ твоей непокорнымъ.

Суворовъ въ Польшѣ.

(Народная пѣсня).

Какъ не туча находила
И не сильны дожди льютъ:
Графъ Суворовъ показался,

*) Взятіе Суворовымъ Варшавы.

Полки въ Польшу съ нимъ идутъ.
Онъ имѣлъ то повелѣнье,
Чтобы Польшу усмирить,
И не мудро угожденье,—
Взять Аршаву, покорить.
Гдѣ онъ шелъ скоро по Польшѣ,
Войско слѣдовало съ нимъ.
Какъ Аршавъ—городъ узнала,
Что Суворовъ къ ней идетъ,
Воздохнулъ тяжко Аршава,
Всѣ заплакали мѣста:
„Лучше скрозь земли пройтить,
„Отъ Суворова уйтить!“
Не туманъ съ войска поднялся
И военный грянулъ громъ:
Городъ ядрами покрылся,
Полчаса не виденъ былъ.
Намъ Суворовъ волю далъ,
Ровно три часа гулялъ;
Погуляемте ребята,
Намъ Суворовъ приказалъ!
За его выпьемъ здоровье,
Мы проздравимте его:
Здравствуй, здравствуй, графъ Суворовъ,
Что ты правдою живешь,
Справедливо насъ, солдатъ, ведешь!
Ты военностей не тужишь,
Радъ хочь въ воду и огонь,
Ты царицѣ вѣрно служишь!

Императоръ Александръ I Павловичъ Благословенный и Отечественная война 1812 года.

Не будь на то Господня воля,
Не отдали-бъ Москвы!..

Стих. „Бородино“ Лермонтова.

И побѣдитель Парижа,
Нѣжный отецъ россіянамъ,
Пепелъ Москвы забывая,
Съ кротостью галламъ прощаетъ—

И какъ дѣтей ихъ пріемлетъ.
Слава герою, который
Всѣ побѣждаетъ народы
Нѣжной любовью — живой!

Баронъ А. Дельвигъ.

Вотъ онъ — Россіи честь и слава, даръ небесъ,
Великій Александръ, полночный Геркулесъ!
Не міра древняго надменный повелитель,
Но кроткій счастія народнаго зиждитель.

А. Мартыновъ.

Переходъ черезъ Нѣманъ *).

Вотъ Руси границы, вотъ Нѣманъ, французы
Наводятъ понтоны **); работа кипитъ...
И съ грохотомъ катятся мѣдныя пушки,
И стонетъ земля отъ копытъ.

Чу! бьютъ барабаны... Склоняютъ знамена,
Какъ громъ, далеко раздается: „Vivat!“ (ура)
За кѣмъ на коняхъ короли-адъютанты
Въ парадныхъ мундирахъ летятъ?

Надвинувъ свою треугольную шляпу,
Все въ томъ же походномъ своемъ сюртукѣ,
На бѣломъ конѣ прискакалъ императоръ
Съ подзорной трубою въ рукѣ.

Чело его ясно, движенья спокойны,
Въ лицѣ не видать сокровенныхъ заботъ,
Коня осадилъ на скаку онъ и видитъ —
За Нѣманомъ туча встаетъ.

И думаетъ онъ: „Эта темная туча
Моей свѣтозарной звѣзды не затмитъ!“
И мнится ему въ то же время: сверкая,
Изъ тучи перстъ Божій грозитъ...

---

*) Эту рѣку французы перешли между городами Вильно и Ковно.
**) Т. е. мосты.

И, душу волнуя, предчувствіе шепчетъ:
„Сомнетъ знамена твои русскій народъ“.
„Впередъ!“ говоритъ ему слава и геній,
„Впередъ, императоръ, впередъ“!“

И ликъ его блѣденъ, движенья тревожны,
И шагомъ онъ ѣдетъ, и молча глядитъ,
Какъ къ Нѣману катятся мѣдныя пушки,
И стонутъ мосты отъ копытъ.

Вторженіе Наполеона.

Ты-ль это, Нѣманъ величавый?
Твоя-ль струя передо мной?
Ты столько лѣтъ, съ такою славой—
Россіи вѣрный часовой!

Одинъ лишь разъ по волѣ Бога
Ты супостата къ ней впустилъ
И цѣлость русскаго порога
Ты тѣмъ на вѣки утвердилъ.

Ты помнишь ли былое, Нѣманъ,
Тотъ день годины роковой,
Когда стоялъ онъ надъ тобой,
Онъ самъ—могучій, южный демонъ?

И ты, какъ нынѣ, протекалъ,
Шумя подъ вражьими мостами,
И онъ струю твою ласкалъ
Своими чудными очами.

Побѣдно шли его полки,
Знамена весело шумѣли,
На солнцѣ искрились штыки,
Мосты подъ пушками гремѣли,

И съ высоты, какъ нѣкій богъ,
Казалось, онъ парилъ надъ ними,
И двигалъ всѣмъ и все стерегъ
Очами чудными своими.

Лишь одного онъ не видалъ!
Не видѣлъ онъ, воитель дивный,
Что тамъ, на сторонѣ противной,
Стоялъ другой—стоялъ и ждалъ...

И мимо проходила рать,
Все грозно-боевыя лица,
И неизбѣжная десница
Клала на нихъ свою печать.

И такъ побѣдно шли полки,
Знамена гордо развѣвались,
Струились молніей штыки,
И барабаны заливались...

Несмѣтно было ихъ число...
И въ этомъ безконечномъ строѣ
Едва-ль десятое чело
Клеймо минуло роковое.

Сказаніе о 1812 годѣ.

Вѣтеръ гонитъ отъ востока
Съ воемъ снѣжныя мятели...
Дикой пѣснью злая вьюга
Заливается въ пустынѣ...
По безлюдному простору
Безъ ночлега, безъ привала,
Точно сонмъ тѣней, проходятъ
Славной арміи остатки,
Егеря и гренадеры,
Кто окутанъ дамской шалью,
Кто церковною завѣсой,—
То въ сугробахъ снѣжныхъ вязнутъ,
То скользятъ, вразбродъ взбираясь
На подъемъ оледенѣлый...
Гдѣ пройдутъ, по всей дорогѣ
Пушки брошены, лафеты;
Снѣгъ заноситъ трупы коней,
И людей, и колымаги,
Нагруженныя добычей

Изъ святыхъ московскихъ храмовъ...
Посреди разбитой рати
Ѣдетъ вождь ея, привыкшій
Къ торжествамъ лишь да побѣдамъ...
Въ пошевняхъ, на жалкихъклячахъ,
Ѣдетъ той же онъ дорогой,
Гдѣ прошелъ еще недавно
Полный гордости и славы
Къ той загадочной столицѣ
Съ золотыми куполами,
Гдѣ, казалось, совершится
Въ полномъ блескѣ чудный жребій
Повелителя вселенной,
Сокрушителя имперій...
Гдѣ-жъ вы, пышныя мечтанья!
Гордый замыселъ!.. надежды
И глубокіе расчеты
Прахомъ стали. И упорно
Ищетъ онъ всему разгадки,
Гдѣ и въ чемъ его ошибка?
Все напрасно!..
И поникъ онъ, и, въ дремотѣ,
Видитъ—какъ въ пріемномъ залѣ—
Незадолго до похода—
Въ Тюльери, стоитъ онъ гнѣвный;
Вѣнценосцевъ всей Европы
Передъ нимъ послы: всѣ внемлютъ
Съ трепетомъ его угрозамъ...
Лишь одинъ стоитъ посланникъ,
Не склонивъ покорно взгляда,
Съ затаенною улыбкой...
И, вспыливши императоръ—
„Князь, вы видите"—воскликнулъ—
Мнѣ никто во всей Европѣ
Не дерзаетъ поперечить:
Императоръ вашъ на что же
Онъ надѣется—на что же?"
„Государь!" въ отвѣтъ посланникъ,
„Взять въ расчетъ вы позабыли,
Что за Русскимъ государемъ

Русскій весь стоитъ народъ!“
Онъ тогда расхохотался,
А теперь—теперь онъ вздрогнулъ...
И глядитъ: утихла вьюга,
На морозномъ небѣ звѣзды,
А кругомъ на горизонтѣ
Всюду зарева пожаровъ...
Вспомнилъ онъ дворецъ Петровскій,
Гдѣ бояръ онъ ждалъ съ поклономъ
И ключами отъ столицы...
Вспомнилъ онъ пустынный городъ,
Вдругъ со всѣхъ сторонъ объятый
Моремъ пламени... А мира
Мира нѣтъ! и днемъ, и ночью
Неустанная погоня
Вслѣдъ за нимъ враговъ незримыхъ...
Справа, слѣва—ихъ мильоны
Тамъ въ лѣсахъ... Такъ вотъ что значитъ —
„Весь народъ!“
И безнадежно
Вдаль онъ взоры устремляетъ:
Что-то грозное таится
Тамъ за синими лѣсами
Въ необъятной этой дали.

Бородино.

(26-го Августа 1812 г.).

Изъ всѣхъ моихъ сраженій самое ужасное то, которое я далъ подъ Москвою. Французы въ немъ показали себя достойными одержать побѣду, а русскіе стяжали право быть непобѣдимыми.

Слова Наполеона.

Непріятель не выигралъ ни на шагъ земли съ превосходными своими силами.

Слова Кутузова.

„Скажи-ка, дядя, вѣдь не даромъ
Москва, спаленная пожаромъ,
Французу отдана?

Вѣдь были-жъ схватки боевыя?
Да, говорятъ, еще какія!
Недаромъ помнитъ вся Россія
Про день Бородина!
— Да, были люди въ наше время,
Не то, что нынѣшнее племя:
Богатыри—не вы!
Плохая имъ досталась доля:
Немногіе вернулись съ поля...
Не будь на то Господня воля,
Не отдали-бъ Москвы!
Мы долго молча отступали.
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики:
„Что-жъ мы? На зимнія квартиры?
Не смѣютъ что-ли командиры
Чужіе изорвать мундиры
О русскіе штыки?"
И вотъ нашли большое поле:
Есть разгуляться гдѣ на волѣ!
Построили редутъ.
У нашихъ ушки на макушкѣ!
Чуть утро освѣтило пушки
И лѣса синія верхушки—
Французы тутъ-какъ-тутъ,
Забилъ зарядъ я въ пушку туго,
И думалъ: угощу я друга!
Постой-ка, братъ мусью!
Что тутъ хитрить, пожалуй къ бою;
Ужъ мы пойдемъ ломить стѣною,
Ужъ постоимъ мы головою
За родину свою!
Два дня мы были въ перестрѣлкѣ.
Что толку въ этакой бездѣлкѣ?
Мы ждали третій день.
Повсюду стали слышны рѣчи:
„Пора добраться до картечи!"
И вотъ на поле грозной сѣчи
Ночная пала тѣнь.
Прилегъ вздремнуть я у лафета,

И слышно было до разсвѣта,
Какъ ликовалъ французъ.
Но тихъ былъ нашъ бивакъ открытый:
Кто киверъ чистилъ весь избитый,
Кто штыкъ точилъ, ворча сердито,
Кусая длинный усъ.
И только небо засвѣтилось —
Все шумно вдругъ зашевелилось,
Сверкнулъ за строемъ строй.
Полковникъ нашъ рожденъ былъ хватомъ,
Слуга царю, отецъ солдатамъ...
Да, жаль его: сраженъ булатомъ,
Онъ спитъ въ землѣ сырой.
И молвилъ онъ, сверкнувъ очами:
„Ребята! Не Москва-ль за нами?
Умремте-жъ подъ Москвой,
Какъ наши братья умирали!“
И умереть мы обѣщали,
И клятву вѣрности сдержали
Мы въ Бородинскій бой.
Ну-жъ былъ денекъ! Сквозь дымъ летучій
Французы двинулись, какъ тучи —
И все на нашъ редутъ.
Уланы съ пестрыми значками,
Драгуны съ конскими хвостами—
Всѣ промелькнули передъ нами,
Всѣ побывали тутъ.
Вамъ не видать такихъ сраженій!..
Носились знамена, какъ тѣни,
Въ дыму огонь блестѣлъ,
Звучалъ булатъ, картечь визжала,
Рука бойцовъ колоть устала,
И ядрамъ пролетать мѣшала,
Гора кровавыхъ тѣлъ.
Извѣдалъ врагъ въ тотъ день не мало,
Что значитъ русскій бой удалой,
Нашъ рукопашный бой!..
Земля тряслась, какъ наши груди;
Смѣшались въ кучу кони, люди;
И залпы тысячи орудій

Слились въ протяжный вой...
Вотъ смерклось. Были всѣ готовы
Заутра бой затѣять новый
И до конца стоять...
Вотъ затрещали барабаны—
И отступили басурманы.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать...
Да, были люди въ наше время,
Могучее, лихое племя:
Богатыри—не вы!
Плохая имъ досталась доля,
Немногіе вернулись съ поля...
Когда-бъ на то не Божья воля —
Не отдали-бъ Москвы!

Поклонная гора *).

Тамъ, на покатой горѣ, зеленѣли когда-то три дуба.
Хищный орелъ залетѣлъ и, усѣвшись подъ тѣми дубами,
Взглядомъ кровавымъ въ добычу впился и готовилъ ужъ когти.
Былъ бы пиръ; да спалило грозою могучія крылья,
Перья вѣтеръ разнесъ и засыпало зимнимъ ихъ снѣгомъ.
Тамъ, за Москвой, на Поклонной горѣ, зеленѣли тѣ дубы.
Не орлу съ той горы, а пришельцу, вождю легіоновъ,
Наша предстала Москва съ золотыми своими верхами;
И, простершись во всю широту, ожидала безмолвно
Жертва смиренная, жертва святая,—да судъ совершится.
А по полямъ шли полки, громовыя катились орудья;
Двадцать народовъ тѣснились вокругъ съ знаменами Европы;
Двигалось все, и неслось, и жадно вторгалось; но страшно
Было итти имъ вдоль улицъ безлюдныхъ, безмолвныхъ, и слушать

*) Находится въ трехъ верстахъ отъ Москвы, за Дорогомиловской заставой. На этой горѣ Наполеонъ ожидалъ торжественнаго посольства отъ Москвы, но никто къ нему не явился.

Въ той тишинѣ только топотъ копытъ безподковныхъ
  ихъ коней.
Здѣсь, изъ подъ этихъ дубовъ, онъ смотрѣлъ, выжидая
  посольства,
Нашихъ сенаторовъ ждалъ и бояръ,—и сердился, и
  кликалъ;
Только они не пришли, и торжественной не было встрѣчи!
Правда, Москву въ ту же ночь освѣтили и мы—да по-
  жаромъ.

Пылающая Москва.

Гори, родная!—Богъ съ тобою.
Я самъ, перекрестясь съ мольбою,
Своею грѣшною рукою
Тебя зажегъ. Гори со мною!
Пусть я избитый, изожженный,
Весь въ ранахъ, въ струпьяхъ, изможденный,
Умру въ огнѣ, въ тоскѣ, въ страданьи:
Тебя не дамъ на поруганье!
О, Кремль святой, святые храмы,
Свидѣтели побѣдъ и славы!
Разсыпьтесь надъ Москвой горою,
Родную скройте подъ собою!
Въ слезахъ, съ померкшими очами,
Стою съ молитвой я предъ вами:
Разсыпьтесь надъ Москвой горою!
Пылай, родная!—Богъ съ тобою.
Враги въ Москвѣ; Москва въ неволѣ;
Прощай, мой домъ, родное поле...
Свирѣпствуй, ангелъ разрушенья!
Россія гибнетъ; нѣтъ спасенья,
Пусть гибнетъ все! Своей рукою
Свой домъ зажегъ... Гори со мною!
Москва пылаетъ за отчизну;
Кровавую готовьте тризну!

Москва при французахъ.

Мой другъ! я видѣлъ море зла,
И неба мстительнаго кары,

Враговъ неистовыхъ дѣла,
Войну и гибельны пожары;
Я видѣлъ сонмы богачей,
Бѣгущихъ въ рубищахъ издранныхъ;
Я видѣлъ блѣдныхъ матерей,
Изъ милой родины изгнанныхъ!
Я на распутьи видѣлъ ихъ,
Какъ, къ персямъ чадъ прижавъ грудныхъ,
Онѣ въ отчаяньи рыдали,
И съ новымъ трепетомъ взирали
На небо рдяное кругомъ.
Трикраты съ ужасомъ потомъ,
Бродилъ въ Москвѣ опустошенной,
Среди развалинъ и могилъ;
Трикраты прахъ ея священный
Слезами скорби омочилъ.
И тамъ—гдѣ зданья величавы
И башни древнія царей,
Свидѣтели протекшей славы
И новой славы нашихъ дней;
И тамъ—гдѣ съ миромъ почивали
Останки иноковъ святыхъ,
И мимо вѣки протекали,
Святыни не касаясь ихъ;
И тамъ—гдѣ роскоши рукою,
Дней мира и трудовъ плоды,
Предъ златоглавою Москвою
Воздвиглись храмы и сады—
Лишь угли, прахъ и камней горы,
Лишь груды тѣлъ кругомъ рѣки,
Лишь нищихъ блѣдные полки
Вездѣ мои встрѣчали взоры!

Военная пѣсня.

Хоть Москва въ рукахъ французовъ,
Это, право, не бѣда,—
Нашъ фельдмаршалъ князь Кутузовъ
Ихъ на смерть впустилъ туда.

Вспомнимъ, братцы, что поляки
Встарь бывали также въ ней:
Но не жирны кулебяки,—
Ѣли кошекъ и мышей.

Напослѣдокъ мертвечину
Земляковъ пришлось имъ жрать,
А потомъ предъ русскимъ спину
Въ крюкъ по-польски изгибать.

Свѣту цѣлому извѣстно,
Какъ платили мы долги:
И теперь получатъ честно
За Москву платежъ враги.

Побывать въ столицѣ-слава,
Но умѣемъ мы отмщать:
Знаетъ крѣпко то Варшава,
И Парижъ то будетъ знать!

Русскіе подъ Парижемъ.

I.

Подъ славнымъ было городомъ Парижемъ,
Собиралося россійское славное войско.
Они лагери занимали въ чистомъ полѣ,
Шанцы и батареи тамъ порыли,
Пушечки и мортирушки тамъ становили.
Константинъ-то нашъ по арміи разъѣзживаетъ;
Онъ пѣхоту и кавалерію расчитываетъ:
„Надѣвайте вы, солдатушки, платье бѣло,
„По утру вамъ, милые, будетъ дѣло!
„Когда Богъ вамъ поможетъ Парижъ взяти.

II.

Собирался—снаряжался графъ Кутузовъ,
Со своими со любезными полками,
Со своими со дородными молодцами.
Выѣзжали во чисто поле гуляти,—
Не гуляти выѣзжали,—воевати.
Во полонъ брали французскаго маіора,

Повели того маіора къ фельдмаршалу,
Что къ тому ли ко графу ко Кутузову.
Еще сталъ графъ Кутузовъ его спрашивати,
Честью—лестью онъ маіора уговариваетъ:
„Ты скажи, скажи, маіорикъ, всё правду,—
„Еще много-ль во Парижѣ у васъ войска?“
— У насъ во Парижѣ войска сорокъ тысячъ,
— У самого Наполеона—смѣты нѣту.—
Какъ ударилъ графъ Кутузовъ его въ щеку:
„Врешь ты, врешь ты, врешь, маіорикъ, все лукавишь:
„Иль меня, графа Кутузова, не знаешь?
„Я вашего храбраго войска не боюся,
„До самаго Наполеона доберуся“.

Два великана.

Въ шапкѣ золота литого
Старый русскій великанъ
Поджидалъ къ себѣ другого
Изъ далекихъ чуждыхъ странъ

За горами, за долами
Ужъ гремѣлъ о немъ разсказъ,
И помѣряться главами
Захотѣлось имъ хоть разъ.

И пришелъ съ грозой военной
Трехнедѣльный удалецъ,
У рукою дерзновенной
Хвать за вражескій вѣнецъ.

Но улыбкой роковою
Русскій витязь отвѣчалъ—
Посмотрѣлъ, тряхнулъ главою:
Ахнулъ дерзкій—и упалъ...

Но упалъ онъ въ дальнемъ морѣ
На невѣдомый гранитъ,
Тамъ, гдѣ буря на просторѣ
Надъ пучиною шумитъ.

Военный совѣтъ въ Филяхъ*).

Въ просторной лучшей избѣ мужика Андрея Савастьянова въ два часа (1-го Сентября 1812 года) собрался совѣтъ. Мужики, бабы и дѣти большой мужицкой семьи тѣснились въ черной избѣ черезъ сѣни. Одна только внучка Андрея, Малаша, шестилѣтняя дѣвочка, которой Свѣтлѣйшій (Кутузовъ), приласкавъ ее, далъ за чаемъ кусокъ сахару, оставалась на печи въ большой избѣ. Малаша робко и радостно смотрѣла съ печи на лица, мундиры и кресты генераловъ, одного за другимъ входившихъ въ избу и разсаживавшихся въ красномъ углу, на широкихъ лавкахъ подъ образами. Самъ „дѣдушка" (такъ называла про себя Малаша Кутузова) сидѣлъ отъ нихъ особо, въ темномъ углу за печкой. Онъ сидѣлъ, глубоко опустившись въ складное кресло. Входившіе одинъ за другимъ подходили къ фельдмаршалу: нѣкоторымъ онъ пожималъ руку, нѣкоторымъ кивалъ головой.

Вокругъ мужицкаго стола, на которомъ лежали карты, планы, карандаши, бумага, собралось такъ много народа, что деньщики принесли еще лавку и поставили у стола. Всѣ ждали Бенигсена, который доканчивалъ свой вкусный обѣдъ подъ предлогомъ новаго осмотра позиціи. Его ждали отъ четырехъ до шести часовъ и во все это время не приступали къ совѣщанію и тихими голосами вели посторонніе разговоры. Только когда вошелъ Бенигсенъ, Кутузовъ выдвинулся изъ своего угла и пододвинулся къ столу, но настолько, что лицо его не было освѣщено поданными на столъ свѣчами.

Бенигсенъ открылъ совѣтъ вопросомъ: „Оставить ли безъ боя священную и древнюю столицу Россіи или защищать ее?" Послѣдовало долгое и общее молчаніе. Всѣ лица нахмурились и въ тишинѣ слышалось сердитое кряхтеніе и покашливаніе Кутузова. Всѣ глаза смотрѣли на него; Малаша тоже смотрѣла на дѣдушку. Она ближе всѣхъ была къ нему и видѣла, какъ лицо его сморщилось: онъ точно собрался плакать.

---

*) Деревня у Поклонной горы.

— Священную древнюю столицу Россіи! вдругъ заговорилъ онъ сердитымъ голосомъ, повторяя слова Бенигсена и этимъ указывая на фальшивую ноту этихъ словъ.— Позвольте вамъ сказать, ваше сіятельство, что вопросъ этотъ не имѣетъ смысла для русскаго человѣка. Такой вопросъ нельзя ставить и такой вопросъ не имѣетъ смысла. Вопросъ, для котораго я просилъ собраться этихъ господъ, это вопросъ военный. Вопросъ слѣдующій: „Спасеніе Россіи въ арміи. Выгоднѣе ли рисковать потерею арміи и Москвы, принявъ сраженіе, или отдать Москву безъ сраженья?" Вотъ на какой вопросъ я желаю знать ваше мнѣніе.

Начались пренія. (Одни предлагали, особенно Бенигсенъ, дать сраженіе, другіе — отступить безъ боя, оставивъ Москву Наполеону). Выслушавъ мнѣнія, Кутузовъ сказалъ: „я не могу одобрить мнѣніе графа (Бениг сена): передвиженія войскъ въ близкомъ разстояніи отъ непріятеля всегда бываютъ опасны". Послѣдовало минутное молчаніе. Затѣмъ споры опять возобновились; но часто между ними наступали перерывы.

Во время одного изъ такихъ перерывовъ Кутузовъ тяжело вздохнулъ, какъ бы собираясь говорить. Всѣ оглянулись на него.

— Итакъ, господа, стало быть мнѣ платить за перебитые горшки, сказалъ онъ. И, медленно приподнявшись, онъ подошелъ къ столу.—Господа, я слышалъ ваши мнѣнія. Нѣкоторые будутъ несогласны со мной. Но я (онъ остановился) властью, врученною мнѣ моимъ Государемъ и отечествомъ, я—приказываю отступленіе.

Вслѣдъ за этимъ генералы стали расходиться съ тою же торжественностью и молчаливою осторожностью, съ которою расходятся послѣ похоронъ. Малаша, которую ужъ давно ждали ужинать, осторожно спустилась задомъ съ полатей, цѣпляясь босыми ножонками за уступы печки, и, замѣшавшись между ногъ генераловъ, шмыгнула въ дверь.

Отпустивъ генераловъ, Кутузовъ долго сидѣлъ, облокотившись на столъ, и думалъ все о томъ же страшномъ вопросѣ: „Когда же, когда же, наконецъ, рѣшилось то, что оставлена Москва?" — Этого я не

ждалъ, сказалъ онъ вошедшему къ нему адъютанту. — Вамъ надо отдохнуть, ваша свѣтлость, сказалъ адъютантъ.

— Да нѣтъ же! Будутъ же они лошадиное мясо жрать, какъ турки,—не отвѣчая, прокричалъ Кутузовъ, ударяя пухлымъ кулакомъ по столу.

Ко гробу *) Кутузова.

Передъ гробницею святой
Стою съ поникшею главой...
Все спитъ кругомъ. Однѣ лампады
Во мракѣ храма золотятъ
Столбовъ гранитныя громады
И ихъ знаменъ нависшій рядъ.
Подъ ними спитъ сей властелинъ,
Сей идолъ сѣверныхъ дружинъ,
Маститый стражъ страны державной,
Смиритель всѣхъ ея враговъ,
Сей остальной изъ стаи славной
Екатерининскихъ орловъ.
Въ твоемъ гробу восторгъ живетъ!
Онъ русскій гласъ намъ издаетъ.
Онъ намъ твердитъ о той годинѣ,
Когда народной вѣры гласъ
Воззвалъ къ святой твоей сѣдинѣ:
„Иди, спасай!“ Ты всталъ и спасъ.

25-ое декабря.

Воспоминаніе избавленія Церкви и Державы Россійской отъ нашествія галловъ и съ ними двадесяти языкъ.

Россія, дивная Держава!
И церковь родины святой!
Васъ озарила Божья слава—
Въ годину скорби роковой:

*) Могила Кутузова въ Спб. въ Казанскомъ соборѣ на правой сторонѣ отъ сѣвернаго входа въ соборъ.

Какъ двадцати народовъ силу
Съ собой привелъ къ намъ гордый галлъ
И ужъ позорную могилу
Въ отчизнѣ самой намъ копалъ,

Народъ нашъ, свыше вдохновенный,
Гордыни стеръ надменный рогъ
И, отъ враговъ освобожденный,
Воскликнулъ дружно: съ нами Богъ!

Полъ-вѣка болѣе ужъ нынѣ,
Какъ въ день Христова Рождества,
Творитъ Россія той годинѣ
Святую память торжества,

Съ пророкомъ вмѣстѣ восклицая:
„Языки, знайте—съ нами Богъ!
Совѣтъ вашъ дерзкій разоряя,
Онъ благодатно намъ помогъ;

„Мы страха вашего отнынѣ
Не убоимся, съ нами миръ!
Онъ вашей не знакомъ гординѣ—
Не знаетъ мира злобный міръ!“

Царь-Освободитель Александръ II Николаевичъ.

Ты взялъ свой день... Замѣченный отъ вѣка
Великою Господней благодатью,
Онъ рабскій образъ сдвинулъ съ человѣка
И возвратилъ семьѣ меньшую братью.

Ѳ. Тютчевъ.

На рожденіе Александра II.

Лѣта пройдутъ, подвижникъ молодой,
Откинувши младенчества забавы,
Онъ полетитъ въ путь опыта и славы...
Да встрѣтитъ онъ обильный честью вѣкъ,
Да славнаго участникъ славный будетъ,
Да на чредѣ высокой не забудетъ

Святѣйшаго изъ званій: человѣкъ.
Жить для вѣковъ въ величіи народномъ,
Для блага всѣхъ свое позабывать,
Лишь въ голосѣ отечества свободномъ
Съ смиреніемъ дѣла свои читать;
Вотъ правила царей великихъ внуку.

26 августа 1856 года.

Народомъ полонъ Кремль великій,
Народомъ движется Москва,
И слышны радостные крики,
И звонъ, и громы торжества.

Нашъ царь въ стѣнахъ, издревне славныхъ,
Среди ликующихъ сердецъ,
Пріялъ вѣнецъ отцовъ державныхъ,
Царя—избранника вѣнецъ.

Ему Господь родного края
Вручилъ грядущую судьбу;
И Русь, его благословляя,
Вооружаетъ на борьбу.

Его елеемъ помазуетъ
Она живыхъ своихъ молитвъ,
Да силу Богъ ему даруетъ
Для жизненныхъ, для царскихъ битвъ.

И преклоненны у подножья
Молитвеннаго алтаря,
Мы вѣримъ: будетъ милость Божья
На православнаго царя;

И дастъ Всевышній даръ познанья,
И ясность мысленнымъ очамъ,
И въ сердце крѣпость упованья,
Несокрушимую бѣдамъ.

И вѣримъ мы, и вѣрить будемъ,
Что дастъ Онъ даръ—вѣнецъ дарамъ,

Даръ братолюбья къ братьямъ-людямъ,
Любовь отца къ своимъ сынамъ;

И дастъ года Онъ яркой славы,
Побѣду въ подвигахъ войны,
И средь прославленной Державы
Года цвѣтущей тишины...

А ты, въ смиреніи глубокомъ,
Вѣнца пріявшій тяготу,
О, охраняй неспящимъ окомъ
Души безсмертной красоту.

Послѣдній штурмъ Севастополя *).

(27 авг. 1856 г.).

„Есть невозможное и для героевъ“.

Слова Импер. Александра II.

Исполать тебѣ, богатырь лихой,
Севастополь нашъ, крѣпость вѣрная!
Прослывешь ты злымъ, какъ Козельскъ другой,—
Обороною безпримѣрною!
Міру цѣлому ты загадкой сталъ,
Не возьметъ онъ въ толкъ, не пойметъ никакъ,
Чѣмъ держался онъ, твой разбитый валъ,
Противъ всѣхъ огней, противъ всѣхъ аттакъ.
Невдомекъ, знать, имъ, не понять врагамъ
Вѣрность русскую, непонятную!
Слава вѣчная, исполать тебѣ,
Севастополь нашъ, богатырь лихой!
Вѣрой-правдою въ роковой борьбѣ,
Постоялъ, боецъ, ты за край родной!
Только Божіимъ попущеніемъ,
Руси недруги, ваша верхъ взяла;
Жертвой честною очищенія
Крѣпость вѣрная за нее легла!

---

*) Осада Севастополя, гдѣ русскія войска по истинѣ заслужили имя „героевъ-севастопольцевъ“—окончилась занятіемъ союзниками только развалинъ нашихъ бастіоновъ и вѣчно памятнаго Малахова кургана.

Не кичитесь же, не хвалитеся:
Торжество еще далеко отъ васъ;
Пуще прежняго берегитеся,—
Горе тяжкое не сломаетъ насъ!
Обуялъ насъ грѣхъ, мы забылися, —
Вы воззвали насъ къ очищенію;
Одолѣлъ насъ сонъ, вы явилися.
Рады-ль будете пробужденію?..
Огнемъ золото, Русь невзгодами
Очищается, обновляется.
Тѣмъ могучи мы межъ народами,
Что въ насъ преданность не шатается;
Что умѣемъ мы гнѣвъ Создателя
Несть съ покорностью и смиреніемъ,—
Умолить Его, благъ подателя,
Нашей твердостью и терпѣніемъ;
Что въ бѣдѣ, нуждѣ стороны родной—
Мы съ отечествомъ не считаемся
И вокругъ царей, что живой стѣной,
Крѣпче прежняго собираемся.
Міру вѣдомо, всѣ вы знаете,
На Руси врагу тяжелы пути;
Скоро годъ, какъ вы порываетесь,
А далеко-ль вамъ удалось уйти?..
Здѣсь вашъ первый шагъ на Руси святой,—
Просимъ далѣе дорогихъ гостей;
Всюду встрѣтите вы пріемъ такой,
Ту же Русь вездѣ вы найдете въ ней,
Кровью купите каждый шагъ въ ней вашъ.
Припасемъ мы вамъ голодъ съ жаждою,
Москвой станетъ вамъ каждый городъ нашъ,
Севастополемъ крѣпость каждая.
Хоть и незваннымъ, дорогимъ гостямъ
Поусердствуемъ угощеніемъ:
Мало арміи для почета вамъ,—
Есть за ней у насъ ополченіе—
Не нарядное, не ученое,
Ратникъ съ поля взятъ, бородой обросъ;
Но сломить его—вещь мудреная,
Онъ стоитъ себѣ, словно въ землю вросъ.

Не грозимъ мы вамъ, не коримъ мы васъ—
Дѣло слабаго грозить попусту;
А вы знаете не сегодня насъ.
Рѣчь безъ хитростей ведемъ попросту,
Что придетъ пора, намъ поможетъ Богъ,
И за все—про все мы сквитаемся;
А не вѣрите, подведемъ итогъ,—
Поглядимъ назадъ, посчитаемся!

На развалинахъ Севастополя.

Привѣтствую тебя, алтарь народной муки,
И кланяюсь тебѣ,—поверженный въ бояхъ!
Какъ мертвый исполинъ, на грудь скрестившій руки,
Недвижимъ ты лежишь на тихихъ берегахъ...
Безлюдны улицы, обросшія травою,
Колонны бѣлыя возносятся вдали.
Тутъ опустѣлый храмъ; тамъ—цѣлою грядою
Упавшіе дома валяются въ пыли.
Вездѣ слѣды огня. Въ стѣнѣ ядро чернѣетъ,
Осколки старыхъ бомбъ топчу я подъ ногой...
О, городъ мертвецовъ! чья мысль уразумѣетъ
Величіе могилъ, оставленныхъ тобой?..
То былъ тяжелый годъ: Русь за тебя стонала!
Одинъ ты былъ, за всѣхъ измученный боецъ,
Святыня нашихъ слезъ. Чья кровь не закипала,
Когда ты надѣвалъ страдальческій вѣнецъ?
По всей святой Руси былъ каждый храмъ убогій
Молитвой за тебя народной потрясенъ.
А ты—ты умиралъ, торжественный и строгій,
Какъ мученикъ давно исчезнувшихъ временъ.
И пронеслась гроза. Объятый тишиною,
Печально ты глядишь въ развалины свои,
Но все въ тебѣ полно былиною живою
О чудныхъ подвигахъ геройства и любви.

Севастополь послѣ осады.

Угрюмыя мѣста! Печальныя могилы!
Слѣды геройскихъ дѣлъ и богатырской силы!

Развалины домовъ, обломки батарей.
И гавань мертвая безъ грозныхъ кораблей;
Насквозь пробитыя, безлюдныя строенья,
Громады мусора на мѣстѣ разрушенья,
Растенья чахлыя, какъ будто изъ гробовъ,
Тайкомъ растущія, безъ тѣни и плодовъ;
Курганъ Малаховскій надъ городомъ печальный,
Какъ будто-бы вѣнецъ на мертвомъ погребальный...
И—пыль на улицахъ, надъ бухтой и кругомъ,
Какъ саванъ, бѣлая, стоящая столбомъ,—
Ужасный, мрачный видъ! Печальная картина!
Вездѣ борьба и смерть оставила слѣды:
Жизнь, будто, замерла надъ трупомъ исполина—
И только высятся могильные кресты,
Да церковь Братская на Сѣверномъ кладбищѣ,
Гдѣ двѣсти тысячъ жертвъ легли кровавой пищей
Безжалостной войны.

Во время войны 1877—1878 года.

Опять горитъ Востокъ! Опять и кровь и стонъ,
Спаленныя поля, насилье, смерть, проклятья!
Опять—блуждающихъ въ горахъ дѣтей и женъ
Ко братьямъ о Христѣ молящія объятья!
Европа на сей разъ внимаетъ ихъ мольбамъ...
Но взоры ихъ слѣдятъ за дальнею Россіей,
Тамъ—Царь—помазанникъ! Страшись Востока—тамъ!
Туда указано, предъ смертью, Византіей...
И знаетъ это Русь... и долгъ свой приняла—
И былъ онъ для нея, что свѣтъ для морехода;
И мысль великая въ ней крѣпла и росла.
И въ разумѣ царей, и въ чаяньяхъ народа...
Ужъ близокъ Николай у цѣли былъ. Но Богъ
Еще отсрочилъ день... Настала-ли година?
Чего могучій духъ отца свершить не могъ,
Не суждено-ль свершить, быть можетъ, сердцу сына?..

Скобелевъ.

Онъ былъ одинъ,
Отвсюду, съ юга и востока,

Россіи виденъ издалека.
Какъ Богъ войны, какъ исполинъ,
Подъ непріятельскимъ огнемъ,
Иль въ натискѣ безумно смѣломъ,
Онъ намъ въ своемъ колетѣ бѣломъ,
Казалось, былъ покрытъ щитомъ
Архистратига Михаила...
И нѣтъ его, и эта сила
Разбита...

Царю-Освободителю.

Великій день. Минула четверть вѣка, какъ на Руси, безъ смуты и борьбы, по манію царя и человѣка, къ свободѣ, къ жизни призваны рабы. Умы твердили робкіе: не время. Ихъ обуялъ неодолимый страхъ. Но мощно онъ подъялъ святое бремя и вынесъ на своихъ его плечахъ. Его слова (громадно ихъ значенье) въ сердцахъ людей на вѣки не умрутъ:—„сверши, народъ мой, крестное знаменье и Божье призови благословенье на честный свой и на свободный трудъ!“ Еще висѣлъ туманъ передъ разсвѣтомъ, съ живымъ лучомъ еще боролась мгла, но воля въ немъ къ добру превозмогла и стала новымъ царственнымъ завѣтомъ. И мракъ тысячелѣтія густой въ единый день исчезъ въ лучѣ единомъ. Взошла заря—и пахарь нашъ простой, уснувъ рабомъ, проснулся гражданиномъ! Какъ былъ въ тотъ день прекрасенъ и великъ народный вождь, народомъ окруженный! Какъ, подвигомъ великимъ озаренный, былъ свѣтелъ, благъ его спокойный ликъ! А площадь колыхалася, какъ море, и, знаменіе крестное творя, благословлялъ съ слезою въ каждомъ взорѣ весь людъ освободителя царя. Онъ зналъ народъ свой, вѣрующій, сильный, онъ былъ съ народомъ плоть одна и кровь. Источникъ въ немъ кипѣлъ любвеобильный, жила въ немъ къ человѣчеству любовь. Благословенъ твой подвигъ величавый, благословенъ да будешь ты во вѣкъ, жизнь обновленную намъ давый, освободитель царь и человѣкъ.

Царю-Освободителю.

Христосъ, Христосъ воскресъ! Хвала и честь Тому,
Тому, Кто, какъ Пророкъ, евреямъ Богомъ данный,
Воздвигнулъ свой народъ отъ рабства и—ему
Открылъ широкій путь къ землѣ Обѣтованной.

Манифестъ 19 февраля

1861 года,

Посмотри—въ избѣ, мерцая,
Свѣтитъ огонекъ;
Возлѣ дѣвочки—малютки
Собрался кружокъ.
И съ трудомъ, отъ слова къ слову
Пальчикомъ водя,
По печатному читаетъ
Мужичкамъ дитя.
Мужички въ глубокой думѣ
Слушаютъ, молчатъ...
Развѣ крикнетъ кто, чтобъ бабы
Уняли ребятъ.
Бабы суютъ дѣтямъ соску,
Чтобы ротъ замкнуть,
Чтобъ самимъ хоть краемъ уха
Слышать что-нибудь...
Даже съ печи не слѣзавшій
Много-много лѣтъ,
Свѣсилъ голову и смотритъ,
Хоть не слышитъ дѣдъ.
Чтожъ такъ слушаютъ малютку?
Аль ужъ такъ умна?..
Нѣтъ, одна въ семьѣ умѣетъ
Грамотѣ она.
И пришлося ей, младенцу,
Старикамъ прочесть
Про желанную свободу
Дорогую вѣсть!
Самой вѣсти смыслъ покамѣстъ
Теменъ имъ и ей,

Но всѣ чуютъ надъ собою
Зорю новыхъ дней.
Вспыхнетъ, братцы, эта зорька!
Тьма идетъ къ концу...
Ваши дѣтки ужъ увидятъ
Свѣтъ лицомъ къ лицу!
Тьма пускай еще ярится,—
День взойдетъ могучъ!
Вѣщимъ окомъ я ужъ вижу
Первый сладкій лучъ:
Онъ горитъ ужъ на головкѣ,
Онъ горитъ въ очахъ
Этой умницы—малютки
Съ книжкою въ рукахъ!
Воля, братцы, это только
Первая ступень
Въ царство мысли, гдѣ сіяетъ
Вѣковѣчный день.

Новая жизнь.

День лучшей жизни наступилъ,
Дѣла идутъ въ порядкѣ новомъ;
Царь-государь державнымъ словомъ
Отъ рабства насъ освободилъ.

Прошла на вѣкъ пора страданій!
Явился свѣтъ, исчезла тьма!
Ужъ нѣтъ позорнаго клейма,—
Ужъ нѣтъ тѣлесныхъ наказаній!!.

Престолу вѣрный въ дни невзгодъ,
Всегда покорный царской волѣ
Отецъ,—ужели въ лучшей долѣ
Тебя забудетъ твой народъ?

Нѣтъ! За тебя его молитвы
И день и ночь къ Творцу міровъ!
Пускай идутъ толпы враговъ!
Скажи: гдѣ врагъ? гдѣ поле битвы?

Русь станетъ твердою стѣной!
Она крѣпка, неодолима,—
Ея любовь несокрушима
Къ тебѣ и родинѣ святой!..

На 25-лѣтіе царствованія Государя Императора Александра Николаевича.

Когда въ разрывѣ бурныхъ тучъ
За пролетѣвшимъ ураганомъ
Блеснетъ внезапно солнца лучъ
По залитымъ водой полянамъ,
По бурей взломаннымъ лѣсамъ,—
А вкругъ по сушѣ и морямъ
Гремятъ раскаты громовые,
И тучи новыя кругомъ,—
Такой явилася Россія
Предъ молодымъ своимъ Царемъ;—
И Онъ, еще сжимая руку
Похолодѣвшую отца,
Взглянулъ кругомъ—какую муку
Тутъ испыталъ Онъ... безъ конца
Казались бѣды и напасти,
Но въ Бога и народъ Свой Онъ,
Великой вѣрой укрѣпленъ,
Покорно принялъ бремя власти...

И двадцать пять минуло лѣтъ—
Надъ Русью новый свѣтитъ свѣтъ,
А съ затаенными громами
Все тѣ-же тучи, тьмы за тьмами,
Обволокли со всѣхъ сторонъ—
Нашъ прояснѣвшій небосклонъ.
И не пойметъ нашъ взоръ смущенный,
Чѣмъ наша Русь для нихъ страшна?
Мы сила въ мірѣ—насъ мильоны—
Но эта сила—въ чемъ она?
Смотрите: вотъ алтарь походный;
Царь передъ нимъ; полки кругомъ,
И нѣтъ конца толпѣ народной.

И мигъ!—Предъ поднятымъ крестомъ
Священный шелестъ пробѣгаетъ,
Склонились дому знамена,
И Царь колѣно преклоняетъ,
И все за нимъ—бѣжитъ волна
Во все людское это море!..
Одна молитва въ каждомъ взорѣ,
Одна у всѣхъ звучитъ струна,
Одно роднитъ всѣхъ умиленье,
Одинъ въ сердцахъ у всѣхъ—смиренья
Примѣръ подавшій намъ Христосъ!

Мы сильны—лишь боряся съ ложью,
Въ дѣяньи чуя правду Божью,
Христа миротворящій духъ.
И, полонъ имъ, Царь молвитъ слово:
„Да разрѣшатся узы!“—вдругъ
Спадаютъ узы. Молвитъ снова:
„Тамъ страждетъ братъ нашъ о Христѣ“...
И Русь идетъ, и какъ вожатый
Ей все предносится Распятый,
Насъ искупившій на крестѣ.

Ты, Государь, съ Твоимъ народомъ
Одна душа! Господь продли
Твой вѣкъ земной, да съ каждымъ годомъ
Крѣпчаетъ мощь родной земли!
Да просвѣтляется въ сознаньи
И въ заблудившихся умахъ
То, что свѣтится какъ преданье,
Какъ долгъ, какъ Божье указанье
По всей Руси, во всѣхъ сердцахъ!

Памятникъ Царю-Освободителю въ Москвѣ.

Изъ мѣди и мрамора въ старомъ Кремлѣ воздвигли мы памятникъ прочный тебѣ, но мѣди и мрамора будетъ прочнѣй та слава, что добылъ ты жизнью своей. Разсядется мраморъ, разрушится мѣдь, но память не можетъ твоя умереть.

Въ Россіи, доколѣ Россія стоитъ, народомъ своимъ ты не будешь забытъ, а тамъ, на Балканахъ, давно ужъ поетъ тебя въ своихъ пѣсняхъ Болгарскій народъ.

Императоръ Александръ III Александровичъ, Царь-Миротворецъ.

(1881—1894).

Въ томъ Царская Его заслуга предъ Россіей,
Что, Царь Онъ, вѣрилъ Самъ въ устои вѣковые,
На коихъ зиждется Россійская земля...

(А. Майковъ).

Въ день св. Коронованія Императора Александра III.

Радугой встрѣченъ при въѣздѣ въ Москву...
Солнцемъ внезапно, къ народу въ вѣнцѣ выходя, осіянъ...
Голубь влетѣвшій въ окошко въ соборъ,
Плавно надъ Нимъ, на престолѣ стоящимъ, кружитъ...
Склоненъ нашъ умъ видѣть знаменье свыше во всемъ:
Радуга—гнѣву-ль Господню конецъ?
Солнце—Божественный, свѣтъ озаряющій путь?
Голубь—Святого и Животворящаго Духа покровъ?
Это-ль преддверье грядущаго вѣка для насъ?

На событіе 17-го октября 1888 года.

Не намъ—что наше вдохновенье!
Не намъ тутъ говорить, не намъ!
Что значитъ пташки малой пѣнье
Небеснымъ вторящимъ громамъ!

Тутъ-ураганы! Тутъ-стихіи!
Тутъ подняты, тутъ взмущены
Сердецъ народныхъ всей Россіи
Заповѣдныя глубины!

Предъ ней, предъ всею стомильонной,—
Одно изъ Божіихъ чудесъ:

Стремится, славой окруженный,
Сонмъ Божьихъ ангеловъ съ небесъ,

И, средь круженья массъ желѣзныхъ,
Хранитъ Царя, Его семью;
И Самъ Господь съ высотъ надзвѣздныхъ
Простеръ надъ Ними длань Свою...

И зримъ—отъ хладной Полуночи
Да Гималая образъ сей,
И упиваются имъ очи,
И слезы льются изъ очей...

На спасеніе Государя Наслѣдника въ Японіи.

(1891 г.).

Царственный юноша, дважды спасенный!
Явленъ двукраты Руси умиленной
Божія Промысла щитъ надъ Тобой!--
Вихремъ промчалася вѣсть громовая,
Скрытое пламя въ сердцахъ подымая
Въ общемъ порывѣ къ молитвѣ святой.
Съ этой молитвой—всей Русской землей, сердцами Ты глубже усвоенъ...
Шествуй же въ путь свой и бодръ, и спокоенъ,
Чистъ передъ Богомъ и свѣтелъ душой.

На могилѣ Императора Александра III.

Съ душой, проникнутой любовью и смиреньемъ,
Съ печатью благости и мира на челѣ,
Онъ былъ ниспосланнымъ отъ Бога воплощеньемъ
Величія, добра и правды на землѣ.
Въ дни смуты, въ темное, безрадостное время
Мятежныхъ замысловъ, безвѣрья и угрозъ,
Подъялъ на рамена Онъ Царской власти бремя,
И съ вѣрой до конца то бремя Божье несъ.
Но не гордынею и силой грозной власти,
Не блескомъ суетнымъ, не кровью и мечемъ,—
Онъ ложь, и непріязнь, и лесть, и злыя страсти

Смирилъ и побѣдилъ лишь правдой и добромъ.
Онъ возвеличилъ Русь, Свой подвигъ ни единой
Не омрачилъ враждой, не требуя похвалъ;
И—тихій праведникъ—предъ праведной кончиной,
Какъ солнце въ небесахъ, надъ міромъ просіялъ!
Людская слава—дымъ, и жизнь земная бренна,
Величье, шумъ и блескъ—все смолкнетъ, все пройдетъ!
Но слава Божія безсмертна и не тлѣнна.
Царь-Праведникъ въ родныхъ преданьяхъ не умретъ.
Онъ живъ—и будетъ жить!—И въ горнюю обитель
Съ престола вознесенъ, передъ Царемъ-Царей
Онъ молится—нашъ Царь, нашъ свѣтлый Покровитель
За сына, за Семью, за Русь... за всѣхъ людей!

Къ портрету Государя Императора Александра III Александровича.

Въ томъ Царская Его заслуга предъ Россіей,
Что, Царь Онъ, вѣрилъ Самъ въ устои вѣковые,
На коихъ зиждется Россійская земля;
Ихъ громко высказалъ; и какъ съ высотъ Кремля
Ивановъ колоколъ ударитъ, и въ мгновенье
Всѣ сорокъ сороковъ въ Христово Воскресенье
О свѣтломъ праздникѣ по Руси возвѣстятъ,—
Такъ слово Царское, летя изъ града въ градъ,
Откликнулось вездѣ народныхъ силъ подъемомъ,
И какъ живительнымъ весеннимъ первымъ громомъ
Вдругъ къ жизни призваны, очнутся долъ и лѣсъ,
Воскресла духомъ Русь, сомнѣній мракъ исчезъ;
И то, что было въ ней лишь чувствомъ и преданьемъ,
Какъ кованной броней, закрѣплено сознаньемъ.

Думы у гроба Императора Александра III.

Въ своемъ гробѣ слышешь-ли Ты, что плачъ стоитъ надъ необъятнымъ просторомъ Твоей Россіи, потому что солнце ея закатилось; по Тебѣ русская земля стонетъ. Ей говорятъ, что Тебя ужъ нѣтъ болѣе съ нами...

Спи тихо, нашъ Царь!

Ты усталъ отъ работы. Съ тѣхъ поръ, какъ ты лилъ чистыя слезы, передъ Богомъ, надѣвая Царскій вѣнецъ, Ты вытерпѣлъ много—Ты ковалъ нашу славу и счастіе; теперь руки ослабѣли и пали.

Спи, отдыхай, Богатырь земли Русской!

Спи безмятежно, кроткій Работникъ! Твоя правдивая жизнь запала намъ въ душу, и Царскій завѣтъ Твой будетъ нерушимъ, завѣтъ вѣровать въ нашу Русь и служить ей, какъ Ты послужилъ ей всей Твоей мыслью и силой до смерти.

Бодро мы станемъ, вдохновясь Твоимъ именемъ, и будемъ мы думать: Ты съ нами и, когда мы увидимъ Тебя, спросишь отвѣтъ съ насъ. А пока надеженъ покой Твой: вокругъ Тебя миръ, который хранилъ Ты и вѣрная Россія, и на родномъ небѣ горитъ Твоимъ свѣтомъ древнее слово: „Богъ не въ силѣ, а въ правдѣ“.

Для Тебя у Россіи нѣтъ смерти.
Спи тихо, нашъ праведный Царь!

Первенцу Николая II.

Давно желанный гость, Ты прибылъ наконецъ!
И сладостныхъ надеждъ вкругъ насъ зажглося море:
Къ Тебѣ летитъ привѣтъ безчисленныхъ сердецъ,
Съ улыбкой на устахъ и радостью во взорѣ.

Тяжелыхъ тучъ налетъ мрачитъ намъ нынѣ дни,
Въ разладѣ думъ и чувствъ вездѣ такъ много муки,
Что въ этой грозной тьмѣ маячные огни
Горятъ еще тускнѣй, чѣмъ слезы въ часъ разлуки.

Войди же въ нашу жизнь лучомъ иныхъ міровъ!
Мы такъ устали ждать разсвѣта, примиренья...
Такъ просимъ отъ судьбы невиданныхъ даровъ
Другъ къ другу добрыхъ чувствъ, и правды, и миренья...

Нѣтъ подвига страшнѣй, чѣмъ скорбный путь Царя
Надъ омутомъ страстей, надъ бездной испытаній:
Твой первый дѣтскій крикъ—и праздникъ, и заря
Для множества людей, изнывшихъ отъ страданій.

Державный Твой Отецъ намъ отомкнулъ Востокъ:
Тебѣ дано спаять съ нимъ связанныя звенья,
Свободныхъ, бодрыхъ силъ туда направить токъ
И возродить всю Русь расцвѣтомъ просвѣщенья.

Давно желанный гость, Ты прибылъ наконецъ!
И вѣрится мечтамъ, въ которыхъ счастье дышетъ:
На колыбель Твою блестящій легъ вѣнецъ,—
И молится народъ, и Богъ его услышитъ...

